

АФК. АВЕРЧЕНКО

1979

Аркадий
Аверченко

ТРИ КНИГИ

1. НЕЧИСТАЯ СИЛА
2. ДЕТИ
3. ПАНТЕОН СОВЕТОВ
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
New York • 1979

AVERCHENKO, Arkadii Timofeevich

TRI KNIGI.

1. **Nechistaia sila.**
2. **Deti.**
3. **Panteon sovetyov molodym liudiam
ili verneishie sposoby, kak imet' uspekh v zhizni.**

©1979 by Russica Publishers, Inc.

Library of Congress Catalog Card Number:
79-65800 ISBN: 0-89830-009-6

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

799 Broadway
New York, N. Y. 10003

С О Д Е Р Ж А Н И Е

НЕЧИСТАЯ СИЛА	7
ОГЛАВЛЕНИЕ	97
ДЕТИ	(103)
ОГЛАВЛЕНИЕ	(209)
ПАНТЕОН СОВЕТОВ	
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ	(215)
ОГЛАВЛЕНИЕ	(303)

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Книга новых рассказов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ЭТОГО, КОТОРОЕ

Иногда усталому притомившемуся путнику приходится на ночь остановиться в полуразрушенном замке, пользующемся в окрестностях дурной славой.

— Я вам, сударь, не советую искать ночлега в замке, — предостерегает путника встреченный на дороге поселянин. — Там нечистая сила пошаливает.

Но утомился путник, и не до того ему, чтобы разбирать: нечистая или чистая сила пошаливает в замке.

И вот всходит он по гулким каменным ступеням, покрытым щебнем и мягкой пылью... Луна заглядывает в огромные разбитые окна, а под покрытым черной паутиной потолком бесшумные летучие мыши чертят свои причудливые узоры... А внизу мышеписки, стрекотанье, вздохи и треск — не то рассохшихся половиц, не то неотпетых человечьих костей.

Завернулся усталый путник в свой плащ, лег — и пошло тут такое, от чего волосы на утро делаются белыми, взгляд надолго застывает стеклянным ужасом...

Много всякого выползло, вышагнуло, выпрыгнуло и закружилось около путника в безумном хороводе: незакопанные покойники с веревкой на шее, вурдалаки, нежить разносортная, синие некрещеные младенцы с огромными водяночными головами и тонкими цепкими лапками, похожие на пауков, — шишиги, упыри, чиганашки — все, что неразборчивая и небрезгливая ночь скрывает в своих темных складках.

И кажется путнику, что уж нельзя больше выносить этого ужаса, что еще минутка, еще секундочка одна — и разорвется сердце от бешеных толчков, от спазмы леденящего страха... Но чу! Что это? В самый последний, в предсмертный момент — вдруг раздался крик петуха — предвестника зари, света, солнца и радости.

Слабый это крик, еле слышный — и куда что девалось: заметалась, зашелестела вся нечисть, вся нежить, запищала последним писком и скрылась — кто куда.

А свет разгорается все больше и больше, а петух поет все громче и громче...

Здравствуй, милый петух!

Это не тот страшный «красный петух», что прогулался по России от края до края и спалил все живое, это не изысканный галльский шантеклер, возвещающий зарю только в том случае, если ему будут уплачены проценты по займам и признаны все долги; это и не тот петух, после пения которого ученик трижды отрекся от своего Божественного Учителя.

Нет, это наши обыкновенный честный русский петух, который бодро и весело орет, приветствуя зорю и забивая своим простодушным криком осиновый кол в разыгравшуюся в ночи нечистую силу.

Еще клубятся повсюду синие некрещеные младенцы, вурдалаки, упыри и шишиги — но уже раскрыт клюв доброго русского петуха — вот-вот грянет победный крик его!

А что это за нечистая сила, разыгравшаяся на Руси, — тому следуют пункты:

Аркадий Аверченко

НАВАЖДЕНИЕ

Вы, которым шестьдесят лет, или даже вы, которым сорок лет, или даже вы, молокососы, которым только двадцать лет, — вы помните, как жила вся необъятная Россия совсем еще недавно?

Ну, как же вам не помнить: ведь прежняя жизнь складывалась столетиями и не скоро ее забудешь!

Каждый день вставало омытое росой солнышко, из труб одноэтажных домиков валил приветливый дымок, с рынка тащились хозяйки, тяжело нагруженные говядиной, хлебом, овощами и фруктами — все это за рубль серебра, а если семья большая, примерно из 6 или 7 душ — то и все полтора рубля оставляла хозяйка на грабительском рынке. Немало бывало и воркотни:

— Проклятые купчишки опять вздули цену на сахарный песок, вместо 13 с половиной дерут по 14 копеек — мыслимо ли этакое? А к курице прямо и не приступись: шесть гривен за такую, что и смотреть не на что!

Веселой гурьбой рассыпались по городу школьники, и пока еще были 5—10 минут свободных до звонка — с озабоченными лицами производили покупки для своего многосложного обихода: покупали бублик за копейку, маковник за копейку, вареное яйцо за копейку, перо

за копейку, — и только трехкопеечная тетрадь надолго расстраивала и расшатывала весь бюджет юного финансиста. Единственное, что служило ему утешением, это — что за те же три копейки тароватым продавцом к тетради прилагалась бесплатно переснимочная картинка; картинка эта очень скоро при помощи сложного химического процесса, в котором участвовала слюна и указательный палец — занимала почетное место в углу первой страницы Малинина и Буренина.

Из всех кузниц, из всех слесарных мастерских с самого раннего утра неслось бодрое постукивание — не диво ли? Кузнецы, слесаря, медники работали! А в другом месте свистящий рубанок плотника ловко закручивал причудливую вкусно пахнущую сосновую стружку, а в третьем месте замасленный извозчик до седьмого поту торговался с прижимистым седоком из-за медного — о, настоящего медного — пятака:

— Веришь совести, сударь мой — сено-то нониче почем? По сорок копеек за пуд дерут оглоеды!

А в четвертом месте каменщики на постройке дома уже успели пошабашить на обед, и — любо глядеть, как огромная корявая лапа, истово перекрестив лоб, тянет из общей миски ложку каши едва-едва не с полфунта весом.

А в пятом месте «грабители-купчишки», успев сделять неслыханное злодеяние — взвинтить на полкопейки цену за сахарный песок, уже выдули по громадному чайнику кипятку ценой в копейку и уже уселись за вечные шашки со своими «молодцами» или с соседним грабителем-купчишкой.

Из окон белого домика с зеленою крышей несутся волны фортепианных пассажей, причудливо смешиваясь с запахом поджаренного в масле лука и визгом ошпаренной кухаркой собачонки — и даже полицеймей-

стер занят делом: приподнявшись с сиденья пролетки и стоя одной ногой на подножке, он распекает околодочного за беспорядок: у самой обочины тротуара лежит труп кошки с оскаленными зубами.

Да что там полицеймейстер? — даже городской сумасшедший, дурачок Трошко выдумал себе работу: набрал в коробочку щепочек, обгорелых спичек, старых пуговиц и зычно кричит на всю площадь:

— А вот ягода садовая, а вот фрукта! Здравия желаем, ваше превосходительство!

Солнце парит, петухи, окруженные вечно голодным гаремом, чуть не по горло зарылись в пыль в поисках съестного — и только одни лентяи и оболтусы стрижи носятся в знойном воздухе безо всякого смысла и дела.

А в воскресный день картина была иная — помните?

Нет уж кузнечных и слесарных стуков, над городом нависла прозрачная стеклянная праздничная тишина, и тишину эту только изредка разбивает густой басистый звон колокола соборной церкви; и, пролетев над городом, звон этот долго еще стелется гудящими волнами над прозрачной, как стекло, застывшей в зное прозрачного дня речкой, окаймленной осокой и вербами...

Тихо тут, и даже терпеливый воскресный рыболов, имеющий свои виды на пескаря или ершишку — и тот не нарушает мертвой торжественной тишины — разве что иногда звучно вздохнет от напряженного ожидания.

А в городе так празднично, что прямо сил нет: у школьников накрахмаленные парусиновые блузы топорщатся, у каменщиков кумачовые праздничные рубахи топорщатся, волосы смочены лучшим лампадным маслом, лица с утра, пока не выпито, деревянно-торжественно-благоговейные, и даже праздничный полицеймейстер в парадном праздничном мундире накрахмален вместе с лошадью, кучером и пролеткой.

Сегодня он не ругается — только что у обедни благовейно приложился к кресту и к руке отца проповедника — шутка ли?

А девушка из зеленого домика ради праздника, вместо гамм и упражнений, разрешила себе не только «Молитву Девы», но даже кусочек «Риголетто». А юная сестра ее с томиком Тургенева в руке тихо и чинно шагает в тенистый городской сад, и золотая коса, украшенная пышным лиловым бантом, еще больше золотится и сверкает на летнем воскресном солнце, а лицо под полями соломенной шляпы — в тени, и такое это милое девичье русское лицо, что хочется нежно прильнуть к нему губами или просто заплакать от тихой сладкой печали и налетевшей откуда-то тоски неизвестного, неведомого происхождения.

В трактире Огурцова душно, накурено, пахнет пролитой на прилавок водкой и прокисшим пивом, но весело необыкновенно!

Гудит машина, и весь рабочий народ, как рой пчел, сгрудился около прилавка и за столиками, уставленными неприхотливой снедью: жареной рыбой, огурцами, битками с луком, яичницей-глазуньей, ценой в пятиалтынный — и целым океаном хлеба: черного, белого, пеклеванного — на что душа потянет.

Тяжелые стаканчики толстого зеленого стекла то и дело опрокидываются в отверстые бородатые, усатые пасти... Пасти крякают, захлопываются, а через секунду огурец звучно хрустит на белых как кипень зубах.

Да позвольте! Как же рабочему человеку не выпить? Оно и не рабочему хорошо выпить, а уж рабочему и Бог велел.

Благословляю вас, голубчики мои — пейте! Отдыхайте. Может быть, гармошка есть у кого? А ну,

ушкварь, Вася! Расступись шире ты, православный народ! А ну, Спирька Шорник, покажи им где раки зимуют — не жалей подметок — жарь вовсю — Фома Кривой за целковый новые подбросит. Эх, люди-братие! Поработали вы за недельку — так теперь-то хоть тряхните усталыми плечами так, чтобы чертям было тошно! Эй, заворачивай-разворачивай! Ой жги-жги-жги, говори!!

Пляшет Спирька, как бес перед заутреней, свирепо терзает двухрядку Вася, так что она только знай поеживается, да хрюкает, да повизгивает, а из собора, отстояв позднюю обедню, важно бредет восвояси купец с золотой медалью на красной ленте у самого горла под рыжей бородой. Не менее важно рядом с ним вышагивает кум-посудник, приглашенный на рюмку смородиновки, и на воскресный пирог с рыбой, вязигой, рисом, яйцами — с чертом в ступе...

Праздничные сумерки тихо опустились над притихшим городом...

В садиках под грушей, под липой, под кленом — кое-кто пьет вечерний чай с вишневым, смородиновым или клубничным вареньем; тут же густые сливки, кусок пирога от обеда, пузатый графин наливки и тихий усталый говор... Через забор в другом садике наиболее неугомонные сговариваются насчет стуколки, а поэтичный казначейский чиновник сидит на деревянном крылечке и, вперив задумчивые глаза в первые робкие звезды, тихо нащупывает струны гитарные...

Тссс... засыпает городок. Пусть: не будите, завтра ведь рабочий день.

Так вот и жили мы — помните?

Даже вы, двадцатилетние молокососы — нечего там — должны это помнить...

* * *

И вдруг — трах-тара-рах! Бабах!!!

Что такое? В чем дело? Угодники святые!

Кто это перед нами стоит, избочась и нагло поблескивая налитыми кровью глазами? Неужели ты, Спирька Шорник? Владычица Пресвятая, Казанская Божья Матерь!! В чем же дело?

— А у том, собственно, — цедит сквозь зубы пренебрежительный Спирька, — что никакой Владычицы, никакой Казанской и нет, и все это был один обман и народная тьма. А есть Циммервальд и есть у нас один вождь красного пролетариата, краса и гордость авангарда мировой революции — Лев Давидович Троцкий! Отречемся от старого ми-и-ра...

Вот тебе и пирог с вязигой!

Было праздничное богослужение, народ трепетно прикладывался к кресту, а теперь взяли ни с того ни с сего и вздернули пастыря на той самой липе, под которой так хорошо пили чай со сдобными булочками, с малиновым и смородиновым вареньем.

И какое там к черту малиновое варенье, когда кислое повидло с тараканами 1500 рубликов фунт стоит.

А Спирька уже не шорник, а председатель совдепа, назначенный самим совнаркомом, и скоро, поговаривают, будет назначен главкомвоенмором.

Позвольте, при чем тут главкомвоенмор? А где та девушка с золотой косой и томиком Тургенева под мышкой? Помните, та, что шла воскресным утром в тенистый городской сад?

— А! Неужели не слышали? Ее вместе с отцом, председателем казенной палаты, доставили за контрреволюцию в чрезвычайку, а когда она выразила несо-

гласие с системой допроса избитого отца — ее, как говорит русская пословица: «при попытке бежать застремили».

— Опомнитесь! Есть ли у вас Бог в душе?

— Говорят же вам, что декретом совнаркома Бог отменен за мелкобуржуазность, а вместо него — не хотите ли Карла Либкнехта плюс Роза Люксембург — многие одобряют!

Да, чуть не забыл! Казначейский-то чиновник... Помните, что еще играл по вечерам на гитаре...

— Ну? Ну?!

— Уже не играет на гитаре. Разбили гитару об голову за отказ выдать ключи от казначейской кассы.

— Кто же это разбил?

— Председатель совнархоза.

— Это что еще за кушанье?!

— Помилуйте! Совет народного хозяйства. Всем продовольствием ведает.

— Да ведь продовольствия нет?!

— Это точно, что нет. А совнархоз есть, это тоже точно.

Дивны дела твои, Господи. Ташила хозяйка за рубль серебра с рынка и говядину, и мучицу, и овошь всякую, и фрукту — и не было тогда совнархоза. Волос дыбом, когда подумаешь, как по-свински жили — безо всякого совнархоза, без Агитпросвета и Политкома обходились, как дикии какие-то... Убоину каждый день лопали, пироги, да поросенка, да курчонка ценой в полтину.

А нынче Спирька — главкомвоенмор, всюду агитпросты и пролеткульты... У барышни, игравшей по воскресеньям «Молитву Девы», рояль реквизировали, школьники, бездумно переводившие намоченными пальцами

переснимочные картинки, передохли от социалистической голодухи, а купца с медалью на красной ленте просто утопили в речке за то, что был «мелкий хозяйственник и саботировал Продком».

Каменщики уже не работают, плотничьи рубанки уже не завивают прихотливых стружек, а кузнецы если и постукивают, так не по наковальням, а по головам несогласного с их платформой буржуазиата.

И не стрижи уже весело вьются, носятся над тихим городом... Имя этим новым, весело порхающим по городу птичкам иное — вороны, коршуны-стервятники. Вот уж кто питается — так на совесть!

Вот уж кому обильный Продком устроен!

Суммируя все вышесказанное — что, собственно, случилось?

В лето 1917-е приехали из немецкой земли в запечатанном вагоне некие милостивые государи, захватили дом балерины, перемигнулись, спихнули многоглаголивого господина, одуревшего от красот Зимнего Дворца, спихнули, значит, и, собрав около себя сотню-другую социалистически настроенных каторжников, в один год такой совдеп устроили, что в сто лет не расхлебаешь.

Сидел Спирька Шорник у себя в мастерской, мирно работал, никого не трогал — явились к нему:

— Брось, дурак, работу — мы тебя главкомвоенмором сделаем. Грабь награбленное!

— А ежели Бог накажет?

— Эва! Да ведь Бога-то нет.

— А начальство?

— Раков в речке кормит.

— Да как же, наша матушка-Расея...

— Нету матушки-Расеи. Есть батюшка интернационал.

— Да ну! Комиссия отца Денисия!

— Ну, брат, теперь комиссия без отца Денисия. Аки плод на древе, красуется колеблемый ветром отец Денисий.

Крякнул только Спирька, натянул на лохматую голову шапочонку и, замурлыкав пророческий псалом:

— «Эх, яблочко... куда котишься?» — пошел служить в комиссию без отца Денисия.

Покатился.

* * *

Ну, что, голубчики-русские... Обокрали нас, а? Без отмычек обокрали, без ножа зарезали...

И когда при мне какой-нибудь слашавый многодумец скажет:

Что ни говорите, а Ленин и Троцкий замечательные люди...

— Мне хочется спихнуть его со стула, и, дав пинка — ногой в бок, вежливо согласиться с ним:

— А что вы думаете! Действительно, замечательные люди! Такие же, как один из учеников Спасителя мира — тоже был замечательный человек: самого Христа предал.

Так уж если Христа, самого Бога, человек предал, то предать глупую, доверчивую Россию куда легче.

* * *

И когда снова Спирька возьмется за свои седла и уздечки, когда снова ароматная сосновая стружка завьется под рубанком плотника, когда купец будет торговать, а не плавать, как тюлень в проруби, когда тонкие девичьи пальцы коснутся клавишей не подлежащего реквизиции рояля, и хозяйки побредут с рынка,

сгибаюсь не под тяжестью ненужных кредиток, а под благодетельной тяжестью дешевых мяс, хлебов и овощей, когда неповешенный пастырь благословит с амвона свое трудящееся мирное стадо, когда в воскресном воздухе понесутся волны запахов пирогов с вязигой, ароматной вишневки, когда вместо зловещего коршуна и воронья в синем, теплом воздухе снова закружатся стрижи — я скажу:

— Велик Бог земли русской!.. Мы три года метались в страшном кошмарном сне, и земной поклон, великое спасибо тем, которые, взяв сонного русака за шиворот, тряхнули его так, что весь сон как рукой сняло. Тряхнули так, что, как говорится, «аж черти посыпались».

Голубеет небо, носятся как угорелые стрижи, плывет святорусский звон колокола и прекрасная белокурая девушка — символ новой, но вечно старой России — снова идет с книжкой в уютный тенистый сад, где ласково кивают ей зеленеющие ветви:

— Милости просим: отдохни, девушка!

Слава в вышних Богу, на земле мир, в человеческих благоволение...

— Отдохни, девушка.

Ах, как мы все устали, и как нам нужно отдохнуть.

И тем нужно отдохнуть, что бежали, преследуемые, и тем, что по канавам валялись расстрелянные, и тем, что гнили по чрезвычайкам, избитые, оплеванные, униженные грязной продажной лапой комиссара.

И этим нужно отдохнуть — вот этим самым комиссарам — всем этим Лениным и Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Луначарским, Дыбенкам — имена же их ты, диаволе, веси — и они поработали усердно и имеют

раво на сладкий отдых...

И отдых им один, отдых до конца дней их, до тех пор, пока огонек жизни будет теплиться в них:

«Отдых на крапиве!..»

ДОБРЫЕ ДРУЗЬЯ ЗА РАМСОМ

Мы, обыкновенные люди, так уж устроены, что не любим ничего абстрактного. Нам подавай конкретное, покажи нам такое, чтобы мы могли не только пощупать собственными руками, а пожалуй, еще и понюхать, а пожалуй, еще и лизнуть языком: «Сладко ли мол? Не кисло ли?»

Вот только тогда мы, действительно всеми чувствами нашими поймем, «что воно таке».

Например, я: сколько ни читал сухих, очень дельных исторических монографий об Екатерине Второй и Потемкине — все не мог себе живо представить: что это были за люди во плоти и крови?

Сухая передача их дел и подвигов ни капельки не волновала меня и не заставляла работать мое воображение.

И представились они мне ясно, во весь рост только тогда, когда я прочитал следующие несколько строк, брошенных вскользь русским писателем.

О Потемкине... «Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немножко крив, на лице изображалась надменная величавость,

во всех движениях была привычка повелевать». И дальше: «Потемкин молчал и небрежно чистил небольшой щеточкой свои бриллианты, которыми были унизаны его руки».

То же и об Екатерине II: «...Вакула осмелился поднять голову и увидел стоявшую перед собой небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом... — «Светлейший обещал меня познакомить меня с моим народом, которого я еще не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев». И дальше: «Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца...»

Всего несколько пустяковых штрихов — и обе фигуры стоят передо мной, как живые.

* * *

Сейчас — нет спору — в России две самых интересных фигуры — Ленин и Троцкий. И за ними еще две — Горький и Луначарский.

А как мы можем их себе представить конкретно, этих живых людей, которые ходят, говорят, едят и любят?

Не по сухим же советским сводкам, не по очередному же выступлению Троцкого в Цике, не по бескровным же, унылым и вялым фельетонам Горького и Луначарского.

Поэтому и отношение у нас к ним такое, как к героям отечественной сказки, происходящей в некотором царстве, в тридевятом государстве, где бесшумно и бесплотно бродят какие-то абстрактные символы.

Нет, ты возьми каркас, скелет их возьми, да обложи его мясом да перетяни сухожилиями, да обтяни кожей, да наполни живой теплой кровью, да заставь их ходить и говорить — вот я тогда сразу представлю себе, что такое Троцкий и Луначарский.

Да моему сердцу одна пустяковая фраза Ленина, оброненная мимоходом: «Товарищ Марфушка, ты опять к столу теплый Монополь-сек подала? Ну, что мне с тобой, дурищай, делать?!» — скажет больше, чем целая его декларация о текущем моменте, произнесенная на съезде перед сотней партийных дураков!..

И поэтому я иногда сам, для собственного удовольствия, представляю — как они там себе живут?

Одно лицо, приехавшее из Совдепии и заслуживающее уважения, рассказывая о тамошнем житье-бытье, бросило вскользь фразу:

— С Горьким у них дружба. Луначарский по вечерам ездит к Горькому в рамс играть. Иногда и Троцкий заезжает. Выпьют, закусят... Жизнь самая обыкновенная.

Стоп! Довольно. Больше ничего не надо.

Схватываю двумя пальцами эту маленькую закорючку хвостика и вытаскиваю на свет Божий конкретную картину.

* * *

Кабинет Максима Горького. Зимний вечер.

По мягкому ковру большими неслышными шагами ходит Горький, и спустившаяся прядь длинных прямых волос в такт шагам прыгает, танцует на квадратном лбу. Руки спрятаны в карманы черной суконной куртки, нагло застегнутой у ворота, весь вид задумчивый.

На оттоманке в углу уютно устроилась с вязаньем

жена его — артистка Андреева, управляющая ныне всеми столичными театрами.

— О чём задумался? — спрашивает Андреева.

— Вообще так... Сегодня на Моховой видел человека мертвого: не то замерз, не то от голода. И все проходят совершенно равнодушно, а многие, вероятно, думают: завтра свалюсь я — и пройдут другие мимо меня так же равнодушно. Ужас, а?

— Сегодня ждешь кого-нибудь?

— Да, Луначарский звонил, что заедет. Троцкий с заседания обещал завернуть. Кстати, у нас закусить чего-нибудь найдется?

— Телятина есть холодная, куском. Макароны могу велеть сварить с пармезаном. Рыба заливная... Ну, консервы можно открыть. Сыр есть.

— А вино?

— Вино только красное. Портвейну всего три бутылки. Впрочем, водки почти не начатая четверть, та, что на лимонной корке настоял... А! Анатолий Васильевич... Забыли вы нас: три дня и глаз не казали. Нехорошо, нехорошо.

В дверях стоял, сощурив темные близорукие глаза, Луначарский и, облизывая языком ледяную сосульку, повисшую на рыжеватом усе, усиленно протирал запотевшее в жаркой комнате пенсне.

— Холодище, — пробормотал он хрипловатым баритоном. — Я думаю, градусов 20. Мерзнет святая Русь, хе-хе. Ну, что ж нынче — сразимся? Только если вы мне вкатите такой же ремиз, как третьего дня, — прямо отказываюсь с вами играть.

— А что же ваша супруга? — любезно спросила Марья Федоровна, складывая рукоделие.

— Да приключение с ней неприятное. Так сказать:

приключилось маленькое инкоммодите! Пошла вчера вечером пешком из театра — прогуляться ей, виши, захотелось. Это при двух-то автомобилях! — в темноте споткнулась на какой-то трупище, валявшийся на тротуаре, упала и все плечо себе расшибла. Такой синяк, что...

— Какой ужас! Компресс надо.

— Не по Моховой шла? — задумчиво спросил Горький.

— Ну, где именье, где Днепр!.. При чем тут Моховая? А Лев Давидыч будет?

— Обещал заехать после заседания. А здорово, знаете, он играет в рамс. Умная башка!

— А жарковато у вас тут! Ф-фу!

— Да... Маруся любит тепло. Это у нее еще из Италии осталось.

— Анатолий Васильич! Могу сообщить вам новость по вашей части: у нас почти весь сахар кончился.

— Отложил для вас полтора пудика. А мука как, что вчера послал — хороша?

— О, прелесть. Настоящая крупчатка. Где это вы такую достали?

— А мне знакомые латыши спроворили. Очень полезный народ. Все, как из-под земли достают. Например, любите малороссийскую колбасу?..

— Злодей! Он еще спрашивает!

— Слушаюсь! Будет. А вот и наш Леон Дрей. По гудку узнаю его автомобиль.

В кабинет вошел, молодцевато подергивая обтянутыми в коричневый френч плечами, Лев Давидыч Троцкий. На крепких бритых щеках остался еще налет тающего инея, желтые щегольские гетры до колен весело поскрипывали при каждом шаге.

— Драгоценная Мария Федоровна! Ручку. Здорово,

панове! А я, простите, задержался — на пожаре был.

— Где пожар?

— На Глазовой. Эти каналы от холода готовы даже дома жечь, чтобы согреться. Я двух все-таки приказал арестовать — типичные поджигатели.

— Ну, не будем терять золотого времени, — хлопотливо пробормотал Луначарский, посматривая на золотые часы.

— Кстати, Левушка, об аресте... Помнишь, я тебя просил за того старика профессора, что сдуру голодный бунт на Петроградской стороне устроил? Выпустили вы его?

— Ах, да! К сожалению, поздно ты за него попросил. Звоню я в чрезвычайку на другой день, а его только что израсходовали. Еще тепленький.

— А, черт бы вас разодрал! И куда вы так вечно спешите. Ведь совершенно безобидный старик. Три дочери от голодного тифа скапустились. Он и того... Кому сдавать? Вам, Алексей Максимыч. Так-с. Я не покупаю. Ну, зайдем с валетика, что ли. А это как вам понравится? А это!! Хе-хе... Все пять — мои; пишите ремизы.

Вошла горничная.

— Домна спрашивает — телятину подогреть?

— Наоборот, — поднял голову от карт Алексей Максимыч. — Красное вино подогрей, а телятина пусть холодная. С огурчиком.

* * *

— Господа, пожалуйте закусить. Вам телятинки сначала, рыбки или макарон? Рюмочку лимонной! Сам настаивал, хе-хе.

* * *

Так они и живут, эти приятели, так дорого обошедшиеся России.

ГОРОД ЧУДЕС

Написано Аркадием Аверченко
при любезном содействии его коллеги
Герberта Джорджа Уэльса — Эсквайра.

...Получив соответствующее разрешение, компания американских миллионеров-предпринимателей выпустила на купленный за чертой города участок земли целую тучу архитекторов, инженеров и, главное, специалистов по всем отраслям предполагаемого предприятия — самым мельчайшим.

Весь участок обнесли высочайшим забором и только на южной стороне ограды были проделаны монументальные ворота с огромной вывеской, на которой горела и сверкала всеми цветами радуги огненная надпись:

«Город Чудес».

А ниже:

«День пребывания в Городе Чудес и осмотра его стоит 5 миллионов руб. Спешите! Лучшая аттракция мира! Важно для русской «взыскующей града» души!!».

Беспрерывная адская работа кипела 3 месяца.

Наконец последняя гайка была привинчена, последний гвоздик вбит куда следует — и предприятие было объявлено открытым для широкой публики.

* * *

Беря у входной кассы билеты и платя за них жирную пачку керенок в пятьдесят тысяч, Иван Николаевич Трошкин говорил своему другу Филимону Петровичу Грымзину:

— То есть, знаешь, — если бы не так дорого драли — ни за что бы не пошел!

— Еще бы, — рассудительно поддакивал Грымзин, — этакие деньжища не жалко и заплатить.

— Чего это они нам покажут?

— Говорят тебе — Город Чудес. Значит, чудеса будут — ясно!

— Пожалуйте сначала в контору, ваше сиятельство, — сказал швейцар, снимая фуражку и изгибаясь в три погибели.

— Слыши ты, — толкнул локтем приятеля Грымзин. — Чудеса, брат, уже начались. «Сиятельством» назвал.

В конторе щеголевато одетый клерк почтительно вручил им какую-то проштемпелеванную бумажку и указал на кассовое окошечко:

— Там получите деньги на расходы!

И когда кассир пододвинул им столбик золотых монет, рублей на двести, на столько же романовских и целую кучу серебряных рублей и мелочи — оба друга только промычали что-то и, боясь громко ступить по выложеному паркету, направились к выходу.

Вдруг Трошкин застыл перед огромным, висящим на стене отрывным календарем и, не могши вымолвить слова, только головой дернул:

— Смотри!

На календаре было: «1908 год. 18 Августа».

— Виноват, робко обратился к клерку Трошкин. — Какое у нас сегодня число?

— 18 Августа.

— А... год?

— Неужели не знаете? 1908-й. Тут же написано.

— Ну-ну, — покрутили головой друзья.

Вышли. Ошарашенные, зашагали по городу.

По улице мчался мальчишка, оглашая воздух неистовыми воплями:

— Ин-те-пресные газеты: «Новое Время», «Русское Слово», «Речь»!! «Биржевка»!!

— Постой, постой! За какое число «Новое Время»?

— Ясно — за сегодняшнее.

— Сколько тебе?

— Две за «Биржевку», пятак за «Новое Время»!

— Ф-фу!!.. Зайдем-ка в кафе, почитаем. Барышня!

Два кофе по-варшавски, полдесятка пирожных. Ну-ка, что они там пишут?.. Гм!.. Статья Меньшикова:

«Сколько раз мы уже твердили о том, что Финляндия готова предать Россию в первый же удобный момент. Еврейская левая пресса, которая спит и видит — поднять в России революцию»...

— А посмотри хронику.

— Изволь. «Его Величеству Государю императору имели высокую честь представляться представители тамбовского дворянства. Выслушав речь предводителя дворянства, Его Величество соизволил ответить: «Рад слышать, что тамбовские дворянские традиции остались неизменны». — «Увольняется в полугодовой отпуск д. с. с. Криворучко». — «Орденом Станислава 3-й ст. награждается старший советник градоначаль...»

— Буренинский фельетон есть?

— Все на своем месте.

— Кого ругает-то?

— Валерия Брюсова.

— А, брат Ваня? Каково! Времена-то какие!..

— Барышня, получите. Сколько? 75 копеек? Дороговато. Хи-хи!

Вышли. На улице их внимание привлекла масса зеленых и розовых билетиков, наклеенных на парадных дверях.

— Чего это, Ваня?

— Квартиры все сдаются. Время осеннее скоро — сам понимаешь!.. А это что за вывеска... Во, брат! «Доминик». Зайдем... А? У буфета по рюмочке... А? С пирожком, а?

У буфетного прилавка толпилось много делового народа.

— Я, — говорил один другому, — могу продать вам вагон сахара по четыре с полтиной за пуд.

— Ваня... Что же это?

— Статисты, нешто не понимаешь. Для нас все эти разговоры. Для нас поставлены. Да-с — не зря деньги содрали. Буфетчик! Пирожки-то свежие?

— Помилуйте! Вам ординарную или двухспальную, за гриненник?

— Ваня! Обедать хочу, шампанского хочу, музыки хочу! Всего хочу. Деньжищ-то у нас уйма. 498 с полтинником осталось. Это из пятисот-то, Ваня. Спервоначалу обедать, потом в театр, потом в шантан.

Вышли. Пошли к «Медведю». Пообедали. Снова вышли.

— Ваничка, голубчик мой!!.. Ей-Богу, городовой стоит. Ваня, пойдем поцелуем. Не могу я видеть равнодушно. Стоит голубчик, глазками смотрит. Гор-родовой!!

Не спеша приблизился городовой.

— Чего орешь зря? В участок захотел?

— Ваня... Слова-то какие: «орешь», «участок»!.. Городовой! Я протестую. Почему у вас не старая жизнь? Почему вы новые революционные порядки вводите?

Лицо городового принял сразу новый, интеллигентно-испуганный вид.

— Что вы, мистер? Этого у нас не может быть. Помилуйте, наша фирма...

— А вон, почему на углу очередь стоит? Разве в хорошее время очередь стояла?

— Это же на Шаляпина, сэр; всегда бывала, сэр.

И тут же вызверился на проезжавшего извозчика:

— Я т-тебе покажу, дьявол желтоглазый... Не знаешь, какой стороны держаться?! Экие шалманы!..

— Барин, пожалуйте за четвертачок... Куда надо?

— Ваня! Изнемогаю от счастья. Три бутылочки шампанского мы с тобой охолостили, а я изнемогаю не от шампанского, а от радости бытия, Ваничка... Ваня, в театр бы ахнуть!..

С таинственным видом приблизился барышник.

— Билетиков у кассы не достанете. Желаете у меня? Второго ряда, вместо восьми целковых — десять только и возьму. Пожалуйте-с.

В театре Филимон Петрович снова ахнул:

— Ваня! Кто это там с хором на сцене на коленках стоит? Неужто ж Шаляпин?! Ах, голубчик ты мой! Это значит, Высочайшее-то присутствие, а? Что делается... Все как раньше... Ах, молодчины американцы!

И с переполненным сердцем влез Ваня на стул и завопил радостно:

— Товарищи... Нет, извините, к черту товарищей... Граждане!! Жертвуя от полноты чувств на американский красный крест сто тысяч!!

Подошел капельдинер. Снял Ваню со стула и внушительно шепнул:

— Сэр! Вы, очевидно, не рассчитали. Сто тысяч золотом, — а других денег мы не признаем! — там за

оградой будут стоить миллиард вашими... Опомнитесь.

И сел Ваня на стул, и горько заплакал Ваня...

В красивую, полную пышной грезы и блеска, жизнь — ворвалась пошлая, тяжелая проза, и сразу потускнела вся американская позолота, и сделался жалким комедиантом стоящий на коленях актер, так великолепно загримированный Шаляпиным...

ОТРЫВОК БУДУЩЕГО РОМАНА

(Написано по рецепту «Алой Чумы»)

В тысяча девятьсот таком-то году большевики, наконец, завоевали всю Россию. Вне их власти остался только Крым, который и висел небольшим привеском на неизмеримом пространстве холодной и голодной Совдепии, как болтается несъедобный золотой брелок на огромном брюхе голодного, отощавшего людоеда.

Что касается окружающих государств, то они выстроили по всей границе высокую крепкую стену, напутали на гребне ее колючей проволоки и вывесили огромные плакаты через каждые пятьсот шагов:

«Вход посторонним строго воспрещается».

Совдепия была предоставлена самой себе.

Ни ввоза, ни вывоза; ни торговли, ни промышленности; ни законов Божеских, ни законов человеческих; ни наук, ни искусств...

Как человеческая голова, которую заботливая рука не стрижет, не бреет и не моет — постепенно заастает дремучим волосом и наполняется тучей насекомых — так и бывшая Россия как-то заросла дремучими лесами, высокой травой, и в лесах и в траве развелось неисчислимое количество волков и медведей, лосей, зубров, лисиц и оленей...

Иногда стадо диких свиней смело перебегало забро-

шенный, запорошенный многолетней пылью, заросший маками и кашкой, ржавый рельсовый путь, иногда зоркая рысь, притаившись в мрачной развалине фасада ситценабивной или бумагопрядильной фабрики часами подстерегала серого зайчишку; орлы вили гнездо в поломанных, лишенных стекол трубах разрушенных обсерваторий... А в стенах бывшего московского университета свила гнездо страшная шайка разбойников-китайцев, от которых трепетала вся округа.

Население разделялось на три резко обособленных касты или племени: племя совнаркомов, племя исполкомов и племя трудообязанных...

Племя совнаркомов состояло всего из одного человека: неограниченного правителя Совдепии Миши I, сына покойного, неограниченного правителя Льва I, из рода Троцких. Монархический принцип вводился постепенно и так незаметно, что никто даже не почухался, когда Льва I похоронили в усыпальнице московских государей.

Племя исполкомов было нечто вроде воевод — оно правила. Каждый исполком состоял из одного человека и отчитывался только перед совнаркомом Мишей I.

Племя трудообязанных работало, сеяло хлеб, охотилось на зубров, шило одежды из звериных шкур и курило вино, за что получало от исполкомов право на жизнь и одну треть сработанного в свою пользу. Другая треть шла исполкому, третья — совнаркову Мише.

Население городов жило в землянках или юртах из оленьих шкур, остальные спали в дуплах вековых деревьев, в пещерах или просто шатались по степи, подстерегая диких кабанов и медведей.

Стоял тихий погожий вечер лета 1950 года... На опушке огромного леса у развалины корня высокой корявой сосны весело пылал костер, вокруг которого расположились трое: сухая, коричневая сморщенная старуха, завернутая в лохмотья засаленной плюшевой портьеры, и двое мальчишек, задрапированных волчьими шкурами. Каждый из них был вооружен топориком из остро отточенного кремня, насаженного на дубовую палку.

— А где старший брат? — спросила старуха, обгрызая желтыми зубами волчью кость.

— Мы его делегировали на пленарное заседание совнархоза. Люди нашего племени поймали нескольких эсэров-интернационалистов. Теперь идут дебаты о том — съесть ли их или выменять на некоторых из нашей коммунистической ячейки, попавших в плен интернационалистам.

— О, наказание! — воскликнула старуха. — И когда эта проклятая война кончится?!. Эх, если бы он хоть кусочек этого интернационалиста домой принес.

— Да, дожидайся, — проворчал внук. — Помнишь того англичанина, который семь лун тому назад перелетел к нам через стену на какой-то странной штуке... Поймали его наши и тут же слопали — даже полпальца не принесли... А когда отец с охоты вернется?

— Солнце шести раз не покажется на востоке, как он будет здесь. Исполком дал ему определенный мандат. Что это у тебя в руках?

— А я, когда на куропаток силки ставил, нашел в лесу... Что-то вроде ореха, да я никак не мог разгрызть...

— Покажи-ка, — с любопытством попросила старуха.

- ха. — Да это гайка!!
- Что это значит: гайка?
- Этими штуками когда-то рельсы скреплялись.
- Какие рельсы?
- Железная дорога. Из железа.
- Какое странное слово: железо.
- Да ты ж видел у меня в числе фамильных драгоценностей гвоздь? Знаешь, такой стержень со шляпкой. Это и есть железо.
- Да как же из этого можно целую дорогу сделать? В землю эти гвозди один около другого вколовчивались, что ли?
- Старуха заметила, что внук слишком далеко хватил и усмехнулась:
- Ну, брат, это ты, действительно ахнул. Из железа делались рельсы... Такие длинные-предлениные палки... И по ним быстро бегали железные дома, в десять раз больше нашего.
- Сколько же лошадей нужно было для этого?!
- Зачем лошади? Воды в котел нальют, дровец подбросят, оно и летит — никакой лошади не догнать.
- Кто ж это делал?
- Инженеры.
- Они вкусные?
- Не знаю, не пробовала. Когда я была молодая — за меня один инженер сватался.
- Чего-о?
- Ты этого слова не поймешь. Жениться хотел. Руку мне свою предлагал. Я отказалась.
- Вот дура-то старая. От руки отказалась! Взяла бы и съела. Она нежная.
- Ох, как с вами трудно разговаривать!
- И потом мечтательно улыбнулась:
- Он мне записки писал...

— Что это значит, «писал»?

— Брали такую палочку с железной штучкой на конце, обмакивали в черную краску и делали на бумаге знаки.

— Какое смешное слово: бумага.

— Да ты разве не видел? У меня в числе семейных драгоценностей один трамвайный билет есть. Если поймаешь зайца — покажу.

Наступило молчание. Костер тихо потрескивал, догорая.

Один из внуков потянулся, засмеялся и сказал:

— Вчера новый приезжий, кооптированный от пролеткульта, чуть не женился на нашей соседке: схватил за волосы и потащил в лес.

— Что ж ее прежний жених?

— Он вынес резолюцию протеста, осуждающую это самочинное выступление без мандата от исполкома.

— А формула перехода к очередным делам?

— Обыкновенная: зарезал приезжего топориком, а невесту привязал к дереву и содрал скальп.

— Какая прелесть! Совсем роман!

— Чего-о-о-о?..

Но старуха молчала, задумавшись о прошлом...

Все было безмолвно, только слышался далекий олений рев в чаще да порсканье охотившейся за совой рыси на опушке.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕВИЗОР

Начало комедии

Действие происходит в Москве в Кремлевских палатах.

Троцкий. — Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет международная комиссия!

Луначарский. — Как комиссия?!

Петерс. — Как комиссия?!

Ленин. — Вот не было заботы, так подай!..

Троцкий. — По своей части я кое-какие распоряжения сделал — советую и вам. Особенно вам, Петерс! Комиссия, конечно, захочет осмотреть чрезвычайки — так уж сделайте так, чтобы все было прилично. А то у вас на заключенных посмотреть страшно: худые, голодные, в синяках и кровоподтеках.

Петерс. — Кровоподтеки белилами замазать можно.

Троцкий. — Ну, да уж я не знаю, что там полагается. Можно бы также всех заключенных одеть в боярские костюмы и чтобы они, как придет их осматривать комиссия — проплясали бы перед комиссией русскую. Хотя... как мы их заставим?..

Петерс. — Это можно. Я им надену сапоги с гвоздями внутри. Уж будьте покойны: на месте не устоят — тут тебе и русскую, и французскую, и испанскую —

всякую отпляшут.

Троцкий. — Потом у вас там эти разные аппараты, которые вы... этого... употребляете при допросах. Оно, конечно, может, так по-вашему, по-ученому, и надо, а все же, если комиссия увидит все эти ваши зажималки для пальцев, прессы, да резины — ан и нехорошо. Впечатление может получиться не того...

Петерс. — А мы на дверях этой комнаты напишем: «гимнастический кабинет». Кстати же, англичане любят спорт.

Троцкий. — Вам виднее; только смотрите, чтобы англичане не стали сдуру на себе пробовать этой гимнастики... Вам также, товарищ Луначарский... Советую обратить внимание на учебные заведения. Очень уж мало в них учебного. Намедни захожу, а ученицы на коленях у учеников сидят и кокайн нюхают. Может быть, оно так для усвоения научных предметов и надо, да французы из комиссии ведь народ легкомысленный, примут ваше учебное заведение за что-либо другое и начнут между партами канкан плясать...

Луначарский. — Да ведь сами же вы говорили, чтобы в школах была полная свобода. Впрочем, однако, насколько я знаю, и раньше, при полицейско-бюрократическом режиме, ученики и ученицы в наказание бывали на коленях.

Троцкий. — Так ведь то на собственных, а не на чужих. И по вашей части, товарищ комендант города, тоже попросил бы... Вы позволяете жителям ходить по городу почти без всего: эта дрянная публика наденет только сверх рубахи рваный пиджачишко, а внизу ничего нету!

Комендантом. — Слушаю-с... Мы этаких на время пребывания комиссии выберем всех из города да на общест-

венные работы и погоним.

Троцкий. — А ежели комиссия будет вообще останавливать на улицах прохожих да спрашивать: «довольны ли жизнью?» — то чтоб говорили: «Всем довольны, господа сэры или, там, мусью». А который будет недоволен, мы ему после такое неудовольствие пропишем!.. Впрочем, это уж по вашей части, Христиан Иванович.

Петерс. — Будьте покойны!.. Мы его, недовольного-то, сразу же в гимнастический кабинет. Тама останется доволен!..

Троцкий. — Вообще я бы отобрал из жителей человека сто тех, которые посытее да повеселее, подкормил бы их еще до приезда комиссии, да и выпустил бы на улицу: пусть все время по пути следования комиссии на глаза подвертываются. Да развесить им на шеи медальоны с портретом Карла Маркса! Пусть видят иностранцы, какие мы есть социалисты. А который каналья сбросит с шеи портрет, я ему такую пеньковую цацу навешу... Впрочем, это по вашей части, Христиан Иванович.

Петерс. — Будьте благонадежны.

Троцкий. — Да вот еще что: тут за последнее время вы, товарищ Луначарский, наставили памятников — как, бывало, раньше Держиморда фонари ставил — кому нужно, кому и не нужно. Тут тебе и Урицкому, и Стеньке Разину, и Робеспьеру, и Нахамкесу, и Емельяну Пугачеву. Наши-то «товарищи» ничего — слопают... А перед иностранцами как-то неловко. Снять бы их, что ли! И что это, ей Богу, за скверный город! Только поставь где-нибудь один памятник — сейчас же целую сотню всякой дряни нанесут и наставят.

Луначарский. — А как же быть с вашим памятником?

Троцкий. — Ну, мой можно оставить. Только времен-

но надпись на нем переделайте. Напишите: Гарибальди, что ли.

Луначарский. — Да ведь Гарибальди с большой бородой!

Троцкий. — Ну, времени столько прошло, что мог успеть и побриться. Кажется, теперь все. Фф-фу!.. Ну, вот комедия и кончена!..

Луначарский. — Вы думаете — кончена? Я думаю, она только после приезда международной комиссии и начнется!..

МОЯ СТАРАЯ ШКАТУЛКА

У меня есть старая шкатулка палисандрового дерева, выложенная по крышке инкрустацией — совсем такая, какую возил с собой Павел Иванович Чичиков.

Я свою тоже теперь вожу за собой.

С сентября позапрошлого года.

А раньше она стояла в углу кабинета моей петербургской квартиры и служила хранилищем трофеев побед моей горничной надо мной.

Дело в том, что у меня с моей горничной шла глухая, тайная, незаметная, но свирепая, неумолимая борьба. Всякий из нас терпел свои поражения и одерживал победы, но на ее долю приходилось побед больше, чем поражений...

Каждый день утром, сидя за письменным столом, я просматривал корреспонденцию и прочитанное, ненужное бросал на пол; просматривал поданные счета и, отметив в записной книжке итоги на предмет уплаты — счета бросал на пол; вынимал содержимое боковых карманов, отбирал ненужное — бросал на пол. И уходил из дома.

А потом являлась горничная, тщательно подметала пол, а все брошенное не менее тщательно собирала и аккуратной пачкой засовывала между подсвеч-

ником и часами около чернильницы на письменном столе.

Приходил я. Замечал засунутую пачку; бросал на пол.

Приходила она. Собирала с пола. Засовывала между подсвечником и часами.

Приходил я. И, признав себя побежденным, совал всю пачку в старую шкатулку палисандрового дерева с инкрустацией.

Замечательнее всего, что у нас с горничной никогда не было разговора об этом. Ведь смертельно враждующие армии не ведут между собой переговоров. Не правда ли?

* * *

Мой отъезд из Петербурга был вынужденно срочным, лихорадочно поспешным. Уезжая, я совал в большой чемодан первое, что подворачивалось под руку...

Так и увез с собою палисандровую шкатулку.

А сегодня — открыл ее и стал перебирать старое, пожелтевшее, основательно забытое.

В этой шкатулке нет ни золотых локонов, ни мельхиоров с портретом любимой, ни засохших и рассыпающихся при первом прикосновении цветов.

Выбираю из беспорядочной, перемешавшейся от дорожной тряски, — груды — первое попавшееся:

Ресторан «Вена». Счет. Итог — 270 рублей.

Что такое?!

А-а... Помню! Праздновал в большом кабинете свои именины, 26 января. Гостей 24 персоны.

А ну, посмотрим:

«Закуска холодная, водки различные 42 р.

” горячая 4 сортов 36 р.

Ужин из 3-х блюд со сладким на 24 перс. 30 р.

Вино стол. и десер. 12 б. 21 р.

Кофе и ликеры	38	р.
Шампанское франц. 7 б.	56	р.
" Абрау 5 б.	20	р.
Фрукты	23	р.
Еще шампанское 2 б. Асти	7	р.
<hr/>		
Итого	270	р.

Помню я эти именины... Хозяин «Вены» — незабвенный покойник Иван Сергеич Соколов — постарался: украсил мое место цветами, и за свой счет, в виде подарка, отпечатал юмористическое меню на 24 персоны.

Вот оно: огромное красное «26 января», а под ним: «Закуски острые, сатириконские; водка горькая, как цензура; борщок авансовый; осетрина по-русски без опечаток; утка — не газетная; трубочки с кремом *à la годовой подписчик*».

Бедный остряк, Иван Сергеич... И косточки твои, вероятно, уже рассыпались.

Бросаю на пол и счет и меню — пойди-ка подбери снова это все, моя петербургская горничная!.. Далеко ты.

Беру следующую бумажку:

«Дорогой Аркадий! Погода хорошая. Бери на Ко-
нююшенней таксомотор: поедем покатаемся на Стрелку.
Можно и к Фелисьену».

Н-да-с. Катались раньше мы. Пили кровушку.

На пол бумажку! Следующая:

«Зачем презираете скромную Финляндию? Райвола и мой замок по вас соскучились. Приехали бы и Радакова привезли. Ах, какой у него чудесный рисунок — «Песня голода». Ждем. Ваш Леонид Андреев».

Благоговейно откладывая в сторону. Рука, набросавшая эти торопливые строки, уже не будет больше сколь-

зить пером по бумаге.

Спи крепко и спокойно, любимый писатель и человек.
А это что?

«Аркадий, выкупай заложников...

...Сидим у Давыдки, в безумной оргии прокутили
7 р. 20 коп., а нет ни соверена. Твои заложники
жизни П. Маныч, Сергей Соломин и др.»

Сергей Соломин умер давно. Петр Маныч, говорят,
расстрелян, да и «др.», я думаю, едва ли уцелели...

На пол, на пол!..

«Солнышко мое! Тысячу раз целую и нежно обним...!
Гм!.. Нет, это не то. А вот!!

«Аркадий! Управляющий конторой мне передал, что
ты распорядился повысить цену на «Сатирикон» с 12 к.
до 15 к. Не делай этого безумства, не роняй тираж.
Ты знаешь, что значит для читателя 3 копейки.
Твой Р-Ми».

Призадумался я... Р-Ми где-то за границей, я в
Севастополе, а петербургский читатель, рассчитывавший
в 3-х копейках, купил, вероятно, недавно на последние
полторы тысячи *полфунта* плохо выпеченного хлеба,
съел и тихо отправился туда, где и Иван Сергеич Соколев,
и Леонид Андреев, и Гейне, и Шекспир.

Мимо, мимо,

Это еще что такое?

«Г. Аверченко! У меня почти все комнаты пустуют.
Не направите ли ко мне хорошего жильца? С почтением
ваша бывшая квартирная хозяйка И. М.».

«Счет от портного Анри.

2 пиджачных костюма — 210 р.

1 жакет — 135 р.

1 фрак с 2 бел. жил. — 195 р.».

Этот жакет и сейчас у меня. Еще на прошлой
неделе портной за перемену истершейся шелковой под-

кладки на коленкоровую взял 17.000 рублей.

Телеграммы:

«Дорогой дружище. Это лето я свободен. Если будет месяца 2 времени — поедем север Африки, проберемся Египет, если месяц успеем Венеция или Нормандия».

Да. Ездили. Весь мир был наш.

«Магазин Вейс. Счет. 2 пары ботинок на пуговицах, с замшевым верхом — 36 р., одна пара туфель открыт. фрачн. — 16 руб.».

Ожесточенно комкаю. Бросаю.

А вот и еще записочка. Какая милая записочка, жизнерадостная:

«Петроград. 1 марта.

Итак, друг Аркадий — свершилось! Россия свободна!! Пал мрачный гнет, и новая заря свободы и светозарного счастья для всех грядет уже! Боже, какая прекрасная жизнь впереди. Задыхаюсь от счастья!! Вот теперь мы покажем, кто мы такие. Твой Володя».

Да... показали.

Опускаю усталую голову на еще неразобранную груду и — нет слез, нет мыслей, нет желаний — все осталось позади и тысячью насмешливых глаз глядит на нас бедных.

ИСТОРИЯ — ОДНА ИЗ ТЫСЯЧИ

К петербургскому гражданину свободной Советской России явился человечек из комисариата и сказал:

— Вы — Григорий Недорезов?
— Я — Григорий Недорезов.
— Вы назначены быть на митинге завтра около цирка Модерн.

— В качестве чего?
— Что значит в качестве чего? В качестве публики.
— Слушаю-с. А когда аплодировать?
— Там впереди будет такой чернявенький, в прыщах, — как захлопает, так вы все за ним. Только всего и дела. И с тем счастливо оставаться.
— Как? Как вы сказали?!

— Я говорю — «счастливо оставаться». Хе-хе.
— Хе-хе.

Оба рассмеялись друг другу в лицо скрежещущим, лязгающим смехом и, отскочив друг от друга, разошлись.

* * *

Чтоб не пропустить телеграфических знаков чернявеньского с прыщами — Григорий Недорезов пробрался

в самые первые ряды в двух шагах от оратора, и погрузился с головой в волшебный мир сладких звуков ораториного голоса.

— Товарищи! — ревел оратор, почти переламываясь пополам. — Завоеванной нами свободе грозит опасность! С одной стороны на нас наступают польские империалисты, с другой — южная крымская белогвардейщина. Только последним гигантским усилием мы можем спасти нашу дорогую матушку-свободу, а для этого — все на красный фронт!! Правильно я говорю?

Слушатели вздохнули, переступили с ноги на ногу и кротко промолчали.

— Правильно я говорю?!

Вздох и молчание.

— Чего же вы молчите? Может, я неправильно говорю, так вы скажите... Ну? Что же? Правильно я говорю?

Пытливый взор оратора померк, нахмурился и уперся прямо в грудь Григория Недорезова, в ту грудь, откуда, по предположению оратора, должен быть исторгнут могучий вопль:

— Пр-правильно!

— Ну, что же?.. Вы вот там... товарищ в женской безрукавке и одном башмаке! Чего же вы молчите? Я спрашиваю: правильно или неправильно?

Григорий Недорезов тоскливо вздохнул и потупился.

— Вы что? Может быть, вы глухонемой?

— Нет, я ничего... Спасибо.

— Так чего же вы молчите и только рот открываете и захлопываете, как рыба, вынутая из воды?.. Вот вы нам и скажите: правильно я говорил или неправильно?

Григорий Недорезов был молчалив, как его старый башмак. Даже, пожалуй, еще молчаливее; башмак хоть

разевал рот и настойчиво просил каши, сверкая белыми деревянными зубами, а рот Недорезова Григория был закрыт, как чемодан, от которого потеряли ключ.

Оратор сокрушенно покачал головой и вздохнул:

— Ну, что ж... Товарищ Упокойников! Отведите этого, который молчит, я с ним после поговорю.

— Пожалуйте!

— Куда вы меня ведете?

— Там вас какая-то барышня спрашивает. Очень хорошенъкая. Ждет на углу. Пойдешь ты или приклада между лопаток захотел, сволочь!

Как и предполагал Недорезов, изящное галантное сообщение о ждущей его хорошенъкой барышне оказалось сильно преувеличенным или преуменьшенным — как угодно: это было не на углу, а в совершенно закрытом помещении, и не барышня его ждала, а ему пришлось подождать.

Вместо барышни, через полчаса пришел давешний оратор, сел верхом на стул, покачался перед стоящим с понуренной головой Недорезовым и сказал потягиваясь:

— Ну-с... значит, там, на людях, вы со мной разговаривать не хотели. Посмотрим теперь... Правильно я говорил или неправильно?..

Башмак, разевая рот до ушей, вонил на весь крещеный мир, требуя законной порции каши... Владелец его, наоборот, молчал, как убитый.

— Так-с, — вздохнул бывший оратор. — Очень хорошо. Товарищ Гробов! Отведите этого молчаливого товарища в тюрьму. А если будет попытка к побегу — стреляйте.

— Даю вам честное слово, — торопливо заговорил Недорезов, — что попытки к побегу не будет! Ей-Богу, честное слово!..

— Ну да... Вы можете и не бежать, а им вдруг покажется, что вы побежали. Народ у нас все усталый,

замотавшийся: где ж тут тихий шаг от рыси отличишь.

Недорезов вдруг решительно тряхнул тем местом, где у него должны были бы находиться кудри, если бы не — и так далее.

— Хорошо! — воскликнул он. — Раз все равно пропадать — я скажу, почему я молчал!! Извольте! Я молчал потому, что не знал, что ответить: «правильно» или «неправильно».

— Да что ж, у вас нет головы на плечах, что ли?

— Э, господин-товарищ! Нет дождя перед дождем, нет денег перед деньгами, есть голова перед тем, как ее не будет. Были у меня два брата: Сережа Недорезов и Алеша Недорезов; и за пять минут до того, как они потеряли голову, они ее имели, казалось, приделанную к плечам нагло...

— Ну-с?

— Начну с Сережи. Парень был голова — министр! Огонь! Орел! Все понимал, что к чему. Думал он, думал, да приходит к одному такому... главному — вроде вас... И говорит: неправильно все это у вас! Обещали хлеб народу — все с голода пухнут; обещали мир — с одного фронта на другой, как соленых зайцев гоняете; обещали свободу — а для того, чтобы ребенка похоронить или с одной квартиры на другую переехать — десять разрешений и мандатов требуется!.. Неправильно! Нехорошо!» Пожевал губами нарком, выслушал все до конца и спрашивает:

— Значит, неправильно?

— Очень даже неправильно.

— Хорошо. Отведите его туда-растуда, и при попытке бежать — распорядитесь.

— Да я, говорит, не буду бежать!

— Все равно распорядиться нужно.

Повели его и распорядились. Узнали мы с Алешей

шей, поплакали, потом Алеша и говорит: «Я, говорит, буду теперь совсем иначе с ними разговаривать... Я уж знаю как!»... Пошел к наркому и говорит: «Ах, говорит, до чего у нас все хорошо, до чего все правильно! Обещали, скажем, хлеб — сделайте ваше такое одолжение — есть и хлеб, и жиры, и азотистые — хоть залейся. Мир народу обещали — извольте! Царит мир, тиши, гладь да Божья благодать... Свободу сулили? Боже ты мой! Это ли не свобода! Только теперь солнышко и увидели, только теперь свежего воздуха и глотнули. Очень все правильно сделано!»

Пожевал нарком губами.

— Правильно, значит?

— Оч-чень правильно.

— Ну-с, отведите его куда следует, а при попытке бежать — распорядитесь.

— За что же, помилуйте?

— За то самое. За издевательство и насмешку. Потому — то, что вы говорили, можно только в издевку сказать! Товарищ Скелетов! Распорядитесь.

Распорядились.

Так теперь посудите вы сами, товарищ оратор, как и что мне вам было ответить?! Ответишь — «правильно!», скажут: распорядись, Скелетов! Ответишь — «неправильно» — все равно: Скелетов, распорядись! Так уж лучше я молчать буду!

Бывший оратор сокрушенно покачал головой.

— Да и молчать нехорошо. Молчание на категорически поставленный вопрос — суть саботаж, бойкот правительства, наказуемый по нашим законам тюрьмой, а при попытке бежать... Одним словом, товарищ Гробов, распорядитесь.

* * *

Редкие прохожие видели на пустынной мостовой Недорезова Григория, который несмотря на честное слово и настойчивые свои заверения, очевидно, все-таки пытался бежать...

Он лежал на мостовой, с поджатыми ногами, и,казалось, что он, действительно, пытается убежать.

И казалось тоже, что у него два отверстых рта на обоих полюсах застывшего тела: один рот — полный белых деревянных зубов — на башмаке... Этот рот вопил, он был разинут в бешеном требовании каши, обращенном к пыльному небу.

Другой рот — обыкновенный человеческий, без передних, вышибленных прикладом зубов — был тоже открыт, но молчал. Молчал.

До Страшного Суда.

СЛАБАЯ ГОЛОВА

Позвонили мне по телефону.

— Кто говорит? — спросил я.

— Из дома умалишенных.

— Ага. Здравствуйте. Я ведь ничего, я только так.

Хи-хи. Ну, как поживают больные?

— Насчет одного из них мы и звоним. Вы знали Павла Гречухина?

— Ну как же! Приятелями были. Да ведь он, бедняга, в 1915 году с ума сошел...

— Поздравляем вас! Только что совершенно выздоровел. Просится, чтобы вы его забрали отсюда.

— Павлушу-то? Да с удовольствием!

Заехал я за ним, привез к себе.

* * *

— Ф-фу! — сказал он, опускаясь в кресло. — Будто я снова на свет Божий народился. Ведь, ты знаешь, я за это время совершенно был отрезан от мира. Рассказывай мне все! Ну, как Вильгельм?

— Ничего себе, спасибо.

— Ты мне прежде всего скажи вот что: кто кого победил — Германия Россию или Россия Германию?

- Союзники победили Германию.
- Слава Богу! Значит, Россия — победительница?
- Нет, побежденная.
- Фу ты, дьявол, ничего не пойму. А как же союзники допустили?..
- Видишь ли — это очень сложно. Ты на свежую голову не поймешь. Спрашивай о другом.
- Как поживает Распутин?
- Ничего себе, спасибо, убит.
- Сейчас в России монархия?
- А черт его знает. Четвертый год выясняем.
- Однако, образ правления...
- Образа нет. Безобразие.
- Так-с. Печально. Спички есть? Смерть курить хочется.
- Нету спичек, не курю.
- Позови горничную.
- Маша-а-а!
- Вот что, Машенька, или как вас там... Вот вам три копеечки, купите мне сразу три коробочки спичек.
- Хи-хи...
- Чего вы смеетесь? Слушай, чего она смеется?
- А, видишь ли... У нас сейчас три коробки спичек дороже стоят.
- Намного?
- Нет, на пустяки. На пятьсот рублей.
- Только-то? Гм! Чего ж оно так?
- Да, понимаешь, за последнее время много поджогов было. Пожары все. Спрос большой. Вот и вздрожали.
- Так-с. Эва, как ботиночки мои разлезлись... Слушай, ты мне не одолжишь ли рублей пятьсот?
- На что тебе?
- Да немного экипироваться хотел: пальтецо справ-

лю, пару костюмчиков, ботиночки, кое-что из бельца.

— Нет, таких денег у меня нет.

— Неужели пяти катеринок не найдется?

— Теперь этого мало. Два миллиона надо.

Павлуша странно поглядел на меня и замолчал.

— Чего ты вдруг умолк?

— Да так, знаешь. Ну, дай мне хоть сто рублишк. Поеду в Питер — там у меня родные.

— Они уже умерли.

— Как? Все?

— Конечно, все. Зря, брат, там в живых никто не останется.

— Ну, я все-таки поеду. Хоть наследство получу.

— Оно уже получено. Теперь все наследства получает коммуна.

Взор его сделался странным. Каким-то чужим.

Он посмотрел в потолок и тихо запел:

— Тра-та-та, тра-та-та,

Вышла кошка за кота.

Мне почему-то сделалось жутко.

Чтобы отвлечь его мысли, я сообщил новость:

— А, знаешь, твой кузен Володя служит в подрайонном исполкоме Совдепа.

Павлуша внимательно поглядел на меня и вежливо ответил:

— Ду-ю спик энглиш? Гай-ду-ду. Кис ме квик. Слушай... Ну, я в Москву поеду...

— Да не попадешь ты туда, чудак!

— Почему, сэр?

— Дойдешь ты до Михайловки, за Михайловкой большевики.

— Кто-о?

— Это тебе долго объяснять. Проехал ты, скажем, большевиков — начинается страна махновцев; проехал, если

тебя не убьют, махновцев, — начинается страна петлюровцев. Предположим, проехал ты и их... Только что въехал в самую Совдепию — возьмут тебя и поставят к стенке.

— Ну, что ж, что поставят. А я постою и уйду.

— Да, уйдешь, как же. Они в тебя стрелять будут.

— За что?

— За то, что ты белогвардец.

— Да я не военный.

— Это, видишь ли, тебе долго объяснять. Конечно, если ты достанешь мандат харьковского реввоенсовета или хоть совнархоза...

Павлуша схватился за голову, встал с кресла и стал танцевать на ковре, припевая:

Чикалу, ликалу

Не бывать мне на балу!

Чика-чика-чикалочки —

Едет черт на палочке...

* * *

— Знаешь что, Павлуша, — предложил я, — поедем прокатимся. Заедем по дороге в сумасшедший дом. Я там давеча портсигар забыл.

Он поглядел на меня лукавым взглядом помешанного.

— Ты ж не куришь?

— А я в портсигаре деньги ношу.

— Пожалуй, поедем, — согласился Павлуша, хитро улыбаясь. — Если ты устал, я тебя там оставлю, отдохнешь. Два-три месяца и, глядишь, все будет хорошо.

Поехали.

Он думал, что везет меня, а я был уверен, что

езу его.

Когда вошли в вестибюль, Павлуша отскочил от меня, спрятавшись за колонну, закричал:

— Берите вот этого! Он с ума сошел.

Ко мне подошел главный доктор.

— Зачем вы его опять привезли? Ведь он выздоровел. Я махнул рукой.

— Опять готов!

Павлуша вышел из-за колонны, расшаркался перед доктором и вежливо сказал:

— Простите, сэр, что я до сих пор не удосужился поджечь ваш прелестный дом. Но спички стоят так дорого, что лучше уж я стану к стеночке.

* * *

Взяли Павлушу. Повели.

Слава Богу: хоть одного человека я устроил как следует.

РАЗГОВОР ЗА СТОЛОМ

Когда соберутся вместе за самоваром или за бутылкой вина несколько русских людей, живущих по воле судьбы и большевиков — в Феодосии, Ялте или Севастополе, — я заранее с математической точностью знаю, с чего начнется их разговор.

Чем кончится разговор, конечно, никогда нельзя предугадать, но *начинается* он всегда с поразительной точностью одинаково.

* * *

Вот пятеро — три дамы и двое мужчин — уселись за стол вокруг шумящего самовара; хозяйка вручила каждому по чашке чаю; пододвинула печенье, варенье, кекс, конфеты.

Минута молчания. Переглянулись.

— Ну-с, *начал* разговор мужчина, тот, что помоложе. — Когда же мы будем в Петербурге?

— Да-а-а, — неопределенно тянут все три дамы. — Интересно, когда мы туда попадем?

— Теперь уж скоро, — хмуря многозначительно седые брови, говорит старичик. Мелитополь взят. (А раньше он говорил «Курск», а раньше — «Харьков».)

Первая стадия разговора кончена.

Вторая:

— Я получила сведения, что моя квартира в Петербурге совершенно разграблена.

— Мне писали, что моя квартира в Москве сохранилась. Какой-то комиссар живет.

— А я не имею никаких сведений о своей квартире.

— У меня там сестра живет. Не знаю — жива ли?

— У меня отец и тетка. Не знаю — живы ли?

— Там голод.

— Там страшный голод.

— Там умирают с голоду.

— Совершенно умирают. Почти все.

Вторая стадия разговора окончена.

Третья:

— Говорят, муж Анны Спиридовны поступил в Москве на службу к большевикам.

— Вот негодяй!

— Форменный. Вешать таких людей мало.

* * *

И вдруг одна из дам неожиданным энергичным броском руля сразу повернула неуклюжий широкобокий корабль вялого разговора из узкого шаблонного канала, где корабль то и дело стукался боками о края канала — сразу повернула и вывела этот корабль в широкое море необозримых отвлеченных предположений.

Именно она сказала:

— А что бы вы, *mesdames*, сделали с Троцким, если бы этот ужасный негодяй попал в ваши руки?

— Ах, ах, — сказала с бешеною ненавистью вторая дама, то что называется — роскошная блондинка, и даже сверкнула большими серыми глазами. — Я не знаю даже,

что бы я с ним сделала! Я... я даже руки бы ему не подала.

— Тоже... — кисло улыбнулась худощавая. — Придумали наказание. Нет, попадись мне в руки Троцкий, я уж знаю, что бы я сделала с ним.

— А что именно?

Я? Я бы выстрелила в него!!

— Ну, это тоже ему не страшно, — скривилась, подумавши, третья дама, та самая, которая перевела разговор в другой галс. — Нет, попадись мне в руки Троцкий, я бы уж знаю, что бы я сделала! Узнал бы он, почем фунт гребешков, узнал бы, как губить бедную Россию!..

— Ну, а что? Что бы вы ему сделали?

И сказала третья дама свистящим шепотом, как гусенок, которому птичница наступила на лапу:

— Я бы купила булавок... много, много... ну, тысячу, что ли. И каждую минутку втыкала бы в него булавочку, булавочку, булавочку... Сидела бы и втыкала.

— Только и всего?

— Ну, а потом отрезала бы голову и выбросила свиньям!

— Только и всего??!

Бедная фантазией худощавая обвела сердитым взглядом насмешливые лица и отрывисто закончила:

— А после этого воткнула бы в него еще тысячу булавок!!

Мужчина помоложе снисходительно засмеялся:

— Эх, вы. Милые вы дамы, очаровательные, но фантазии у вас ни на копейку. Эко придумали: утыкать человека булавками, отрезать голову, выстрелить в него... Нет, господа, нет! Он столько сделал зла, что и расплата с ним должна быть королевская!..

— Например?! — в один голос воскликнули все

три дамы.

— А вот... Только разрешите для настроения уменьшить свет. Слушайте меня в полутьме. Вот так... То, что я буду говорить, очень страшно. Итак: по приказу Троцкого, как вам известно, расстреливаются тысячи людей — совершенно невинных — по обвинению в контрреволюционности. И вот! Если бы ко мне в руки попался Троцкий — я его не убивал бы. А взял бы последнего расстрелянного из этих тысяч, взял бы еще теплый труп этого убитого Троцким человека, и крепко привязал бы его к Троцкому — грудь с грудью, лицо с лицом. И я бы кормил и поил Троцкого, чтобы он жил, но труп убитого им человека не отвязывал бы от него. И вот — постепенно, убитый Троцким начинает гнить на Троцком... Троцкий каждую минуту, каждую секунду видит синее разложившееся лицо с оскаленными зубами, голова у Троцкого кружится от нестерпимого трупного запаха, и когда он почует около своей груди что-то живое, когда клубок трупных червей завороч...

Раздался дикий пронзительный крик блондинки:

— Не могу!! Довольно!... Дайте свет... Мне страшно!!

Дали свет. Автор последнего хитроумного проекта сидел, положив голову на руки, и угрюмо молчал.

И заговорил старичок... Мягким, кротким голосом заговорил:

— Позвольте и мне сказать кой-что по этому вопросу. Видите ли... я бы не резал и не бил бы Троцкого, не привязывал бы к нему упокойников, — я бы пальцем его не тронул, а я бы применил к нему штуку самую справедливую...

Старичок облизул губы и заговорил еще мягче, еще задушевнее:

— Я посадил бы его в комнату вместе с обыкно-

венным убийцей, повинившимся ну... в пяти душах, что ли. И я досыта кормил бы их. Хорошо кормил бы. На закусочку королевскую селедочку в уксусе, икорку паюсную, огурчики солененькие... На обед селянку жидкую с соленой рыбкой, гуляш венгерский с красным перчиком, с перчиком! и пудинг — сладкий-пресладкий. А чтобы они не боялись есть эти солененькие и сладенькие вещицы — я бы около них поставил по огромному стеклянному кувшину с хорошим русским квасом, знаете, этакий московский хлебный темненский квасок со льдом и с желтой пеной наверху, как бывало в московской «Праге» подавали. Острый, шипучий, приятный — в нос шибает... Вот кушали бы они, родименькие, кушали... И когда, накушавшись, потянулся бы простой убийца за кваском, я остановил бы его руку и сказал:

— Послушай, раб Божий, убийца... а заслужил ли ты своими деяниями сие питие усладительное. Вот давай мы это по-Божьему рассудим. Секретарь! А ну-ка читай поименно всех убиенных сим рабом Божиим!

И стал бы читать секретарь:

Убиты сим убийцей: Марья, Николай...

И после каждого имени выплескивал бы я в парашу по глоточку этого кваску холодненького. И сказал бы дальше секретарь мой:

— Петр, Семен, Поликарп... Все!

И выплеснул бы я пять глотков по числу убиенных сим человеком, и остальной квас — три четверти кувшина — вручил бы убийце:

— На, сын мой! Вот твой остаток. Увлажняй свое пересохшее горло хоть до вечера.

И потянулся бы Троцкий к своему кувшину.

— Нет, постой, сын мой, — сказал бы я. — То, что в остатке будет, то и выпьешь ты, тем и увлаж-

нишься. Читай, секретарь, имена убиенных сим — а я по глоточку отливать буду. Читай, не торопясь, каждое имячко — через минуточку, хе-хе...

И читал бы он и читал — о, велик список убиенных сим Троцким! — а я бы медленно, по глоточку, выплескивал этот душистый холодненький квасок в парашу, в парашу.

А Троцкий сидел бы и смотрел, да лизал бы языком свои проклятые пересохшие губы, те губы, которые в свое время шевелились, называя имена приговоренных к мукам и умерщвлению.

Кончился бы квасок — я бы еще чего принес: пивца холодненького, альбо сельтерской воды этакий сифоннице притащил. Назовет секретарь имячко, а я сифончик давану, оттуда струйка — порск! Назовет, а я — порск! А другой убийца сидит рядом, душистый квасок попивает, а у Троцкого и горло, и пищевод, как кора сухая, покоробившаяся, а желудок, как высохший пузырь стянулся — да нет ему водички — ибо текут, текут имена — десятки, сотни, тысячи имен убиенных — и так до скончания века его...

— Это страшно... — прошептала блондинка, проведя языком по запекшимся губам, и поспешно проглотила чашку полуостывшего чаю.

* * *

А на диване, в глубине столовой, сидел никем не замеченный доселе офицер, только что вернувшийся с фронта, — сидел, закинув голову на спинку дивана и молчал.

Когда же старичок окончил свой тихий елейный задушевный рассказ — встал с места офицер и вошел

в светлый круг, образуемый настольной лампой.

— А-а, — сказала худощавая дама, а мы и не знали, что вы тут. Ну, теперь ваша очередь. Что бы вы с ним сделали, с Троцким? Воображаю, какой ужас вы придумаете!..

Резко освещенный лампой офицер неопределенно усмехнулся.

— Видите ли, господа... Если бы вместо этого стола было изрытое окопами поле и вместо этой бутылки рома были бы неприятельские укрепления, а там, где стоит кекс — наша батарея, спрятанная за эту вазу с вареньем, изображающую наши окопы, — то тогда вы бы ясно представили, что бы я делал: я бы сначала обстрелял Троцкого, укрывающегося в этом укреплении; а потом, после артиллерийской подготовки, бросился бы со своими солдатами вперед и энергичным штыковым ударом...

— Да вы не то говорите! Я спрашиваю, что бы вы сделали, если бы Троцкий попался вам в руки?

— Боюсь, что в бою, в этой суматохе я пристрелил бы его, как бешеную собаку.

— Ну, да — мы это понимаем; а если бы он без боя очутился в ваших руках?

Глаза офицера сверкнули и засветились, как две свечки.

— Так я бы его тогда, подлеца, в суд!..

— Как в суд? В какой суд?

— А как же?.. Ежели он виновен — надо его в суд! Пусть судят.

Молчание сгустилось, нависло, нагромоздилось над присутствующими, как насыщенная электричеством густая туча.

И только через минуту пышная блондинка пролепетала растерянно:

— Какое странное время: у штатских такая масса воинственной кровожадности, а военные рассуждают, как штатские!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БРЕД

Это я не выдумал.

Это мне рассказал один приезжий из Петербурга.

И произошло это в Петербурге же, в странном, фантастическом, ни на что не похожем городе...

Только в этом призрачном городе тумана, большой грэзы и расшатанных нервов могла родиться ниже-следующая маленькая бредовая история.

* * *

Ежедневный большой прием у большевистского вельможи — Анатолия Луначарского.

Время уже подползало к концу приема, когда наступают сумерки, и у вельможи от целой тучи всяких просьб, претензий, приветствий и разного другого коммунистического дрязга опухает голова, в висках стучат молоточки, в глазах плывут красные кружки, и смотрит вельможа на последних просителей осталбенелыми оловянными, плохо видящими и соображающими очами, по десяти раз переспрашивая и потирая ладонью натруженную голову.

Уже представилась вторая подсекция красной башкирской коммунистической ячейки, уже, стуча сапогами

и переругиваясь, вышли из кабинета представители мор-продкома центробалта.

— Ф-фу, кажется все, — выпустил, как паровоз, струю воздуха смертельно утомленный Луначарский.

И вдруг в этот момент в сумеречном свете около кафельной печи завозились две серые фигуры и двинулись разом на Луначарского.

— Кто вы такие? — испуганно спросил Луначарский. — Что нужно, товарищи?

— Так что мы насчет березовых дров, — ответили серые фигуры. — Это дело нужно разобрать, товарищ.

— Какие дрова? Что такое?..

— Березовые, понятное дело. Бумага на реквизицию выдана Всеотопом — нам, а они свезли самую лучшую березу, а нам говорят — вам осталась сосна. Нешто этой сыростью протопиши?..

— Кто свез лучшую березу?

— Как кто? Трепетун.

— Да вы-то кто такой?

— Я от Перпетуна.

— А этот товарищ кто?

— Говорю же вам: Трепетун. Мы вот и пришли, чтобы вы нас, как говорится, разобрали.

Луначарский потер рукой пылающую голову и несмело повторил:

— Расскажите еще. Яснее.

— Да что ж тут рассказывать; раз Всеотоп выдал реквизиционную квитанцию Перпетуну, так при чем тут Трепетун будет захватывать лучшую березу? Нешто это дело? Не Трепетуний это поступок.

Луначарский уже было открыл рот, чтобы спросить, кто такие эти таинственные Перпетун и Трепетун, но тут же спохватился, что неудобно ему, председателю пролеткульта, показывать такое невежество...

Он только неуверенно спросил:

— Да как же так Трепетун мог захватить?

— А вот вы спросите! Перпетун уже и место приготовил для склада и сторожей нашел, а Трепетун — на тебе! Из-под самого носа! Да я вам так скажу, товарищ, что у Трепетуна и склада нет, все одно на улице будет лежать, товарищи разворуют.

— Нет, ты, брат, извини, — хрюплю прогудел защитник интересов Трепетуна, — Перпетун-то по бумажке получает, а Трепетун еще летось обращался к Всеотопу, и ему лично без бумажки ответили, что береза ему в первую голову.

— Ловкий какой! А Перпетуну, значит, сосна?

— А по-твоему, кто ж — Трепетун должен сосновой топиться?

— Идол ты, да ведь Перпетун по квитанции!

— А Трепетун без квитанции, зато раньше!.

И снова схватившись за пылающую, раскаленную голову, выбежал бедный Луначарский в канцелярию.

— Товарищи! Не знаете, что такое Перпетун и Трепетун??!

— А кто его знает. По-моему, так: Трепетун — это трус, который, так сказать, трепещет...

— Так-с! А кто же в таком случае Перпетун?

— Может быть — перпетуум? Вроде перпетуум моби-ле — вечное такое движение.

Вернулся Луначарский снова в кабинет в полном изнеможении.

— Так как же нам быть, товарищ Луначарский?

— Кому — вам?

— Да вот — Перпетуну и Трепетуну?..

— Позвольте, а вы какое имеете к ним отношение?

— А мы делегированы.

— Ке-ем?!

— Перпетуном же и Трепетуном.

— Ну, так вот что я вам скажу, — простонал Луначарский, хватаясь за пульсирующие виски. — Пока они сами не придут — ничего я разбирать не буду!!

— Кто чтоб пришел?

— Да вот эти... Перпетун и Трепетун.

— Шутите, товарищ. Как им, хе-хе — с места сдвинуться.

— Кому-у?!

— Да опять же Перпетуну и Трепетуну.

— Провалитесь вы, анафемы! Да кто они, наконец, такие, эти проклятые Трепетун и Перпетун: скаковые лошади, башкирские начальники или пишущие машины?!

И тут обе серые фигуры впервые чрезвычайно удивились:

— Неужто не знаете, товарищ? Я от Первого Петроградского университета, а он от Третьего Петроградского районного. Это ж наше сокращенное имя: Перпетун и Трепетун.

МИША ТРОЦКИЙ

Как известно, у большевистского вождя Льва Троцкого — есть сын, мальчик лет 10—12.

Не знаю, может быть, у него еще есть дети — за истекший год я не читал Готского Альманаха — но о существовании этого сына, мальчика лет 10—12, я знаю доподлинно: позапрошлым летом в Москве он вместе с отцом принимал парад красных войск.

Не знаю, как зовут сына Троцкого, но мне кажется — Миша. Это имя как-то идет сюда.

И когда он вырастет и сделается инженером — на медной дверной доске будет очень солидно написано: «Михаил Львович Бронштейн, гражданский инженер».

Но мне нет дела до того времени, когда Миша сделается большим. Большие — народ не очень-то приятный. Это видно хотя бы по Мишиному папе.

Меня всегда интересовал и интересует маленький народ, все эти славные, коротко остриженные, лопоухие, драчливые Миши, Гриши, Ваньки и Васьки.

И вот — когда я начинаю вдумываться в Мишину жизнь — в жизнь этого симпатичного, ни в чем не повинного мальчугана — мне делается нестерпимо жаль его... жаль его...

За какие, собственно, грехи попал мальчишка в эту

заваруху?

Не спорю — может быть, жизнь этого мальчика обставлена с большою роскошью — может быть, даже с большею, чем позволяет цивильный лист — может быть, у него есть и гувернер — француз, и немка, и англичанка, и игрушки, изображающие движущиеся паровозы на рельсах, огромные заводные пароходы, из труб которых идет настоящий дым — это все не то!

Я все-таки думаю, что у мальчика нет настоящего детства.

Все детство держится на традициях, на уютном, как ритмичный шелест волны, быте. Ребенок без традиций, без освященного временем быта — прекрасный материал для колонии малолетних преступников в настоящем, и для каторжной тюрьмы в будущем.

Для ребенка вся красота жизни в том, что вот, дескать, когда Рождество, то подавайте мне елку, без елки мне жизнь не в жизнь; ежели Пасха — ты пошли прислугу освятить кулич, разбуди меня ночью да дай разговеться; а ежели яйца не крашенные, так я и есть их не буду — мне тогда и праздник не в праздник. И я должен для моего детского удовольствия всю Страстную есть постное и ходить в затрапанном затрапезном костюмчике, а как только наступит это великолепное Воскресение, ты обряди меня во все новое, все чистое, все сверкающее, да пошли с прислугой под качели! Вот что-с!!

Да что там — качели! Я утверждаю, что для ребенка праздник может быть совсем погублен даже тем, что на глазированной шапке кулича нет посредине традиционного розана или — сливочное масло поставлено на праздничный стол не в форме кудрявого барашка, к чему мальчишка так привык.

Я не знаю, какие праздничные обычай в доме Троцких — русские или еврейские, — но если даже еврейские — и еврейская пасха имеет целый ряд обольстительно приятных для детского глаза подробностей.

Увы, я думаю, что Миша Троцкий — живет без всяких традиций — чем так крепко детство — без русских и без еврейских. Я думаю, папа его совсем запутался в интернационале — до русских ли тут, до еврейских ли обычаем — когда целые дни приходится толковать с создателями новой России — с латышами, китайцами, немцами, башкирами — это тебе не красное яичко, не розан в центре высокого, обаятельно пахнущего сдобый кулича.

* * *

Что Миша читает?

Совершенно не могу себе этого представить. Мальчик без Майн-Рида — это цветок без запаха.

А Миша Майн-Рида не читает.

Может быть, когда-нибудь ему и попались случайно в руки «Тропинка войны» или «Охотники за черепами», и, может быть, на некоторое время околдовало Мишу приволье и красота ароматных американских степей. Может быть, чудесной музыкой заиграли в его ушах такие заманчивые своей звучностью и поэзией слова:

«Сьерра-Невада, Эль-Пазо, Дель-Норте!..»

Но, прочтя эту книжку, принялся бродить притихший зачарованный Миша по огромным пустым комнатам папиного дворца, забрался в папин кабинет и, свернувшись незаметно клубочком на дальнем диване, услышал от представляющих папе коммунистов и латышей совсем другие слова, почуял совсем другие образы:

— С тех пор, как, — серым однотонным голосом бубнит коммунист, — с тех пор, как мы ввели уеземелькомы — они стали в резкую оппозицию губпродкомам. Комбеды приняли их сторону, но уездревкомы приняли свои меры...

Потом подходит к столу латыш.

— Ну, что, Лацис? Всех допросили...

— Двадцать восемь человек. Из них девятнадцать уже расстрелял, остальных после передопроса.

Лежит Миша, притихнув на диване, и меркнут в мозгу его образы, созданные капитаном Майн-Ридом.

Какая там героическая борьба индейцев с белыми, вождя Дакоты с охотниками Рюбе и Гареем, какое там оскальпирование, когда вот стоит человек и, рассеянно вертя в руках пресс-папье, говорит, что он сегодня убил 19 живых людей.

А на красивые, звучные слова «Эль-Пазо, Дель-Норте, Сьерра-Невада, Кордильеры» — наваливаются другие слова — тяжелые, дикие, похожие на тарабарский язык свирепых сиуксов: Губпродком, Центробалт, Уеземельком.

Поднимается с дивана Миша и, как испуганный мышонок, старается проскользнуть незаметно в детскую.

Но папа замечает его.

— А, Миша! Что ж ты не здороваешься с дядей Лацисом. Дай дяде ручку.

Эта операция не особенно привлекает Мишу, но он робко протягивает худенькую лапку, и она без остатка тонет в огромной, мясистой, жесткой «рабочей» лапе дяди Лациса.

— Ну, иди, Миша, не мешай нам. Скажите, а с теми тремя, арестованными позавчера, вы кончили или...

Но Миша уже не слышит. Опустив голову, он идет

в детскую с полураздавленной рукой и вконец расплющенным сердцем.

* * *

В конце концов, если у меня и есть на кого слабая надежда — так это на Мишину мать.

Авось она не выдаст Мишу, и одним своим прикосновением ласковой руки к горячей голове расправит измятые полуоборванные лепестки детского сердца.

За обедом спросит:

— Чего ты такой скучный, Миша? Чего ты ничего на кушаешь?

— Мне скучно, мама.

В разговор ввязывается папа:

— Его уже нужно в училище отдать, так ему тогда не будет скучно. Хочешь, я тебя отдам в Первую Коммунистическую Нормальную Школу, а?

И вдруг коммунистическая мать вспыхивает и взлетает, как ракета.

— Ты! ты! — кричит она, сжигая сверкающими глазами коммунистического папу. — Ты мне эти шутки с моим ребенком брось! Я знаю ваши «Нормальные» школы для мальчиков и девочек!! Ты там можешь себе проводить какую хочешь политику, но в семью этой дряни не вноси. Чтобы я послала своего сына на разврат? Лева, слышишь? Об этом больше нет разговора!

— Ну, хорошо, ну, ладно. Раскудахталась. Миша!

Ну, если тебе скучно — поедем опять принимать парад красных войск — хочешь?

— Что ты со своими паршивыми парадами к ребенку пристал? Он же один, ему же нужны товарищи, а ты ему своими парадами-марадами голову морочишь!..

— Ему нужны товарищи? Так чего же ты молчишь? Хочешь, я к нему пришлю поиграть сына Лациса — Карлушу?

— Лева! Я же тебе в тысячный раз повторяю: оставляй свою политику на пороге нашего дома! Чтобы я позволила моему сыну играть с этим латышонком, с сыном палача, который...

— Со-ня!!! Или ты замолчишь или я уйду из-за стола! Что это за разговоры такие?

За столом — тяжелое, душное молчание.

Миша сидит, положив на тарелку вилку и ножик, не притронувшись к цыпленку, и смотрит невидящими глазами в стену.

— Что ты? — озабоченно спрашивает отец. — О чем задумался?

— Папа, ты знаешь, что такое Эль-Пазо и Дель-Норте?

— М...м... Не знаю. Я думаю, это сокращенное название какой-нибудь организации.

— А знаешь ты, что такое «Охотники за черепами»?

Лицо папы сначала бледнеет, потом краснеет:

— Послушай ты! Дрянь мальчишка... Если ты еще раз позволишь себе сказать что-либо подобное, я не посмотрю на тебя, что ты большой — выдеру, как сидорову козу! Понял?

Нет. Миша не понял.

* * *

На совести Мишиного папы тысячи пудов преступлений.

Но это его преступление — гибель Мишиной души — неуследимое, неуловимое, как пушинка, — и, однако, оно в моих глазах столь же подлое, отвратительное, как и прочие его убийства.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

(Кусочек материала к истории русской революции)

Сколь различна психология и быт русского и французского человека.

Французская революция оставила нам такой примечательный факт:

Добрые, революционно настроенные парижане поймали как-то на улице аббата Мори. Понятно, сейчас же сделали из веревки петлю и потащили аббата к фонарю.

— Что это вы хотите делать, добрые граждане? — с весьма понятным любопытством осведомился Мори.

— Вздернем тебя вместо фонаря на фонарный столб.

— Что ж вы думаете — вам от этого светлее станет? — саркастически спросил остроумный аббат.

Толпа, окружавшая аббата, состояла из чистокровных французов, да еще парижан к тому же.

Ответ аббата привел всех в такой буйный восторг, что тут же единогласно ему было вотировано сохранение жизни.

Это французское.

А вот русское*:

В харьковской чрезвычайке, где неистовствовал «товарищ» Саенко, — расстрелы производились каждый день.

* Факт этот рассказал автору одним вполне заслуживающим доверия харьковцем.

Делом этим большою частью занимался сам Саенко...

Накоканившись и пропьянствовав целый день, он к вечеру являлся в помещение, где содержались арестованные, со списком в руках и, став посередине, вызывал назначенных на сегодня к расстрелу.

И все, чьи фамилии он называл, покорно вздыхая, вставали с ящиков, служивших им нарами, и отходили в сторону.

Понятно, что никто не молил, не просил, — все прекрасно знали, что легче тронуть заштукатуренный камень капитальной стены, чем сердце Саенки.

И вот однажды, за два дня до прихода в Харьков добровольцев, явился по обыкновению Саенко со своим списком за очередными жертвами.

— Акименко!

— Здесь.

— Отходи в сторону.

— Васюков!

— Тут.

— Отходи.

— Позвольте мне сказать...

— Ну, вот еще чудак... Разговаривает. Что за народ, ей-Богу. Возиться мне с тобой еще. Сказано отходи — и отходи. Стань в сторонку. Кормовой!

— Здесь.

— Отходи. Молчанов!

— Да здесь я.

— Вижу я. Отойди. Никольский!

Молчание.

— Никольский!!

Молчание. Помолчали все: и ставшие к стенке, и сидящие на нарах, и сам Саенко.

А Никольский в это время, сидя как раз напротив

Саенко, занимался тем, что, положив одну разутую ногу в опорку на другую, тщательно вертел в пальцах папиросу-самокрутку.

Никольский!!!

И как раз в этот момент налитые кровью глаза Саенки уставились в упор на Никольского.

Никольский не спеша провел влажным языком по краю папиросной бумажки, оторвал узкую ленточку излишка, сплюнул, так как крошка табаку попала ему на язык, и только тогда отвечал вяло, с ленцой, с развалыцем:

— Что ж это вы, товарищ Саенко, по два раза людей хотите расстреливать? Неудобно, знаете.

— А что?

— Да ведь Никольского вчера расстреляли!

— Разве??

И все опять помолчали: и отведенные в сторону, и сидящие на нарах.

— А ну вас тут, — досадливо проворчал Саенко, вычеркивая из списка фамилию. — Запутаешься с вами.

— То-то и оно, — с легкой насмешкой сказал Никольский, подмигивая товарищам, — внимательней надо быть.

— Вот поговори еще у меня. Пастухов!

— Иду!

* * *

А через два дня пришли добровольцы и выпустили Никольского.

* * *

Не знаю, как на чай вкус...

Может быть, некоторым понравился аббат Мори, а мне больше нравится наш русский Никольский.

У аббата-то, может быть, когда он говорил свою

остроумную фразу — нижняя челюсть на секунду дрогнула и отвисла, а дрогни челюсть у Никольского, когда он, глядя Саенке в глаза, дал свою ленивую реплику — где бы он сейчас был?

РАЗРЫВ С ДРУЗЬЯМИ

Посвящается В. С. фон-Гюнтер

I

Вы — грязны, оборваны; на вас неумело заплатанное, дурно пахнущее платье; давно небритая щетина на лице, пыльные всклокоченные волосы, траур на ногтях, выпущенные на коленках брюки и гнусного вида стоптанные опорки на ногах.

Представьте себе это.

Вы — опустившийся, подлый, пропитанный дешевой сивухой nocturnalный человечишка, — и вдруг в одном из гнилых, пахнущих воровством переулков вы встретили своего бывшего, прежнего друга — представьте себе это!!

Он одет в черное прекрасно сшитое пальто, на руках свежие замшевые перчатки, на голове изящная фетровая шляпа, из-под атласного лацкана пальто виден чудесно завязанный галстук, приятно выделяющийся синим пятном на белоснежном белье; только что выбритые щеки еще не успели покрыться синевой, на них еще остался еле уловимый след дорогой пудры, а ноги обуты в изящные лаковые ботинки с замшевым верхом; а пахнет от вашего прежнего старого друга герленовскими Rue de la Paix...

Он добр; он радушен; он не замечает вашей гнусности, оскудения и грязи...

Радостно протягивает к вам руки и приветливо

восклицает:

— Ба! Приятная встреча! Ну, пойдем. И — и, нет, нет, — и не думай отказываться! Пойдем со мной в ресторанчик — тут есть такой с кабинетами — закусим, выпьем, старину вспомним. Ну же, друг, не ломайся.

И вот мы с ним в теплом чистом кабинете ресторана: на столе — свежая икра, этакие серые влажные зерна, — до того крупные, что их пересчитать можно; и к икре поджаренные гренки; и ветчина — розовая, тонкая, прозрачная, как кожа ребенка; и желтый балык, нарезанный так, что похож на бабочку, раскинувшую крылья, — упругий, с хрящиком осетровый балык; и бутылка Кордон Вер кажется свое зеленое горло из серебряного ведра со льдом.

А друг ваш небрежно роняет благоговейно внимавшему лакею:

— Ну, дайте там чего-нибудь горяченького: на первое ушицы можно, если стерлядка подвернется, а на второе... Ну, чего бы? Котлетку можно Мари-Луиз и спаржи, что ли?..

И тут же, отпустив слугу, радушно поворачивается к вам и говорит красивым вежливым языком, без брани и зауления, к чему вы так привыкли в вашей *alma mater* — ночлежке:

— Ну-с, так вот, значит, как. Рад тебя видеть, очень рад. А я, брат, только что из-за границы... Прожил два месяца в Виареджио, проскучал недельку в Милане, преотчаянно влюбился в одну американку в Остенде — и чтобы излечиться от страсти — махнул обратно в нашу милую Россию... Ну, что здесь? Встречаешь кого-нибудь из старых приятелей? Я слышал, князь Сергей женился и уехал в свое подмосковное? А наш милейший Боб? По-прежнему занимается коллек-

ционерством фарфора? А его папа, как и раньше проедает третье баронское наследство на ужинах у Кюба? Говорят, его лошадь победила на Дерби? Что ты сидишь такой... скучный, а? Да развеселись же, голубчик; та *parole*, ты раньше был живиальней.

Ма *parole*?! Князь Сергей?.. Виареджио? А вот мне вчера Сенька Обормот чуть голову не проломил денатуратной бутылкой — это тебе не Виареджио!..

И вы сидите против него — грязный, небритый, весь окутанный еще неостывшими nocturnalными заботами — и этот голос из другого, чудесного, недоступного для вас, ушедшего от вас мира доводит вас до того — представьте себе это — что вы вот-вот сейчас броситесь на него, вцепитесь в горло и с ненавистью начнете рвать сверкающее белье на беззаботной холеной груди...

II

Впрочем — это все присказка.

А сказка — тяжелая, мрачная, угрюмая — впереди.

Идя в ногу с общей жизнью, я чувствую себя грязным, небритым, опустившимся человеком; впрочем, такова сейчас вся Россия.

Но в левом углу на деревянной полке расставлена у меня пестрая компания старых друзей, которых я так любил раньше, без которых дня не мог прожить, и от которых я сейчас шарахаюсь, как от чумы.

Потому что удовольствие от встречи с любым из них — на час, а расстройства на целый день.

Я не могу! Я отправлен! Я не виноват, хотя друзья мои остались те же — ни одна буквочка в них не изменилась, а вот я другой; я — бывший человек из nocturnalки Аристида Кувалды.

Я — грубое, мрачное, опустившееся на дно существо-

а они все такие чистенькие, корректные, напечатанные на прекрасной белой бумаге и облаченные в изящные золоченые коленкоровые переплеты.

Ну, хорошо; ну, ладно; ну, вот я беру с полки одну книгу, развертываю ее, читаю.

Могу я так сосредоточиться, как раньше?

О чём написано в этой книге? Почему эти голоса звучат, как доносящиеся из другого, будто навсегда погребенного мира?

Ну, вот я читаю, по прежнему времени, самые невинные строки:

«Она опустила голову низко, низко, и машинально катая тонкими пальцами хлебные шарики, прошептала: если ты хочешь доказательств — я брошу для тебя детей и разведусь с мужем...»

Ну, вот — я читаю это. И вы думаете, моя мысль следует за разворачивающейся драмой любящей женской души?

Как бы не так! Черта с два!

Главная мысль у меня такая: катает хлебные шарики... Ишь ты! А хлеб-то небось не по карточкам. В очереди не стояла, дрянь этакая, так можно катать, не жалеючи хлеба.

«Чтоб потом я же оказался палачом, разлучником с твоими детьми?!» — крикнул он, стукнув по столу так, что тарелка с маслом задребезжала...»

Стучи, стучи! Небось если бы, как теперь, масло стоило пять тысяч фунтик, — не постучал бы... А интересно, где они его доставали? Наверное, в молочной покупали. Посмотри-ка ты на них: сливочное масло лопают да еще и ссорятся, а?

Бросаю эту книгу, раскрываю другую:

«... Прошло уже несколько лет, но перед его глазами все время как живая стояла эта страшная кар-

тина: раненый человек полулежит на земле и между его пальцами струится кровь из раны на груди. Лицо его постепенно бледнеет, глаза затуманиваются какой-то пленкой...»

Подумаешь, важность! Да я в позапрошлом году видел, как в Москве латыши расстреляли на улице днем в Каретном ряду восемь человек — и то ничего. Вели их, вели, потом перекинулись словом, остановили и давай в упор расстреливать. Так уж тут, при таком оптовором зрелище, нешто разглядишь, у кого «глаза затуманивались какой-то пленкой» и кто «постепенно бледнел...»

Ухлопали всех да и пошли дальше.

И сразу после этого московского зрелища делаются неинтересными все кисло-сладкие подробности об одном раненом, который, как потом оказалось, и не умер-то вовсе.

Бросаю эту книгу, беру третью:

«...Так ты меня жди в Крыму, — сказал он, нежно целуя ее. — Когда соскучишься, пришли ко мне в Питер срочную, и я через двое суток уже в твоих объятиях».

Тьфу! Даже читать противно: «срочная из Крыма в Питер», «через двое суток»!

А срочную через двадцать дней не хочешь получить?

А полтора месяца не хочешь ехать?

А из вагона тебя батько Махно не вышвырнет, как котенка? А Петлюра деньги и чемодан у тебя не отнимет?

Все ложь, ложь и ложь.

Все — расстройство моей души!

Все — напоминание о том, когда мы еще не были «бывшими людьми».

Простите вы меня, но не могу я читать на пяти-

десяти страницах о «Смерти Ивана Ильича».

Я теперь привык так: матрос Ковальчук нажал курок; раздался сухой звук выстрела... Иван Ильич взмахнул руками и брякнулся оземь. «Следующий!» — привычным тоном воскликнул Ковальчук».

Вот и все, что можно сказать об Иване Ильиче.

* * *

Прощайте мои книги, прощайте мои верные друзья... Сжечь бы вас каналий следовало за то, что вы так можете человека расстроить.

Если на ваших страницах босяк выпивает бутылку водки (стоит теперь 10.000 рублей), если извозчик за четвертак везет через весь город и, получив гривенник прибавки, называет седока вашим сиятельством, если скромный ужин студента состоит «из куска ростбифа и бутылки дешевого красного вина», если шикарная кокотка за ночь любви получает 50 рублей, если ваши герои могут переноситься в двое суток из Петербурга в Крым, если вы можете на ста страницах размазывать, как умирает Черт Иванович, если «к подъезду графу мягко подкатил пятитысячный лимузин» — если все это — то нам с вами не по дороге: катите себе дальше на «пятитысячном лимузине» или сядьте «на шикарного лихача за трешницу», а мы скромно усядемся на империале конки за пятьсот целковых.

Прощайте! Поцелуйте от меня студента, убого поужинавшего ростбифом и бутылкой дешевого вина...

Ну, с Богом. Трогай, пятисотрублевая конка!

АНТИЧНЫЕ РАСКОПКИ

Когда шестилетний Котя приходит ко мне — первое для него удовольствие рыться в нижнем левом ящике моего письменного стола, где напихана всякая ненужная дрянь; а для меня первое удовольствие следить за ним, изучать совершенно дикариные вкусы и стремления.

Наперед никогда нельзя сказать, что понравится Коте: он пренебрежительно отбросит прехорошенькую бронзовую собачку на задних лапках и судорожно ухватится за кусок закоптелого сургуча или за поломанный ободок пенсне. Суконная обтиралка для перьев в форме разноцветной бабочки оставляет его совершенно равнодушным, а пустой пузырек из-под нашатырного спирта приводит в состояние длительного немого восторга.

Сначала я думал, что для Коти самое важное, издает ли предмет какой-либо запах, потому что и сургуч, и пузырек благоухали довольно сильно.

Но Котя сразу разбил это предположение, отложив бережно для себя металлический колпачок от карандаша и забраковав прехорошенький пакетик саше для белья.

Однако обо всяком подвернувшемся предмете он очень толково расспросит и внимательно выслушает:

— Дядя, а это что?

- Обтиралка для перьев.
- Для каких перьев?
- Для стальных. Которыми пишут.
- Пишут?
- Да.
- А ты умеешь писать?
- Да, ничего себе. Умею.
- А ну-ка напиши.

Пишу ему на клочке бумаги: «Котыка прекрасный пузырь».

- Да, умеешь. Верно. А это что?
- Ножик для разрезания книг.

Молча берет со стола книгу в переплете и, вооружившись костяным ножом, пытается разрезать книгу пополам.

После нескольких напрасных усилий вздыхает:

- Наверное, врешь.
- Ах, вру? Тогда между нами все кончено. Уходи от меня.

— Ну, не врешь, не врешь. Пусть я вру, хорошо? Не гони меня, я тебе ручку поцелую.

— Лучше щечку.

Мир скрепляется небрежным, вялым поцелуем, и опять:

— Дядя, а это что?

В руках у него монетница белого металла с пружинками — для серебряных гривенников, пятиалтынных и двугривенных.

— Слушай, что это такое?!

— Монетница.

Нюхает. Подавил пальцем пружинки, потом подул в них.

— Слушай, оно не свистит.

— Зачем же ему свистеть? Эта штука, брат, для денег. Вот видишь, сюда денежка засовывается.

Долго смотрит, прикладывая глазом.

— Она же четырехугольная!

— Кто?

— Да эти вот, которые... деньги.

Сует руку в боковой карманчик блузы и вынимает спичечную коробку — место хранения всех его капиталов.

Недоверчиво косясь на меня глазом (не вздумаю ли я, дескать, похитить что-либо из его денежных запасов), вынимает измятый, старый пятиалтынный.

— Видишь — вот. Как же положить?

— Чудак ты! Сюда кладут металлические деньги.

Твердые. Вроде как эта часовая цепочка.

— Железные?

— Да, одним словом, металлические. Круглые.

— Круглые? Врешь ты... Нет, нет, не врешь... Я больше не буду! Хочешь, ручку поцелую? Слушай, а слушай...

— Ну?

— Ты показал бы мне такую... железную. Я никогда не видел...

— Нет у меня.

— Что ты говоришь? Значит, ты бедный?

— Все мы, брат, бедные.

— Дядя, чего ты сделался такой? Я ведь не сказал, что ты врешь. Хочешь, поцелую ручку?

— Отстань ты со своей ручкой!

Снова роется Котя в разной рухляди и — только в действительной жизни бывают такие совпадения — вдруг вытаскивает на свет Божий настоящий серебряный рубль, неведомо как и когда затесавшийся среди двух половинок старого разорванного бумажника.

— А это что?

— Вот же он и есть — видишь? Те деньги, о которых я давеча говорил.

— Какие смешные. Совсем как круглые. Сколько тут?
— Рубль, братуха.

Денежный счет он знает. Из своей спичечной коробки вытаскивает грязный склеенный в двух местах рубль, долго сравнивает.

Из последующего разговора выясняется, до чего дьявольски практичен этот мальчишка.

— Слушай, он же тяжелый.

— Ну, так что?

— Как же их на базар брали?

— Так и брали.

— Значит, в мешке ташили?

— Зачем же в мешке?

— Ну, если покупали мясо, картошку, капусту, яблоки... разные там яйца...

— Да мешок-то зачем?

— Пять-то тысяч штук отнести на базар надо или нет? Мать каждый день дает пять тысяч!

— Э-э... голубчик, — смеясь, прижимаю я его к груди. — Вот ты о чем! Тогда и парочки таких рублей было предовольно!

Смотрит он на меня молча, но я ясно вижу — на влажных губах его дрожит, вот-вот соскочит — невысказанная любимая скептическая фраза: «врешь ты, брат!..»

Но так и не слетает с уст эта фраза: Котька очень дорожит дружбой со мной.

Только вид у него делается холодно-вежливый: видишь, мол, в какое положение ты меня ставишь — и врешь, а усомниться нельзя.

ВОЗВАЩЕНИЕ

«...Тарас тут же, при самом въезде в Сечь, встретил множество знакомых лиц... Только и слышались приветствия: «А, это ты, Печерица!» — «Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда Бог несе тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долото?» — «Здорово, Кирдяга!» — «Здорово, Густый» — «Думал ли я видеть тебя, Ремень».

И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира великой России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?»

И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в Царьград...»

* * *

Чует, чует наше общее огромное русское сердце, что совсем уж скоро побегут красные разбойники, что падет скоро Москва и сдастся Петроград...

Без толку, зря, как попугай, к месту и не к месту, к слову и не к слову твердили в свое время болтуны и краснобаи — все сплошные Керенские, Черновы

и Гоцлиберданы: «Приближается конец! Бьет двенадцатый час». Им ли, выращенным в затхлом табачном воздухе швейцарских кофеен и пивных, было дано учить двенадцатый час нашей родины? Без толку, как попугай, карталили они: «Бьет двенадцатый час! Бьет двенадцатый час!» И вовсе не был он... Это шел пятый, шестой, седьмой час...

А вот теперь мы все, все наше русское огромное сердце, почуяло этот час ликвидации и расчета, и скоро, скоро грянет грозное, как звон тысячи колоколов, как рев тысячи пушек: «Бьет двенадцатый час! К расчету!»

* * *

С грохотом, стоном и визгом понесется с теплого юга на холодный север огромная железная птица, дымящая и пыхтящая с натуги, понесется как бешеная на север — вопреки инстинкту других птиц, которые на зиму глядя тянутся не с юга на север, а с севера на юг. И будет чрево той птицы, этой первой ласточки, которая сделает весну — набито битком разным русским людом, взор которого, как магнитная стрелка, обратится к северу, а на лице напишется одна мысль, звучащая в такт лязгу колес: «Что там? Что там? Что там?»...

Там у них все! Жены, оторвавшиеся от мужей, мужья от жен, дети от родителей, там десятки лет свивавшиеся гнезда, там друзья, привязанности, дела и воспоминанья — там все, что было так прочно наложено, так крепко сшито — и о чем целые годы никто не имел ни слуху, ни духу:

«Что там, что там, что там?»...

Вы, южане, сидящие тут на своих прочных, насиженных местах — поймете ли вы ни с чем не сравнимое, небывалое еще во всемирной истории ощущение петербуржца, когда он впервые за полтора-два года

спрыгнет с подножки вагона на перрон Николаевского вокзала, быстрыми шагами оставляя далеко позади себя носильщика, промчится к выходу на площадь, украшенную слоновыим монументом Александра III, выбежит на ступеньки вокзала и... поползет кверху бровь его:

— Где же памятник?!? Его нет! То, что казалось нам привычным, несокрушимым, что ставилось на сотни лет — исчезло!

Ах, друзья! Знаете ли вы ощущение человека, который столкнулся лицом к лицу с близким другом — и видит он с ужасом, что у этого друга нет носа. Провалился нос.

Вот какое ощущение будет у петербуржца, когда он увидит, что исчез огромный, неуклюжий, осмейанный в свое время, облитый ядом очередной неглубокой петербургской иронии — но бесконечно дорогой и любимый наш памятник, как немой символ тяжелой дланя царя — «Миротворца», как неотделимая часть нашего прекрасного, колдовского, волшебного Петербурга!..

— Нет памятников. Провалился нос на лице.

И вдруг тут же на площади встретит он пробегающего знакомого, чудом из чудес выжившего, не протянувшего скелетообразных ног в этом аду.

И пойдут тут поцелуи и взаимные приветствия: «А что Парфентьев? Что Николай Иваныч? А где Полосухин? А что поделывает Горбачев?»

И услышит он в ответ, как в свое время Тарас Бульба, — что расстрелян Полосухин за саботаж, что замучили в чрезвычайке Парфентьева, что умер от голода на широком красавце Невском сиромаха Николай Иваныч, что и Лизочка Караваева повесилась от мук невыносимого «организованного» голода, и Маруси Грибановой нет, и Катерины Ивановны, и Димочки Овсюкова — все, все «сошли под вечны своды».

Вздохнет только приезжий петербуржец, свесит голову и тихо побредет по Невскому...

Батюшки мои! Да разве же это Невский?! Где его великолепные человеческие волны?! Где его могучий шум, шум океанского прибоя, чудная для моего уха музыка рева автомобильных гудков, трамвайных звонков, воплей газетчиков, — вся та сложная симфония, которая слагается из людской молви, конского топа, торгашеского вопля и железного лязга трамвайных рельс.

Где его пышные стены, сверху донизу усеянные, унизанные сплошь так, что и для визитной карточки нет места — обвешанные вывесками, плакатами, витринами, всем этим птичьим гамом пестрой шумной рекламы — лучшей свидетельницы бодрой, нормальной, веселой, деловой, хлопотливой, суетливой, энергичной жизни столицы.

Молчит немая улица, угрюмо принахмурились обнаженные, будто раздетые, лишенные своей пышной одежды — вывесок — дома.

И только внизу, у самой панели, как ажурные кружева из-под юбки развратницы, как дессу кафешантанной блудницы — виднеется грязно-белая пена большевистских декретов, постановлений, воззваний и заклинаний обожравшейся иззыхающей гадины.

Ужасная улица — этот былой красавец Невский: тысячи пороков, грязи и преступлений написаны на гордом прежде челе его.

Но идет все дальше, все дальше петербуржец — и вот уже его улица, вот уже его дом, уже виднеются окна его квартиры, где любовно и хлопотливо вил он семейное гнездо свое, где любил, боролся, падал и снова поднимался...

«Что там, что там, что там?»...

Цела ли обстановка? Осталось ли там хоть что-нибудь?

И чудится ему отбитая штукатурка, разобранный паркет, которым вместо дров топили печи, ободранные обои, разбитые грязные стекла и сорванные с петель двери...

Дворник встречает его в воротах — тот же дворник — эти-то уцелеют при всяких режимах и переворотах!

Но что это? Чудо из чудес! Сдергивает поспешно с головы шапочку этот всероссийский привратник, и в глазах его уже не наглость зарвавшегося дешевого хама, а настоящая русская, сияющая добродушной радостью, ласка и приветливость.

— Да неужто ж барин? Вот-то радость какая, Господи! Заждались мы вас! Шутка ли — больше двух лет!..

— А что... моя... квартира?.. — с тайным трепетом спросит петербуржец, обнимая, как родного, как кровного брата сияющего дворника.

— Цела-с, пожалуйте. Комиссар тут жил — тем только и сохранили! Пианино, правду говоря, маленько «Яблочком» расшатали, да абажур в гостиной разбили... Позавчера только и бежал комиссар... Жидка Варвара на расправу!.. Вот-с ключик.

Сладостное, чудесное ощущение!

Моя старая квартира! Мои картины, мои ковры, мои книги, на страницах которых, может быть, остались следы неуклюжих жирных пальцев, но тем дороже вы мне, мои книги, потому что этим самым вместе одной — две повести расскажете вы мне, когда голубоватым светом засветится родная лампа, когда приветливо затрещат дрова в камине, и я, придвинув к огню мягкое старое кресло, начну вас перелистывать, прихлебывая из стакана доброе старое бордо, чудом уцелевшее под откидным сиденьем оттоманки.

А когда в эти тихие сумерки зазвонит вдруг телефон на письменном столе и голос друга прозвучит издали: «Я взял тебе билет в Марьинку, сегодня пре-

мьера», когда, переодевшись в вечерний костюм, выйдет петербуржец из дома и окунется в эту милую петербургскую туманную, слякотную полумглу, в которой так призрачно, еле намечено светят матовые шары фонарей, когда окунется он в этот суевийный гомон огромной столицы, — схватится он за голову и подумает громко:

Сон то был или явь? Дьявольское наваждение, бесовское действие или... на всю будущую жизнь глубокое, грозное, печальное *memento mori*...

КОНЕЦ

О Г Л А В Л Е Н И Е

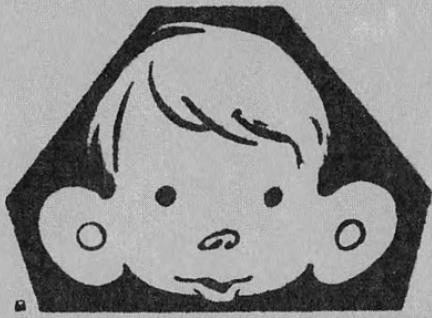
Несколько слов по поводу этого, которое	7
Наваждение	9
Добрые друзья за рамсом	20
Город чудес	27
Отрывок будущего романа	33
Международный ревизор	38
Моя старая шкатулка	42
История — одна из тысячи	47
Слабая голова	53
Разговор за столом	58
Петербургский бред	66
Миша Троцкий	70
Перед лицом смерти	77
Разрыв с друзьями	81
Античные раскопки	87
Возвращение	91

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

Д П Т І

БНИГА НОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ
СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМЪ

РУКОВОДСТВА
КЪ РОЖДЕНІЮ
Д П Т І

ИЗДАТЕЛЬСТВО - 1922 - КУЛЬТУРА
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Аркадій Аверченко.

ДѢТИ

СВОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

съ приложеніемъ

„Руководства къ рождению детей“

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“

Г. ПАХАЛОВА, О. ЦИГОЯНЪ и М. ШАКАЙ.

Кон--поль.

1922.

Введение.

Для выпуска настоящего сборника у меня имѣлись два вѣскихъ основанія:

- 1) Я люблю дѣтей.
- 2) Дѣти любятъ меня.

Лицамъ, мало знакомымъ съ моей біографіей, я долженъ признаться, что когда-то самъ былъ ребенкомъ, и, такъ какъ память объ этомъ розовомъ періодѣ моей жизни до сихъ поръ живо сохранилась въ моемъ мозгу, то мои разсказы „О дѣтяхъ“, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ плѣнительный професіональный отпечатокъ откровеній спеціалиста по дѣтскому вопросу.

Все должно быть логично: Вересаевъ былъ врачомъ; онъ написалъ „Записки врача“; Купринъ былъ военнымъ; онъ написалъ „Поединокъ“. Я былъ ребенкомъ; пишу о дѣтяхъ.

Впечатлѣнія спеціалиста — всегда цѣн-
ный вкладъ въ данный вопросъ.

Помню, съ какимъ удовольствіемъ про-
челъ я недавно „Записки Палача“ Шарля
Сансона, отрубившаго голову Людовику
Шестнадцатому—знаменитаго Сансона, пред-
ставителя ряда поколѣній, цѣлой династіи
Сансоновъ—палачей, въ теченіе двухъ вѣ-
ковъ прилежно рубившихъ парижанамъ го-
ловы.

Хорошо пишутъ спеціалисты!

* * *

У дѣтей я имѣю шумный успѣхъ, пото-
му что раскусилъ одинъ нехитрый фокусъ:
никогда не показывайте, что вы умнѣе ре-
бенка; почувствовавъ вѣше превосходство,
онъ, конечно, будетъ уважать васъ за глу-
бину мысли, но самъ сейчасъ же молниенос-
но уйдетъ въ себя, спрячется, какъ улитка
въ раковину,

У меня пріемъ обратный: съ дѣтьми я
прикидываюсь невѣроятно наивнымъ, даже
жалкимъ человѣчишкой, который нуждается

въ покровительствѣ и защитѣ. Можетъ быть, въ глубинѣ души, малышъ даже будетъ немножко презирать меня. Пусть. Зато онъ чувствуетъ свое превосходство, милостию береть меня подъ свою защиту и душа его раскрывается передо мной, какъ чашечка цветѣтка передъ лучемъ солнца.

Охъ, какъ много надулъ я этимъ приемомъ маленькаго довѣрчиваго народа, и сколько я знаю о немъ такого, чего умные, покровительственно хлопающіе малыша по плечу — не знаютъ.

Нѣкоторые изъ моихъ бывшихъ маленькихъ друзей уже выросли. Вотъ-то, навѣрное, ругнутъ меня, когда узнаютъ, какъ ловко обошелъ я ихъ.

Простите меня, голубчики. Я это дѣлалъ на пользу великой чудесной русской литературы.

Это я дѣлалъ, чтобы внести свою скромную пчелинную лепту въ ся необъятную сокровищницу.

А, впрочемъ, можете и сердиться мои
бывшіе маленькие друзья. Такъ какъ вы те-
перь уже огромные—то мнѣ все равно.

А. А.

—
—

8

Руководство къ рожденію дѣтей.

Знаменитый Клемансо сдѣлалъ слѣдующее оffициальное заявленіе въ парламентѣ:

Въ мирный договоръ не включено для Франціи обязательство имѣть какъ можно больше дѣтей, а между тѣмъ оно должно бы стоять тамъ на первомъ мѣстѣ.

Если Франція откажется отъ многочадія, то напрасно вы будете включать въ договоръ самые мудрые параграфы, напрасно будете отнимать всѣ пушки у Германіи,—Франція, все таки погибнетъ, потому что не будетъ больше французовъ.

— Итакъ — фактъ на лицо, у французовъ, именно *у французовъ* — нѣтъ дѣтей.

Справедлива, значитъ, пословица, что сапожникъ всегда ходитъ безъ сапогъ.

Какъ же устранить это ужасное зло — бездѣтность — зло, грозящее гибелью, вымираніемъ цѣлой нації?

Хотя я и занимаю въ журнальномъ мірѣ мѣсто премьера, однако — дѣлать нечего — вопросъ слишкомъ серьезенъ — взялъ я скромную репортерскую записную книжку, остро отточенный қарандашъ и отправился, какъ самый простой репортеръ, кое-кого проинтервьюировать.

I. У ИВАНА КАПИТОНЫЧА ТРЕПАКИНА.

— Да! Да! — сказалъ мнѣ при первомъ моемъ вопросѣ почтенный негоціантъ.— Читалъ я тоже, читалъ и ужасался!

— Скажите, какія бы вы предложили мѣры для устраненія этого зла?

— Да вѣдь вы знаете, что такое французъ? Это жъ прямо таки удивительный человѣкъ. Ему бы все только — тру-ля-ля! Какъ только вечеръ, онъ сейчасъ же надѣваетъ цилиндръ и бѣжитъ въ Елисейскія Поля плясать съ гризетками канканъ. А я бы такъ

сдѣлалъ: Елисейскія Поля—закрыть! Карусельскую площадь—закрыть! Не время теперь на каруселяхъ раскатываться. И Грандъ-Опера закрылъ бы. Сиди дома съ женой — вотъ тебѣ и вся Опера. И чтобы въ 9 часовъ вечера на улицахъ всякое движенье прекращать. Какъ вышелъ на улицу — сейчасъ же полисмэнъ за шиворотъ—цапъ! «Куда? Пошелъ домой!» Вѣдь я, голубчикъ мой, француза во какъ знаю; отнимите у него тру-ля-ля, отнимите Карусельскую площадь, канканы-шантаны—да вѣдь онъ вѣрнѣйшимъ мужемъ сдѣлается! Вѣдь у него тогда, батенька, другого и дѣла не будетъ, какъ дома около жены сидѣть да дѣтокъ рожать. Онъ-то,—французъ,—тогда на Мопасана и смотрѣть не захочетъ. Такъ и запишите.

Такъ и записываю.

II. СОСѢДЪ ПО СКАМЕЙКѢ НА БУЛЬ- ВАРѢ.

Я спросилъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

— Такъ, кое-что покупаю, продаю.

— А раньше?

— Правду вамъ сказать—дѣло прошлое

— при жандармской охранкѣ въ провокаторахъ служилъ.

— Гм... да. Но, все таки, вы, можетъ быть, скажете—какимъ бы способомъ увеличить во Франціи дѣтерожденіе?

— Какимъ способомъ? Ясный способъ.

— Именно?

— Скажемъ, живетъ въ предмѣстіи Сентъ-Оноре молодой человѣкъ Жанъ. И въ томъ же предмѣстіи проживаетъ также дѣвица Луиза. Что же дѣлаю я? Иду къ этой самой Луизѣ и говорю: «Ахъ, мадмуазель Луиза... Вы ранили стрѣлой Амура сердце одного моего друга». Вы же сами понимаете, что за любопытная публика — дѣвшушки. Сейчасъ же: «Ахъ, ахъ, кто такой?» — «А

вотъ этотъ самый Жанъ, живущій въ пред-
мѣстіи Сентъ-Оноре». И вотъ уже затравка
сдѣлана. Тутъ я иду къ Жану и говорю ему:
«Бонжуръ, монъ ами Жанъ» — «Бонжуръ» —
отвѣчаетъ Жанъ. Подмигну я ему этакъ,
ткну пальцемъ въ бокъ — французы это лю-
бятъ — и скажу: «Бонжуръ-то бонжуръ, а за-
чѣмъ вы сердце одной барышни разбили —
вотъ вы мнѣ на какой вопросъ отвѣтьте!?».
Сейчасъ же — гдѣ, да что, да познакомьтѣ,
ну, тамъ и пошло!

— Виновать, — это вы говорите о бра-
кѣ, а меня интересуетъ вопросъ о дѣтяхъ.
Вонъ мнѣ одинъ свѣдущій человѣкъ разска-
зывалъ, что, какъ только вечеръ — французы
надѣваетъ цилиндръ и бѣжитъ въ Елисей-
скія поля плясать канканъ.

Собесѣдникъ торжествующе разсмѣялся.

— Побѣжитъ? У меня не побѣжитъ.
Пусть-ка попробуетъ. Я его тутъ же на ули-
цѣ у самаго дома встрѣчу: «Куда, монъ ами
Жанъ?» — «Иду съ кокотками канканъ пля-
сать». — «Ага! А я къ вамъ иду посидѣть.
Ну, да вы отправляйтесь, а я ужъ посижу-

съ вашей женой, чтобъ ей скучно не было. Ахъ, какой вы, монъ шеръ, счастливый человѣкъ, что у васъ такая жена! Что за грудь, что за плечи. А ножки! Воображаю также, какъ она цѣлуется!.. Такъ вѣдь онъ послѣ этихъ моихъ словъ, какъ соленый заяцъ, обратно домой побѣжитъ!! И ужъ можете себѣ представить, что не онъ въ Елисейскихъ Поляхъ, а я у него черезъ годъ на крестинахъ канканъ плясать буду!

III. У ПОЧТОВАГО ЧИНОВНИКА ПОЧЕЧУЕВА.

Когда я пришелъ къ нему и задалъ ему первый вопросъ—онъ долго не могъ понять, чего я отъ него хочу.

Понявъ, наконецъ, просіялъ.

— Что сдѣлать, чтобы у французовъ были дѣти? Очень просто! нужно ввести покровительственную, мажоритарную систему!..

— То есть?

— А вотъ такъ: скажемъ у человѣка одинъ ребенокъ. Даётся ему на рукавъ пиджака одна нашивка, въ родѣ, знаете, какъ

у солдата, получившаго на войнѣ одно раненіе. И по этой нашивкѣ — ему всюду дѣлается скидка 10%. Пришелъ въ лавку — вещь, стоящая 10 франковъ, отдается за 9, пришелъ въ театръ, сѣлъ въ трамвай — со всего дѣлается скидка 10%. Два ребенка — двѣ нашивки — уже 20% скидки, три ребенка, три нашивки и такъ далѣе. А если ты такой умный, что имѣешь 10 ребятъ — пожалуйста! Все тебѣ бесплатно: ъшь — не хочу, пей — не хочу! Гуляй по театраламъ — не хочу! Квартира даромъ, столъ даромъ...

— Ну, а представьте себѣ такой случай, что у человѣка 12 человѣкъ дѣтей. Что-жъ, по вашему государство еще ему должно доплачивать за все 20%?

— Н...ну, нѣтъ — это зачѣмъ же. Медаль просто можно выдать какую нибудь.

— А бездѣтные, а холостые, значитъ, никакими льготами не пользуются?

— Имъ? Льготы? я бы съ этими подлецами безъ всякой пощады!! Вошелъ въ трамвай господинъ съ нашивками — выкидайся человѣкъ безъ нашивокъ со своего мѣста!

Пришелъ господинъ съ нашивками въ какое нибудь учреждение просить службы—сейчасъ служащаго человѣка безъ нашивокъ къ черту, а на его мѣсто — пожалуйте! Вотъ бы что я провелъ—сейчасъ же! Я бы имъ дыхнуть не далъ!

Маленькая дѣвочка вѣжала въ комнату и сказала:

— Папа, Гриша лѣзъ на столъ, а Маня дернула его за ногу, онъ и упалъ прямо Бобику на голову, а Котька, не разобравъ въ чемъ дѣло, сталъ бить меня и Лиличку. А мы даже ничего и не дѣлали, мы нянѣчили Мусю..

— А чего же смотрятъ старшіе? Гдѣ Володя? Гдѣ Коля?

— Коля съ Володей въ кинематографѣ ушли, а Соня книжку читаетъ.

— Кто это такіе?—удивленно спросилъ я —этотъ вотъ Коля, Володя, Соня?

— Мои все. Десятокъ сорванцевъ. Подумайте, будь я во Франціи... Все бы получалъ бесплатно.

IV. РАЗГОВОРЪ СЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВОЧКОЙ.

Спускаясь съ лѣстницы, я встрѣтилъ маленькую дѣвочку, очевидно, тоже представительницу рода Почечуевыхъ.

— Слушай, дѣтка,—спросилъ я—у французовъ нѣтъ дѣтей, какъ намъ сдѣлать, чтобы у нихъ были дѣтки?

Положивъ палецъ на нижнюю губу, она призадумалась.

— А у нихъ папы и мамы есть?

— Да, пожалуй, это бы еще можно было найти.

— Ну вотъ. Такъ тогдѣ же легко!

— Именно?

— Вотъ ты видишь, какъ это дѣлается, давай сядемъ тутъ на ступенечку.

— Сядемъ. Ну?

— Сначала папа долженъ хвататься за голову и кричать: „Еще одинъ? Этому конца не будетъ!“. Потомъ приходитъ такая женщина съ такимъ мѣшочкомъ, потомъ тѣхъ дѣтей, которые уже есть, посылаютъ къ

тетъ, а потомъ такъ и появляется новое дите. Лежитъ красненькое и кричитъ, какъ шумашедшее.

Опубликовываю это мнѣніе, хотя и не особенно цѣнное, но все таки высказанное лицомъ, имѣющимъ отношеніе къльному вопросу.

V. РАЗГОВОРЪ СЪ САМИМЪ СОБОЙ.

Напослѣдокъ меня заинтересовало мое собственное мнѣніе: что я скажу по данному вопросу?.. Все-таки человѣкъ, въ своей жизни кое что видѣвшій, наблюдавшій и даже испытавшій

— Что вы скажете, Аркадій Тимофеевичъ; по этому вопросу,—спросилъ я, уютно усаживаясь въ кресло.

— Что я скажу? скажу одно: все спасеніе Франціи въ подъемѣ патріотизма. Нѣть большихъ патріотовъ, чѣмъ французы, и патріотизмъ,—ихъ прибѣжище и сила.

Предположите вы такой разговоръ на балу:

— Мадамъ, позвольте представиться:
Шарль Дюранть. Можно васъ пригласить на
вальсы?

— Нѣтъ, спасибо, я ужъ домой соби-
раюсь.

— Домой? Такъ рано? Что же васъ дѣ-
ти ждутъ?

— Нѣтъ, у меня дѣтей нѣтъ. Мужъ
дома.

— *Нѣтъ дѣтей?* А мужъ есть?

— Есть.

— Гм... Странно. Разрѣшите мнѣ что-то
шепнуть вамъ на ушко. (Шепчетъ).

— Вы съума сошли, милостивый госу-
дарь! Какъ вы смеете?!

— Мадамъ! Но вѣдь Клемансо категори-
чески заявилъ...

— Да, но при чемъ я тутъ?..

— Мадамъ! Вы француженка! Неужели
вы допустите, чтобы черезъ 20 лѣтъ эти
грязные канальи боши снова ворвались въ
нашу прекрасную Францію и... чтобы... мы
не смогли отразить ихъ достаточными си-
лами!..

- А вдругъ... его убьютъ?..
- Мадамъ! Смерть за родину—прекрасная смерть. Мать должна гордиться такимъ сыномъ!
- Но вѣдь меня мужъ ждетъ...
- Мадамъ! Пусть тысяча мужей ждетъ васъ — Франція ждать не можетъ. Швейцаръ! Манто этой дамы...
- Послушайте, но вѣдь уже поздно...
- Мадамъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Извозчикъ! Кѣбъ, фіакръ, чортъ тебя подери—скорѣе...
- Господи... Но, вѣдь, я боюсь, вы меня перестанете уважать...
- Мадамъ! Что я?!. сейчасъ нація, вся Франція любуется вами и уважаетъ васъ... Ну, возись тамъ съ кнутомъ, каналья!.. Пошелъ!..
- Да. Великое, огромное, чудесное чувство —патріотизмъ!

Подъ столомъ

Пасхальный рассказ

Дѣти, въ общемъ, выше и чище нась. Крохотная исторія съ еще болѣе крохотнымъ Димкой наглядно, я надѣюсь, подтвердить это.

Какая нелегкая понесла этого мальчишку подъ пасхальный столъ — неизвѣстно, но фактъ остается фактомъ: въ то время, какъ взрослые безтолково и безалаберно усаживались за обильно уставленный пасхальными яствами и питіями столъ — Димка, искуссно лавируя между цѣлымъ лѣсомъ огромныхъ для его роста колоннообразныхъ ногъ, гзялъ да нырнулъ подъ столъ, вмѣстѣ съ верблюdomъ, половинкой деревяннаго яйца и замусленнымъ краемъ сдобной бабы...

Разложилъ свои припасы, приладилъ сбоку угрюмаго необщительного верблюда и погрузился въ наблюденія...

Подъ столомъ -- хорошо. Прохладно. Отъ свѣже вымытаго пола, еще не зашарканнаго ногами, вѣтъ пріятной влагой.

А ногъ сколько! Димка началъ считать, досчиталъ до пяти и сбился. Нелегкая задача!

Теткины ноги сразу замѣтны: онѣ въ огромныхъ мягкихъ ковровыхъ туфляхъ — отъ ревматизма, что ли. Димка поцарапалъ ногтемъ крошечнаго пальчика ковровый цвѣтокъ на туфлѣ... Нога шевельнулась, Димка испуганно отдернулъ палецъ.

Лѣниво погрызъ край потеплѣвшей отъ руки сдѣбной бабы, далъ подкрѣпиться и верблюду, и вдругъ — вниманіе его приковали очень странныя эволюціи лаковой мужской туфли съ бѣлымъ замшевымъ верхомъ.

Нога, обутая въ эту элегантную штуку, сначала стояла спокойно, потомъ вдругъ дрогнула и поползла впередъ, изрѣдка настороженно поднимая носокъ, какъ

змѣя, которая поднимаетъ голову и озира-
ется, ища въ ксторой сторонѣ добыча...

Димка поглядѣлъ налѣво и сразу уви-
дѣлъ, что цѣлью этихъ змѣиныхъ эволюцій
были двѣ маленкихъ ножки, очень красиво
обутыя въ туфельки темно-небеснаго цвѣта
съ серебромъ.

Скрещенные ножки спокойно вытянулись
и, ничего не подозрѣвая, мирно постукивали
каблучками... Край темной юбки поднялся,
обнаруживъ восхитительную полную подъ-
емистую ножку въ темно-голубомъ чулкѣ, а
у самаго круглаго колѣна нескромно вид-
нѣлся кончикъ пышной подвязки — черной
съ золотомъ.

Но всѣ эти замѣчательныя — съ точки зрѣ-
нія другого, понимающаго человѣка — вещи
совершенно не интересовали безхитростнаго
Димку.

Наоборотъ, взглядъ его былъ всецѣло
прикованъ къ таинственнымъ и полнымъ жу-
ти зигзагамъ туфли съ замшевымъ верхомъ.

Это животное, скрипя и извиваясь дополн-

зло, наконецъ, до кончика голубой ножки клюнуло носомъ и испуганно отодвинулось въ сторону съ явнымъ страхомъ: не дадутъ ли за это по шеѣ?

Голубая ножка, почувствовавъ прикосновеніе, нервно, сердито затрепетала и чуть-чуть отодвинулась назадъ.

Развязный ботинокъ, повель нахально носомъ и снова рѣшительно поползъ впередъ.

Димка отнюдь не считалъ себя цензоромъ нравовъ, но ему просто, бозотносительно, нравилась голубая туфелька, такъ прекрасно вышитая серебромъ; любуясь туфелькой, онъ не могъ допустить, чтобы ее запачкали или ободрали шитье.

Поэтому, Димка пустилъ въ ходъ такую стратагему: подсунулъ, вмѣсто голубенькой ножки, морду своего верблюда и энергично толкнулъ ею предпріимчивый ботинокъ.

Надо было видѣть разнузданную радость этого безпринципнаго щеголя! Онъ заерзалъ, заюлилъ около безропотнаго верблюда, какъ коршунъ надъ падалью. Онъ кликнулъ на

помощь своего коллегу, спокойно дремавшаго подъ стуломъ, и они оба стали такъ жать и тискать невозмутимое животное, что будь на его мѣстѣ — полненькая голубая ножка — не сдобровать бы ей.

Опасаясь за цѣлость своего вѣрнаго друга, Димка выдернулъ его изъ цѣпкихъ объятій и отложилъ подальше, а такъ какъ верблюжья шея оказалась, все таки, помятой — пришлось, ввидѣ возмездія, плюнуть на носокъ предпріимчиваго ботинка.

Этотъ развратный щеголь еще поюлилъ немнога и уползъ, наконецъ, во свояси, несолено хлѣбавши.

Съ лѣвой стороны кто-то подсунулъ руку подъ скатерть и тайкомъ выплеснулъ рюмку на полъ.

Димка легъ на животъ, подползъ къ лужицѣ и попробовалъ: — сладковато, но и крѣпко достаточно. Далъ попробовать и верблюду. Объяснилъ ему на ухо:

—Уже тамъ напились, наверху. Ужъ внизъ выливаютъ — понялъ?

Дѣйствительно, наверху все уже приходило къ концу. Стулья задвигались, и подъ столомъ немного посвѣтлѣло: Сначала уплыли неуклюжія ковровыя ноги тетки, по-тому дрогнули и стали на каблучки голубая ножки. За глубыми ножками дернулись, будто соединенныя невидимой веревкой, лакированныя туфли, а тамъ застучали, загомозились американскія, желтые — всякия.

Димка доѣлъ совсѣмъ размокшую сдѣбь, попилъ еще изъ лужицы и принялъся укачивать верблюда, прислушиваясь къ разговорамъ.

—Если устали, — слышалъ онъ голосъ матери, — такъ прилягте тутъ на диванъ— никто беспокоить не будетъ. Мы переходимъ въ гостинную.

— Да какъ-то... этого. Неловкъ.

— Чего тамъ неловко—ловко.

— Ей Богу, какъ-то не тово...

— Чего тамъ—не того. Дѣло праздничное.

— Я говорилъ—не надо было мѣшать мадеру съ пивомъ...

--- Пустое. Поспите и ничего. Я вамъ сей-
часъ съ Глашой подушку пришлю.

Топотъ многочисленныхъ ногъ затихъ,
Потомъ послышалось цоканье быстрыхъ каб-
лучковъ и разговоръ:

--- Вотъ вамъ подушка, барыня прислала.

— Ну, давай ее сюда.

— Такъ вотъ-же она. Я положила.

— Нѣть, ты подойди сюда, Къ дивану.

— Зачѣмъ же къ дивану?

— Я хочу христ... сс...соваться!

— Уже христосовались. Такъ нахристо-
совались, что стоять не можете.

Неописуемое удивленіе послышалось въ
убѣжденномъ голосѣ гостя:

--- Я? Не могу стоять? Чтобы у тебя отецъ
на томъ свѣтѣ такъ не стоялъ, какъ... Ну,
вотъ смот...три!..

--- Пустите, что вы дѣлаете?! Войдутъ!

Судя по тону Глаши, она была недоволь-
на тѣмъ, что происходило. Димкѣ пришло въ
голову, что самое лучшее—пугнуть хорошенъ-
ко предпріимчиваго гостя.

Онъ схватилъ верблюда и брякнуль его
объ полъ.

— Видите?!—взвизгнула Глаша и умчалась, какъ вихрь.

Укладываясь, гость ворчалъ:

— Ай, и дура-же! Всъ женщины, по моему, дуры. Такую дрянь всюду развели... Напудрить носъ и думаетъ, что она королева Неаполитанская... Ей Богу, право!.. Взять бы хлыстъ хорошій да такъ попудрить... Тря согузки!

Димкѣ сдѣлалось страшно; уже стало темнѣть, а тутъ кто-то бормочетъ подъ носъ непонятное... Лучше ужъ уйти.

Не успѣлъ онъ подумать этого, какъ гость, пошатываясь, подошелъ къ столу и сказалъ, будто совѣтуясь самъ съ собой:

— Нешто коньяку бутылочку спулить въ карманъ? И коробка сардинъ цѣлая. Я думаю это дурачье и не замѣтить.

Что-то коснулось его ноги. Онъ выронилъ сардины, испуганно отскочилъ къ дивану и, повалившись на него, съ ужасомъ уви-

дѣль, что изъ подъ стола что-то ползетъ.
Разглядѣвъ, успокоился:

— Тю! Мальчикъ. Откуда ты, мальчикъ?

— Съ подъ стола.

— А чего ты тамъ не видалъ?

— Такъ, сидѣлъ. Отдыхалъ.

И тутъ же, вспомнивъ правила общежитія и праздничныя традиціи, Дима вѣжливо замѣтилъ:

— Христосъ Воскресе.

— Еще чего! Шелъ бы спать лучше.

Замѣтивъ, что его привѣтствіе не имѣло никакого успѣха, Дима, для смягченія, пустилъ въ ходъ нейтральную фразу, слышанную еще утромъ:

— Я съ мужчинами не христосуюсь.

— Ахъ, какъ ты ихъ этимъ огорчилъ!

Сейчасъ пойдутъ и утопятся.

Разговоръ явно — не налаживался:

— Гдѣ были у заутрени? — уныло спросилъ Дима.

— А тебѣ какое дѣло?

Самое лучшее для Димы было бы уйти въ дѣтскую но... между столовой и дѣтской

были двѣ неосвѣщенныхъ комнаты, гдѣ вся-
кая нечисть могла схватить за руку. Прихо-
дилось оставаться около этого тяжелаго че-
ловѣка и поневолѣ поддерживать съ нимъ
разговоръ:

— А у насъ пасхи сегодня хорошія.

— И нацѣпи ихъ себѣ на носъ.

— Я не боюсь пойти черезъ комнаты,
только тамъ темно.

— А я тоже вотъ одному мальчишкѣ взялъ
да и голову отрѣзалъ.

— Онъ былъ плохой?—холодѣя отъ ужаса,
спросилъ Димка.

— Такая же дрянь, какъ и ты,—проши-
пѣль гость, съ вождѣніемъ оглядывая об-
любованную на столѣ бутылку.

Гдѣ-то вдали послышался голосъ мамы.

-- Да... такой же былъ, какъ и ты...
Хорошенькій такой, прямо дуся, такая, право,
малая козявочка...

Голосъ мамы удалился и затихъ.

— Такая козявка, что я бы ее каблукомъ
—хрясь!.. Въ лепешку дрянь такую. Пошелъ

вонъ! Иди! Или тутъ изъ тебя и духъ вонъ!

Дима проглотилъ слезы и опять крѣтко спросилъ, озираясь на темную дверь:

— А у васъ пасхи хорошенъкія?

— Чихать мнѣ на пасхи,— я мальчишечъ ъмъ, такихъ, какъ ты. Дай-ка свою лапу, я отгрызу...

И вдругъ—голосъ мамы, совсѣмъ близко:

— А куда это маминъ сынъ задѣвался?

— Мама!!—взвизгнуль Димка и зарылся въ шуршащую юбку.

— А мы тутъ, съ вашимъ сынкомъ разговарились. Очаровательный мальчикъ! такой бойкенъкій.

— Онъ вамъ не мѣшалъ спать? Разрѣшите, я только уберу все со стола, а тамъ спите, сколько хотите.

— Да зачѣмъ же убирать?..

— А къ вечеру опять накроемъ.

Гость уныло опустился на диванъ и вздохнулъ, шепнувъ самому себѣ подъ носъ:

— Будь ты проклятъ, анафемскій мальчишка! Изъ подъ самаго носа увелъ бутылку.

Три жолудя.

I.

Нѣтъ ничего безкорыстнѣе дѣтской дружбы... Если прослѣдить начalo ея, ея истоки, то въ большинствѣ случаевъ наткнешься на самую внѣшнюю, до смѣшного пустую причину ея возникновенія: или родители ваши были «знакомы домами» и таскали васъ, маленькихъ, другъ къ другу въ гости, или нѣжная дружба между двумя крохотными человѣчками возникла просто потому, что жили они на одной улицѣ или учились оба въ одной школѣ, сидѣли на одной сакмейкѣ — и первый же раздѣленный братски пополамъ и съѣденный кусокъ колбасы съ хлѣбомъ посѣяль въ юныхъ сердцахъ сѣмена самой нѣжнѣйшей дружбы.

Фундаментомъ нашей дружбы — Мотька. Шаша и я—послужили вѣ три обстоятельства: мы жили на одной улицѣ, родители наши были «знакомы домами» (или, какъ говорятъ на югѣ—знакомы домамы); и вѣ троє вкусили горькіе корни ученія въ начальной школѣ Марыи Антоновны, сидя рядомъ на длинной скамейкѣ, какъ желуди на одной дубовой вѣткѣ.

У философовъ и у дѣтей есть одна благородная черта— они не придаютъ значенія никакимъ различіямъ между людьми—ни соціальнымъ, ни умственнымъ, ни внѣшнимъ. У моего отца была галантерейная лавка (ари стократія), Шашинъ отецъ работалъ въ порту (плебсъ, разночинство), а Мотькина мать просто существовала на проценты съ грошеваго капитала (рантье, буржуазія). Умственно Шаша стоялъ гораздо выше нась съ Мотькой, а физически Мотька почитался среди нась—веснущатыхъ и худосочныхъ—красавцемъ. Ничему этому мы не придавали значенія... Братски воровали незрѣлые ар-

бұзы на баштанахъ, братски ихъ пожирали и братски же катались потомъ по землѣ отъ нестерпимой желудочной боли.

Купались втроемъ, избивали мальчишекъ съ соседней улицы втроемъ и насы били тоже всѣхъ трехъ—единосущнои нераздѣльно.

Если въ одномъ изъ трехъ нашихъ семействъ пеклись пироги,—ѣли всѣ трое, потому что каждый изъ насы почиталъ святой обязанностью съ опасностью для собственаго фасада и тыла воровать горячіе пироги для всей компаніи.

У Шашина отца—рыжебородаго пьяница—была—прескверная манера лупить своего отпрѣска, гдѣ бы онъ его ни настигалъ, такъ какъ около него всегда маячили и мы, то этотъ прямолинейный демократъ билъ и насы на совершенно равныхъ основаніяхъ.

Намъ и въ голову не приходило роптать на это, и отводили мы душу только тогда, когда Шашинъ отецъ брелъ обѣдать, проходя подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, а мы трое стояли на мосту и, свѣсивъ головы внизъ, заунывно тянули:

Рыжий красный
Человекъ опасный...
Я иа солнышкъ лежалъ...
Кверху бореду держалъ...

— Сволочи! — грозилъ снизу кулакомъ
Шашинъ отецъ.

— А ну иди сюда, иди, — грозно говорилъ
Мотька. — Сколько васъ нужно наодну руку?

И если рыжий гигантъ взбирался по лѣвой сторонѣ насыпи, мы, какъ воробыи, вспархивали и мчались на правую сторону — и наоборотъ. Что тамъ говорить — дѣло было безпроигрышное.

Такъ счастливо и безмятежно жили мы росли и развивались до шестнадцати лѣтъ.

А въ шестнадцать лѣтъ дружно, взявшись за руки, подошли мы къ краю воронки, называемой жизнью, опасливо заглянули туда, какъ щепки попали въ водоворотъ, и водоворотъ закружилъ насъ.

Шаша поступилъ наборщикомъ въ типографію «Электрическое Усердіе», Мотю мать отправила въ Харьковъ въ какую то хлѣбную контору, а я остался непристроеннымъ, хотя

Отецъ и мечталъ „опредѣлить меня на умственныя занятія“ — что это за штука, я и до сихъ поръ не знаю. Признаться, отъ этого сильно пахло писцомъ въ мѣщанской управѣ но, къ моему счастью, не оказывалось вакансій въ означенномъ мрачномъ и скучномъ учрежденіи...

Съ Шашей мы встрѣчались ежедневно, а гдѣ былъ Мотька и что съ нимъ — объ этомъ ходили только туманные слухи, сущность которыхъ сводилась къ тому, что онъ „удачно опредѣлился на занятія“ и что сдѣлался онъ такимъ франтомъ, что не подступись.

Мотька постепенно сдѣлался объектомъ нашей товарищеской гордости и лишенныхъ зависти мечтаній возвыситься современемъ до него, Мотьки.

И вдругъ получилось свѣдѣніе, что Мотька долженъ прибыть въ началѣ апрѣля изъ Харькова „въ отпускъ съ сохраненіемъ содержанія“. На послѣднее усиленно напирала Мотькина мать, и въ этомъ сохраненія ви-

дѣла бѣдная женщина самый пышный лавръ въ побѣдномъ вѣнкѣ звоевателя міра Мотьки.

II.

Въ этотъ день не успѣли закрыть „Электрическое Усердіе“, какъ ко мнѣ ворвался Шаша и, сверкая глазами, свѣтясь отъ восторга, какъ свѣчка, сообщилъ, что уже видѣли Мотьку ѣдущимъ съ вокзала и что на головѣ у него настоящій цилиндръ!..

— Такой, говорятъ, франтъ,—горделиво закончилъ Шаша,—такой франтъ, что пусти — вырвусь.

Эта неопределѣленная характеристика франтовства разожгла меня такъ, что я бросилъ лавку на приказчика, схватилъ фуражку—и мы помчались къ дому блестящаго друга нашего.

Мать его встрѣтила насъ нѣсколько важно, даже съ примѣсью надменности, но мы впопыхахъ не замѣтили этого и, тяжело дыша, первымъ долгомъ потребовали Мотю,... Отвѣтъ былъ самый аристократическій:

—Мотя не принимаетъ.

—Какъ не принимаетъ?—удивились мы,—Чего не принимаетъ?

— Васъ принять не можетъ. Онъ сейчасъ очень усталъ. Онъ сообщитъ вамъ, когда сможетъ принять.

Всякой шикарности, всякой респектабельности должны быть границы. Это уже переходило даже тѣ широчайшія границы, которые мы себѣ начертіли.

— Можетъ быть, онъ нездоровъ?.. — попытался смягчить ударъ деликатный Шаша.

— Здоровъ-то онъ здоровъ... Только у него, онъ говорить, нервы не въ порядкѣ... У нихъ въ конторѣ передъ праздниками было много работы... Вѣдь онъ теперь уже помощникъ старшаго конторщика. Очень на хорошей ногѣ.

Нога, можетъ быть, была и подлинно хороша, но нась она, признаться, совсѣмъ придавила: „нервы, не принимаетъ“...

Возвращались мы, конечно, молча. О шикарномъ другѣ впредь до выясненія, не

хотѣлось говорить. И чувствовали мы себя такими забитыми, такими униженно-жалкими провинціальными, что хотѣлось и расплакаться и умереть или, въ крайнемъ случаѣ, найти на улицѣ сто тысячъ, которыя дали бы и намъ шикарную возможность носить цилиндръ, и „не принимать“—совсѣмъ, какъ въ романахъ.

—Ты куда?—спросилъ Шаша.

—Въ лавку. Скоро здѣшніе надо. (Боже, какая проза!)

—А ты?

—А я домой... Выпью чаю, поиграю на мандолинѣ и завалюсь спать.

Проза не меньшая! Хе хе.

III

На другое утро—было солнечное воскресенье—Мотькина мать занѣсла мнѣ записку; «Будьте съ Шашей въ городскомъ саду къ 12 часамъ. Намъ надо немного объясниться и пересмотрѣть наши отношенія. Уважаемый вами Матвѣй Смѣлковъ».

Я надѣль новый пиджакъ, вышитую крестиками бѣлую рубашку, зашелъ за Шашей и— побрели мы со стѣсненными сердцами на это дружеское свиданіе, котораго мы такъ жаждали и котораго такъ инстинктивно, панически боялись.

Пришли, конечно, первые. Долго сидѣли съ опущенными головами, руки въ карманахъ. Даже въ голову не пришло обидѣться, что великолѣпный другъ нашъ заставляетъ ждать такъ долго.

Ахъ! Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ... На насъ надвигалось что то сверкающее, бряцающее многочисленными брелоками и скрипящее лакомъ желтыхъ ботинокъ съ перламутровыми пуговицами.

Пришелецъ изъ невѣдомаго міра графовъ, золотой молодежи, каретъ и дворцовъ— онъ былъ одѣтъ въ коричневый жакетъ, бѣлый жилетъ, какіе-то сиреневыя брючки, а голова увѣнчивалась сверкающимъ на солнцѣ цилиндромъ, который если и былъ

маль, то размѣры его уравновѣшивались огромнымъ галстукомъ съ такимъ же огромнымъ брилліантомъ...

Палка съ лошадиной головой обременяла правую аристократическую руку. Лѣвая рука была обтянута перчаткой, цвѣта освѣженного быка. Другая перчатка высовывалась изъ вѣшняго кармана жакета такъ, будто грозила намъ своимъ вялымъ указательнымъ пальцемъ: «Вотъ я васъ!... Отнеситесь только безъ должнаго уваженія къ моему носителю».

Когда Мотя приблизился къ намъ развинченной походкой пресыщенаго денди, добродушный Шаша вскочилъ и, не могши сдержать порыва, простеръ руки къ сіятельному другу:

—Мотька! Вотъ, братъ, здорово!...

—Здравствуйте, здравствуйте, господа,—солидно кивнуль головой Мотька и, пожавъ наши руки, опустился на скамейку...

Мы оба стояли.

—Очень радъ видѣть васъ... Родители

здравы? Ну, слава Богу, пріятно, я очень радъ.

—Послушай, Мотька... — началь я съ робкимъ восторгомъ въ глазахъ.

—Прежде всего, дорогіе друзья, — внушиительно и вѣско сказалъ Мотька, — мы уже взрослые и, поэтому, «Мотьку» я считаю опредѣленнымъ „кель выражансомъ“.. Хехе... Не правда ли? Я уже теперь Матвѣй Семенычъ — такъ меня и на службѣ зовутъ, а самъ бухгалтеръ за ручку здоровкается. Жизнь солидная, оборотъ предпріятія два миллиона. Отдѣленіе есть даже въ Кокандѣ... Всобще, мнѣ бы хотѣлось пересмотрѣть въ корнѣ наши отношенія.

—Пожалуйста, пожалуйста, — пробормоталъ Шаша. Стоялъ онъ, согнувшись, будто свалившимся невидимымъ бревномъ ему переломило спину...

Передъ тѣмъ, какъ положить голову на плаху, я малодушно попытался отодвинуть этотъ моментъ.

—Теперь опять стали носить цилиндры? — спросилъ я съ видомъ человѣка, котораго

научные занятия изрѣдка отвлекаютъ отъ капризовъ измѣнчивой моды.

—Да, носять;—снисходительно отвѣтилъ Матвѣй Семенычъ.—Двѣнадцать рублей.

—Славные брелочки. Подарки?

—Это еще не всѣ. Часть дома. Всѣ на кольцѣ не помѣщаются. Часы на камняхъ, анкеръ, заводъ безъ ключа. Вообще, въ большомъ городѣ жизнь — хлопотливая вещь. Воротнички „Монополь“ только на три дня хватаются, маникюръ, пикники разные.

Я чувствовалъ, что Матвѣю Семенычу тоже не по себѣ...

Но, наконецъ, онъ рѣшился. Тряхнувъ головой такъ, что цилиндръ вспрыгнулъ на макушку, и началъ:

—Вотъ что, господа... Мы съ вами уже не маленькие и вообще... дѣтство это одно, а когда молодые люди, такъ совсѣмъ другое. Другой, напримѣръ, до какого-нибудь тамъ высшаго общества, до интеллигенти дошелъ, а другіе есть изъ низшихъ кл...

совъ, и если бы вы, скажемъ, увидѣли въ одной каретѣ графа Кочубея рядомъ съ нашей Миронихой, которая, помните, на углу маковники продавала, такъ вы бы первые смѣялись до безумія. Я, конечно, не Кочубей, но у меня есть извѣстное положеніе, ну, конечно, и у васъ есть извѣстное положеніе, но не такое, а что мы были маленькими вмѣстѣ, такъ это мало ли что... Вы сами понимаете, что мы уже другъ другу не пара... и... тутъ, конечно, обижаться нечего—одинъ достигъ, другой не достигъ... Гм!... Но, впрочемъ, если хотите, мы будемъ изрѣдка встрѣчаться около желѣзнодорожной будки, когда я буду дѣлать прогулку—все равно, тамъ публики нѣтъ, и мы будемъ, какъ свои. Но, конечно, безъ особенной фамильярности — я этого не люблю. Я, конечно, вхожу въ ваше положеніе — вы меня любите, вамъ даже, можетъ быть, обидно и повѣрьте... Я со своей стороны... если мѣгу быть чѣмъ- нибудь полезенъ... Гм! Душевно радъ.

Въ этомъ мѣстѣ Матвѣй Семенычъ взглянуль на свои часы нового золота [и заторопился:

—О, ля-ля! Какъ я заболтался... Семья помѣщика Гузикова ждеть меня на пикникъ, и, если я запоздаю, это будетъ нонсенсъ. Желаю здравствовать! Желаю здравствовать! Привѣтъ родителямъ!...

И онъ ушелъ, сверкающій и даже нѣ-немного гнущійся подъ бременемъ респекtabельности, усталый отъ повседневнаго вихря свѣтской жизни.

IV.

Въ этотъ день мы съ Шашей, заброшенные, будничные, лежа на молодой травѣ желѣзнодорожной насыпи, въ первый разъ пили водку и въ послѣдній разъ пла-кали.

Водку мы пьемъ и теперь, но уже боль-ше не плачемъ. Это были послѣднія слезы дѣтства. Теперь —засуха.

И чего мы плакали? Что хоронили? Мотька былъ напыщенный дуракъ, жалкій третьестепенный лисецъ въ конторѣ, одѣ-

тый, какъ попугай, въ жакетъ съ чужого плеча; въ крохотномъ цилиндрѣ на макушкѣ, въ сиреневыхъ брюкахъ, обвязанный мѣдными брелоками—онъ теперь кажется мнѣ смѣхоторнымъ и ничтожнымъ, какъ червякъ безъ сердца и мозга — почему же мы тогда такъ убивались, потерявъ Мотьку?

А вѣдь— вспомнишь — какъ мы были одинаковы,— какъ три жолудя на дубовой вѣткѣ, — когда сидѣли на одной скамейкѣ у Марыи Антоновны...

Увы! Жолуди-то одинаковы, но когда вырастутъ изъ нихъ молодые дубки — изъ одного дубка дѣляются кафедру для ученаго, другой идетъ на рамку для портрета любимой дѣвушки, а изъ третьяго дубка смастерьятъ такую висѣлицу, что любо-дорого...

— — —

Душистая гвоздика.

1.

Иду по грязной слякотной, покрытой разнымъ соромъ и дрянью улицѣ, иду злой, бѣшнныи, какъ цѣпная собака. Сумасшедшій петербургскій вѣтеръ срываетъ шляпу, приходится придерживать ее рукой. Рука затекаетъ и стынетъ отъ вѣтра; я дѣлаюсь еще злѣе! За воротникъ попадають тучи мелкихъ гнилыхъ капель дождя, чтобъ ихъ чортъ побралъ!

Ноги тонутъ въ лужахъ, образовавшихся въ выбоинахъ дряхлаго тротуара, а ботинки тонкіе, грязь просачивается внутрь ботинка... такъ съ! Вотъ вамъ уже и насморкъ.

Мимо мелькаютъ прохожіе — звѣри! Они норовятъ задѣть плечомъ меня, я — ихъ.

Я ловлю взгляды исподлобья, которые ясно говорятъ:

— Эхъ, приложить бы тебя затылкомъ въ грязь!

Что ни мужчина встрѣчный, то Малюта Скуратовъ, что ни женщина, промелькнувшая мимо — Маріанна Скублинская.

Я меня они, навѣрное, считаютъ сыномъ убийцы президента Карно. Ясно вижу.

Всѣ скучныя краски смѣшились на нищенски бѣдной петроградской палитрѣ въ одно грязное пятно, даже яркие тона вывѣсокъ погасли, слились съ мокрыми ржавыми стѣнами сырыхъ угрюмыхъ домовъ.

Я тротуаръ! Боже ты мой! Нога скользитъ среди мокрыхъ грязныхъ бумажекъ, окурковъ, огрызковъ яблокъ и раздавленныхъ папироcныхъ коробокъ.

И вдругъ... сердце мое замираетъ!

Какъ нарочно: посреди грязнаго зловоннаго тротуара, яркимъ трехкрасочнымъ пятномъ сверкнули три оброненные кѣмъ то гвоздики, три дѣвственno—чистыхъ цветка: тем-

но - красный, синий - белый и желтый. Кудрявые пышные головки совсѣмъ не запятнаны грязью, все три цветка счастливо упали верхней частью стеблей на широкую папиросную коробку, брошенную прохожимъ курильщикомъ.

О, будь благословенъ тотъ, кто уронилъ эти цветы, - онъ сдѣлалъ меня счастливымъ.

Вѣтеръ уже не такъ жестокъ, дождь потеплѣлъ, грязь... ну что жъ, грязь когданибудь высохнетъ; и въ сердцѣ рождается робкая надежда: вѣдь увижу я еще голубое жаркое небо, услышу птичье щебетанье, и ласковый майскій вѣтерокъ донесетъ до меня сладкій ароматъ степныхъ травъ.

Три кудрявыхъ гвоздики!

* * *

Надо мнѣ признаться, что изъ всѣхъ цветковъ я люблю больше всего гвоздику; а изъ всѣхъ человѣковъ милѣй всего моему сердцу дѣти.

Можетъ быть, именно поэтому мои мысли переѣхали съ гвоздики на дѣтей и на од-

ну минуту я отожествилъ эти три кудрявыхъ головки: темно - красную, снѣжно - бѣлую и желтую — съ тремя иными головками.

Можетъ быть, все можетъ быть.

Сижу я сейчасъ за письменнымъ столомъ, и что же я дѣлаю? Большой взрослый сентиментальный дуракъ! Поставилъ въ хрустальный бокалъ три найденные на улицѣ гвоздики, смотрю на нихъ и задумчиво, разсѣянно улыбаюсь.

Сейчасъ только поймалъ себя на этомъ.

Вспоминаются мнѣ три знакомыхъ дѣвочки... Читатель, наклонись ко мнѣ поближе, я тебѣ на ухо разскажу объ этихъ маленькихъ дѣвочкахъ... Грѣмко нельзя, стыдно. Вѣдь мы съ тобой уже больше, и не подходящее дѣло громко говорить намъ съ тобой о пустякахъ.

А шопотомъ, на ухо — можно.

II.

Знавалъ я одну крохотную дѣвочку Ленку.

Однажды, когда мы, большие жестоково-
йные люди сидѣли за обѣденнымъ столомъ—
—мама чѣмъ то больно обидѣла дѣвочку.

Дѣвочка промолчала, но опустила голову,
опустила рѣсницы и, пошатываясь отъ горя,
вышла изъ за стола.

— Посмотримъ, — шепнула матери, —
что она будетъ дѣлать?

Горемычная Ленка рѣшилась, оказывает-
ся, на огромный шагъ: она вздумала уйти
изъ родительского дома.

Пошла въ свою комнатенку и, сопя,
принялась за сборы: разостлала на кровати
свой темный байковый платокъ, положила
въ него двѣ рубашки, панталончики, обло-
мокъ шоколада, росписной переплетъ, отор-
ванный отъ какой то книжки, и мѣдное ко-
лечко съ бутылочнымъ изумрудомъ.

Все это аккуратно связала въ узель,
вздохнула тяжко и съ горестно опущенной
головой вышла изъ дома.

Она уже благополучно добралась до калитки и даже вышла за калитку, но тутъ ее

ожидало самое страшное, самое непреодолимое препятствіе: въ десяти шагахъ отъ воротъ лежала большая темная собака.

У дѣвочки достало присутствія духа и самолюбія, чтобы не закричать... Она только оперлась плечомъ о скамейку, стоявшую у воротъ, и принялась равнодушно глядѣть совсѣмъ въ другую сторону съ такимъ видомъ, будто бы ей нѣтъ дѣла ни до одной собаки въ мірѣ, а вышла она за ворота просто подышать свѣжимъ воздухомъ.

Долго такъ стояла она, крохотная, съ великой обидой въ сердцѣ, не знающая — что предпринять...

Я высунула голову изъ-за забора и участливо спросила:

— Ты чего тутъ стоишь, Леночка?

— Такъ себѣ, стою.

— Ты, можетъ быть, собаки боишься; не бойся, она не кусается. Иди, куда хотѣла.

— Я еще сейчасъ не пойду, — опустивъ голову, прошептала дѣвочка. — Я еще постою.

— Что же ты думаешь еще долго тутъ стоять?

— Я вотъ еще подожду.

— Да чего жъ ждать то?

— Вотъ вырасту немножко, тогда ужъ не буду бояться собачки, тогда ужъ пойду...

Изъ за забора выглянула и мать.

— Это вы куда собирались Елена Николаевна?

Ленка дернула плечемъ и отвернулась.

— Недалеко же ты ушла. — съязвила мать.

Ленка подняла на нее огромные глаза, наполненные цѣльнымъ озеромъ не вылившимся слезъ, и серъезно сказала:

— Ты не думай, что я тебя простила. Я еще подожду, а потомъ пойду.

— Чего жъ ты будешь ждать?

— Когда мнѣ будетъ четырнадцать лѣтъ. Насколько я помню, въ тотъ моментъ ей было всего 6 лѣтъ. Восьми лѣтъ ожиданія у калитки она не выдержала. Ее хватило на меньшее — всего на 8 минутъ.

Но, Боже мой! Развѣ знаемъ мы, что пережила она въ эти 8 минутъ?!

* * *

Другая дѣвочка отличалась тѣмъ, что превыше всего ставила авторитетъ старшихъ.

Что ни дѣлалось старшими, въ ея глазахъ все было свято.

Однажды ея братъ, весьма разсъянный юноша, сидя въ креслѣ, погрузился въ чтеніе какой то интересной книги такъ, что забылъ все на свѣтѣ... Курилъ одну папиросу за другой, бросаль окурки, куда попало, и, лихорадочно разрѣзывая книгу ладонью руки, пребывалъ всецѣло во власти колдовскихъ очарованій автора.

Моя пятилѣтняя пріятельница долгое бродила вокругъ да около брата, испытующе поглядывая на него, и все собираясь о чёмъ то спросить, и все не решалась.

Наконецъ, собралась съ духомъ. Начала робко, выставивъ голову изъ складокъ плюшевой скатерти, куда она въ силу природной деликатности спряталась:

— Данила, а Данила?..

— Отстань, не мѣшай, — разсѣянно пропомоталъ Данила, пожирая глазами книгу.

И опять томительное молчаніе... И опять дѣликатный ребенокъ робко закружился вокругъ кресла брата.

— Чего ты тутъ вертишься? Уходи.

Дѣвочка кротко вздохнула, подошла бочкомъ къ брату и опять начала:

— Данила, а Данила?

— Ну, что тебѣ! Ну, говори!!

— Данило, а Данила... Это такъ надо, чтобы кресло горѣло?

Умилительное дитя! Сколько уваженія къ авторитету взрослыхъ должно быть въ головѣ этой крошки, чтобы она, видя горящую паклю въ креслѣ, подожженномъ разсѣяннымъ братомъ, все еще сомнѣвалась: а вдругъ это нужно брату изъ какихънибудь высшихъ соображеній?..

— — —

О третьей дѣвочкѣ мнѣ рассказывала умиленная нянька:

— До чего это заковыристый ребенокъ и представить себѣ невозможно... Укладываю я ее съ братомъ спать, а допрежъ того поставила на молитву: „Молитесь, молъ, ребятенки!“ И что жъ вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значитъ, стоитъ и ждеть чего-то. . „А ты, говорю, что жъ не молишишься, чего ждешь“ — „А какъ же, говоритъ, я буду молиться, когда Боря уже молится? Вѣдь Богъ сейчасъ его слушаетъ..“ Не могу же я тоже лѣзть, когда Богъ сейчасъ Борей занятъ!“

—————

Милая благоуханная гвоздика!
Моя была бы воля, я бы только дѣтей и признавалъ за людей.

Какъ человѣкъ перешагнулъ за дѣтскій возрастъ, такъ ему камень на шею, да въ воду.

Потому взрослый человѣкъ почти сплошь —мерзавецъ...

—————

Куличъ.

— А что, сынокъ, — спросилъ меня отецъ, заложивъ руки въ карманы и покачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ. — Не хотѣлъ бы ты рубль заработать?

Это было такое замѣчательное предложеніе, что у меня духъ захватило.

— Рубль? Вѣрно?!. А за что?

— Пойди сегодня ночью въ церковь, посвяти куличъ.

Я сразу осѣлъ, обмякъ и нахмурился.

— Тоже вы скажете: святи куличъ! Развѣ я могу? Я маленькой.

— Да вѣдь не самъ же ты, дурной, будешь святить его! Священникъ освятить. А ты только снеси и постой около него!

— Не могу, — подумавъ, сказалъ я.

— Новость! Почему не можешь?

— Мальчики будутъ меня бить.

— Подумаешь, какая казанская сирота выискалась; — презрительно скривился отецъ. — «Мальчики будутъ его бить». Небось самъ ихъ лупцуешь, гдѣ только ни попадутся.

Хотя отецъ былъ большой умный человѣкъ но въ этомъ дѣлѣ онъ ничего не понималъ...

Вся суть въ томъ, что существовали два разряда мальчиковъ: одни меньше и слабосиль. нѣе меня, и этихъ былъ я. Другіе больше и здоровѣе меня — эти отдѣливали мою физіономію на обѣ корки при каждой встрѣчѣ.

Какъ во всякой борьбѣ за существованіе — сильные пожирали слабыхъ. Иногда я мирился съ нѣкоторыми сильными мальчиками, но другіе сильные мальчики вымѣщали на мнѣ эту дружбу, потому что враждовали между собой.

Часто пріятели передавали мнѣ грозное предупрежденіе:

— Вчера я встрѣтилъ Степку Пангалова онъ просилъ передать, что дастъ тебѣ по мордѣ.

— За что? — ужасался я. — Вѣдь я его не трогалъ?

— Ты вчера гулялъ на Приморскомъ бульварѣ съ Косымъ Захаркой?

— Ну, гулялъ! Такъ что жъ?

— А Косой Захарка на той недѣли два раза билъ Пангалова.

— За что?

— За то, что Пангаловъ сказалъ, что онъ беретъ его на одну руку.

Въ концѣ концовъ, отъ всей этой вереницы хитросплетеній и борьбы самолюбій, страдалъ я одинъ.

Гулялъ я съ Косымъ Захаркой — меня билъ Пангаловъ; заключалъ перемиріе съ Пангаловымъ и отправлялся съ нимъ гулять — меня билъ Косой Захарка.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что дружба моя котировалась на мальчишескомъ рынке очень высоко,—если изъ за меня происходили драки. Только странно было то, что били, главнымъ образомъ, меня.

Однако, если я не могъ справиться, съ Пангаловымъ и Захаркой, то мальчишки по-

мельче ихъ должны были испытывать всю тяжесть моего дурного настроения.

И когда по нашей улицѣ пробирался какой нибудь Сема Фишманъ, беззаботно насыщая популярную въ нашемъ городѣ пѣсенку.

На слободкѣ есть ворожка,
Барабанщика жена..

Я, какъ изъ земли, выросталъ и, ставъ къ Семѣ въ полоборота, задористо предлагалъ:

— Хочешь по мордѣ?

Отрицательный отвѣтъ никогда не смущалъ меня. Сема получилъ свою порцію и въ слезахъ убѣгалъ, а я бодро шагалъ по своей Ремесленной улицѣ, выискивая новую жертву, пока какой нибудь Аптекаренокъ съ Цыганской Слободки ни ловилъ меня и ни билъ— по всякой причинѣ: или за то, что я гулялъ съ Косымъ Захаркой, или за то, что я съ нимъ не гулялъ (въ зависимости отъ личныхъ отношеній между Аптекаренкомъ и Косымъ Захаркой...)

Къ отцовскому предложенію я отнесся такъ кисло именно потому, что вечеръ Страстной Субботы стягиваетъ со всѣхъ улицъ и переулковъ уйму мальчиковъ къ оградамъ церквей нашего города. И хотя я найду тамъ многихъ мальчиковъ, которые хватятъ отъ меня по мордѣ, но за то во тьмѣ ночной бродятъ и другіе мальчики, которые, въ свою очередь, не прочь припаять блямбу (мѣстное арго!) мнѣ.

А къ этому времени, какъ разъ у меня испортились отношенія почти со всѣми: съ Кирей Алексомати, съ Григулевичемъ, съ Павкой Макопуло и съ Рафкой Кефели.

— Такъ идешь, или нѣтъ? — переспросилъ отецъ. — Я знаю, конечно, что тебѣ хотѣлось бы шататься по всему городу, вмѣсто стоянія около кулича, но вѣдь за то — рубль! Поразмысли.

Я это какъ разъ и дѣлалъ: размышлялъ.

— Куда мнѣ пойти? Къ Владимировскому собору? Тамъ будетъ Павка со своей компанией... Ради праздничка изобьютъ, какъ еще

никогда не били... Въ Петропавловскую? Тамъ будетъ Ваня Сазончикъ, которому я только третьяго дня далъ по мордѣ на Ремесленной канавѣ. Въ Морскую церковь—тамъ слишкомъ фешенебельно. Остается Греческая церковь... Туда я и думалъ пойти, но безъ всякаго кулича и яицъ. Во первыхъ, тамъ свои—Степка Пангаловъ съ компанией: можно носиться по всей оградѣ, отправляться на базаръ въ экспедицію за бочками, ящиками и лѣстницами, которыя тутъ же [въ оградѣ торжественно скигались греческими патріотами... Во вторыхъ, въ греческой церкви будетъ Андриенко, которому надлежитъ получить свою порцію за то, что наговорилъ матери, будто я воровалъ помидоры съ воза... Перспективы въ греческой церкви чудесныя, а узель изъ кулича, полудесятка яицъ и кольца малороссійской колбасы—долженъ былъ связать меня по рукамъ и ногамъ...

Можно было бы поручить кому нибудь изъ знакомыхъ постоять около кулича, —да какой-же дуракъ согласится въ такую чудесную ночь?

— Ну, что, рѣшилъ? — переспросилъ отецъ.

— А надую-ка я старика, — подумалъ я. — Давайте рубль и пасху вашу несчастную.

За послѣдній эпитетъ я получилъ по губамъ, но въ веселой суматохѣ укладыванья въ салфетку кулича и яицъ — это прошло совершенно незамѣченнымъ.

Да и не больно было.

Такъ, немного обидно.

* * *

По скрипучему деревянному крыльцу я спустился съ узломъ въ рукѣ во дворъ, на секунду нырнувъ подъ это крыльцо въ отверстіе, образовавшееся изъ двухъ утащенныхъ кѣмъ-то досокъ, вылѣзъ обратно съ пустыми руками и, — какъ стрѣла, помчался по темнымъ, теплымъ улицамъ, сплошь затопленнымъ радостнымъ звономъ.

Въ оградѣ Греческой церкви меня встрѣтили ревомъ восторга. Я поздоровался со всей companiей и тутъ же узналъ, что мой врагъ Андріенко уже прибылъ.

Немного поспорили о томъ, что раньше сдѣлать: сначала „насыпать“ Андріенкѣ, а потомъ итти воровать ящики—или наоборотъ?

Рѣшили: наворовать ящиковъ, потомъ поколотить Андріенку, а потомъ отправиться опять воровать ящики.

Такъ и сдѣлали.

Поколоченный мною Андріенко давалъ клятву въ вѣчной ко мнѣ ненависти, а костеръ, пожирая нашу добычу, поднималъ красные дымные языки почти до самаго неба... Веселье разгоралось, и дикій ревъ одобренія встрѣтилъ Христу Попандопуло, который явился откуда то съ цѣлой деревянной лѣстницей на головѣ:

— Я себѣ така думаю,— весело кричалъ онъ, — сто стоитъ теперь одна дома, а у нему нѣту лѣстницы, чтобы попадити на верхняя этаза.

— Да, неужели, ты домовую лѣстницу унесъ?

— Ма, сто такая: домовая не домовая— лисъ бы! горѣла!

Всѣ весело смѣялись и веселѣе всѣхъ смѣялся тотъ взрослый простакъ, который, какъ оказалось потомъ, вернувшись къ себѣ домой на Четвертую Продольную не могъ попасть во второй этажъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждали жена и дѣти.

Все это было очень весело, но когда я, послѣ окончанія церемоніи, возвращался домой съ пустыми руками, — сердце мое защемило: весь городъ будетъ разговляться свяченными куличами и яйцами, и только наша семья, какъ басурмане, будетъ Ѳѣсть простой, не святой хлѣбъ.

— Правда, — разсуждалъ я. — Я, можетъ быть, въ Бога не вѣрю, но вдругъ, все таки, Богъ есть, и онъ припомнить мнѣ всѣ мои гнусности: Индріенку билъ въ такую святую ночь, кулича не святилъ, да еще оралъ на базарѣ во все горло не совсѣмъ приличныя татарскія пѣсни, чему ужъ не было, буквально, никакого прощенія.

Сердце щемило, душа болѣла, и съ каждымъ шагомъ къ дому эта боль все увеличивалась.

А когда я подошлась къ отверстію подъ крыльцомъ, и изъ этого отверстія выскочила сѣрая собака, что-то на ходу дожевывая, — я совсѣмъ пала духомъ и чуть не запла-
калъ.

Вынуль свой раздерганный собакой узель, осмотрѣль: яйца были цѣлы, но зато кусокъ колбасы былъ съѣденъ и куличъ съ одного бока изглоданъ почти до самой се-
редины.

— Христосъ Воскресе, — сказалъ я, за-
искивающе подлѣзая съ поцѣлуемъ къ ще-
тинистымъ усамъ отца

— Воистину!.. Что это у тебя съ кули-
чемъ?

— Да я по дорогѣ... Бѣсть захотѣлось,
— отщипнулъ. И колбасы... тоже.

— Это ужѣ послѣ свяченія, надѣюсь? —
строго спросилъ отецъ.

— Да.. гораздо... послѣ.

Вся семья усѣлась вокругъ стола и при-
нялась за куличъ, а я сидѣлъ въ сторонѣ и
съ ужасомъ думалъ:

— Ъдятъ! Не священный! Пропала вся семья.

И тутъ же вознесъ къ небу наскоро сочиненную молитву:

— „Отче нашъ! Прости ихъ всѣхъ, не вѣдаютъ, бо что творятъ, а накажи лучше меня, только не особенно, чтобы крѣпко... Аминь!“

Спалъ я плохо — душили кошмары, — а утромъ, прия въ себя, умылся, взялъ преступно заработанный рубль и отправился подъ качели.

Мысль о качеляхъ немного ободрила меня, --- увижу тамъ праздничнаго Пангалова, Мотьку Колесникова... Будемъ кататься на перекидныхъ, пить бузу и ъсть татарскіе чебуреки по двѣ копѣйки штука.

Рубль казался богатствомъ, и я, переходя Большую Морскую, съ нѣкоторымъ даже презрѣніемъ оглядѣлъ двухъ матросовъ: шли они, пошатываясь, и во все горло распѣвали популярный въ севастопольскихъ морскихъ сферахъ романъ:

Ой, не плачь, Маруся,
Ты будешь моя
Кончу мореходку—
Женюсь на тебе,

И кончали меланхолически:

Какъ тебе не стыдно, какъ тебе
не жаль,

Что минѣ смѣнила на такую дрянь!

Завываніе шарманокъ, пронзительный
пискъ кларнета, сотрясающіе всѣ внутренно-
сти удары огромнаго барабана—все это сра-
зу пріятно оглушило меня. На одной сторо-
нѣ кто то плясалъ, на другой—грязный кло-
унъ въ рыжемъ парикѣ кричалъ: „Месье,
мадамъ — идите, я вамъ дамъ по мордамъ!“
А посрединѣ старый татаринъ устроилъ изъ
покатой доски игру, вродѣ китайскаго
білліарда, и его густой голосъ изрѣдка про-
рѣзывалъ всю какафонію звуковъ:

— А второй да биротъ, — чѣмъ застав-
гяль сильнѣе зажигаться всѣ спортсменскія
сердца.

Цыганъ съ большимъ кувшиномъ красна-
го лимонада, въ которомъ аппетитно плеска-

лись тонко нарѣзанные лимоны, подошелъ ко мнѣ:

— Паничъ, лимонада холодная! Дай ко-
пъйки одна стакана...

Было уже жарко.

— А, ну, дай,—сказалъ я, облизавъ пересохшія губы—Бери рубль, дай сдачи.

Онъ взялъ рубль, привѣтливо поглядѣлъ на меня и вдругъ, оглянувшись и заоравъ на всю площадь: „Абдраманъ! Наконецъ, я тебя подлеца, нашелъ!“ — ринулся куда-то въ сторону и замѣшался въ толпу.

Я подождалъ пять минутъ, десять. Цыгана съ моимъ рублемъ не было... Очевидно, радость встрѣчи съ загадочнымъ Абдраманомъ совершенно изгнала въ его цыганскомъ сердцѣ материальныя обязательства передъ покупателемъ.

Я вздохнулъ и опустивъ голову побрелъ домой.

А въ сердцѣ проснулся кто-то и громко сказаъ:

—Это за то, что ты Бога думалъ надуть, несвяченымъ куличомъ семью накормилъ!

И въ головѣ проснулся кто то другой и утѣшилъ:

— Если Богъ наказалъ тебя, значитъ, пощадилъ семью. За одну вину двухъ наказаній не бываетъ.

— Ну, и конечно!—облегченно вздохнулъ я ухмыляясь. — Расквитался своими боками. Былъ я малъ и глупъ.

—————

Продувной мальчишка.

Рождественский рассказ.

Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ есть всѣ элементы, изъ которыхъ слагается обычный сантиментальный рождественскій разсказъ: есть маленький мальчикъ, есть его мама и есть елочка, но только разсказъ - то получается совсѣмъ другого сорта... Сантиментальность въ немъ, какъ говорится, и не ночевала.

Это --разсказъ серьезный, немножко угрюмый и отчасти жестокій, какъ рождественскій морозъ на сѣверѣ, какъ жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговоръ о елкѣ между Володькой и мамой возникъ дня за 3 до Рождест-

ва, и возникъ не преднамѣренно, а скорѣе случайно, по дурацкому звуковому совпаденію.

Намазывая за вечернимъ чаемъ кусокъ хлѣба масломъ—мама откусила кусочекъ и поморщилась.

—Масло то,—проворчала она, — совсѣмъ елкое...

—А у меня елка будетъ?—освѣдомился Володька, съ шумомъ схлебывая съ ложки чай.

—Еще что выдумалъ! Не будетъ у тебя елки. Не дожириу, быть бы и живу. Сама безъ перчатокъ хожу.

—Ловко—сказалъ Володька. —У другихъ дѣтей сколько угодно елковъ, а у меня, будто я и не человѣкъ.

—Попробуй самъ устроить — тогда и увидишь.

—Ну, и устрою. Большая важность. Еще почище твоей будетъ. Гдѣ мой картузъ?

—Опять на улицу?! И что это за ребёнокъ такой! Скоро совсѣмъ уличнымъ маль-

чишкой сдѣлаёшься!... Былъ бы живъ отецъ, онъ бы тебѣ...

Но такъ и не узналъ Володька, что бы сдѣлалъ съ нимъ отецъ: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а онъ уже гигантскими прыжками спускался по лѣстницѣ, мѣня на нѣкоторыхъ поворотахъ способъ передвиженія: съѣзжая на перилахъ верхомъ.

На улицѣ Володька сразу принялъ важный, серьезный видъ, какъ и полагалось владѣльцу многотысячнаго сокровища.

Дѣло въ томъ, что въ карманѣ Володьки лежалъ огромный брилліантъ, найденный имъ вчера на улицѣ — большой сверкающій камень, величиной съ лѣсной орѣхъ.

На этотъ брилліантъ Володька возлагалъ очень большія надежды: не только елка, а, пожалуй, и мать можно обезпечить.

—Интересно бы знать, сколько въ немъ карать?—думалъ Володька, солидно натянувъ огромный картузъ на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожихъ.

Вообще, нужно сказать, голоса Володьки—самый прихотливый складъ обрывковъ разныхъ свѣдѣній, знаній, наблюденій, фразъ и изреченій.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ грязно невѣжествененъ: напримѣръ откуда-то подѣлилъ свѣдѣніе, что брилліанты взвѣшиваются на караты, и въ тоже время совершенно не знаетъ, какой губерніи ихъ городъ, сколько будетъ, если умножить 32 на 18 и почему отъ электрической лампочки нельзя закурить папироски.

Практическая же его мудрость вся цѣликомъ заключалась въ трехъ поговоркахъ, вставляемыхъ имъ всюду, сообразно обстоятельствамъ: „Бѣдному жениться — ночь коротка“. «Была не была — повидаться надо» и „Не до жиру — быть бы живу“.

Послѣдняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первыя двѣ — чортъ его знаетъ у кого.

Войдя въ ювелирный магазинъ, Володька засунулъ руку въ карманъ и спросилъ:

—Брилліанты покупаете?

—Ну, и покупаемъ, а что?

—Свѣсьте ка; сколько каратовъ въ этой-штучкѣ?

—Да это простое стекло, — усмѣхнувшись, сказалъ ювелиръ.

—Всѣ вы такъ говорите,—солидно возразилъ Володя.

—Ну вотъ, поразговаривай тутъ еще. Проваливай!

Многокаратный брилліантъ весьма непочтительно полетѣлъ на полъ.

—Эхъ,— кряхтя, нагнулся Володя за развѣчнаннымъ камнемъ.—Бѣдному жениться —ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящій брилліантъ. Хи! Ловко, нечего сказать. Ну, что-жъ... Не до жиру, быть бы живу. Пойду, найдусь въ театръ.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелѣяна Володькой. Слыхивалъ онъ кое-отъ-кого, что иногда въ театрахъ для игры требуются мальчики, но какъ приняться за эту штуку-онъ совершенно не зналъ.

Однако, не въ характерѣ Володьки было раздумывать: дойдя до театра, онъ одну секунду запнулся о порогъ, потомъ смѣло шагнулъ впередъ и для собственного оживленія и бодрости прошепталъ себѣ подъ носъ: «Ну—была не была—повидаться надо».

Подошелъ къ человѣку, отрывавшему билеты, и задравъ голову, спросилъ дѣловито:

—Вамъ мальчики тутъ нужны, чтобы играть?

—Пошелъ, пошелъ. Не болтайся тутъ.

Подождавъ, пока билетеръ отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился передъ завѣтной дверью, за которой гремѣла музыка.

—Вашъ билетъ, молодой человѣкъ,—остановила его билетерша.

—Слушайте,— сказалъ Володька.—Тутъ у васъ въ театрѣ сидитъ одинъ господинъ съ черной бородой. У него дома случилось несчастье—жена умерла. Меня прислали за нимъ. Позовите-ка его!

—Ну, стану я тамъ твою черную бороду
искать—иди самъ и ищи!

Володька, заложивъ руки въ карманы,
побѣдоносно вступилъ въ театръ и сейчасъ
же, высмотрѣвъ свободную ложу, усѣлся въ
ней, устремивъ на сцену свой критический
взоръ.

Сзади кто-то похлопалъ по плечу.

Оглянулся Володька: офицеръ съ дамой.

—Эта ложа занята,— холодно замѣтилъ
Володька.

—Кѣмъ?!

—Мною. Рази не видите?

Дама разсмѣялась, офицеръ направился
было къ капельдинеру, но дама остановила
его:

—Пусть посидитъ съ нами, хорошо? Онъ
такой маленький и такой важный.. Хочешь
съ нами сидѣть?

—Сидите ужъ,—разрѣшилъ Володька.—
Это что у васъ? Программка? А ну, дайте...

Такъ сидѣли трое до конца первой
серіи.

—Уже конецъ?— грустно удивился Володька, когда занавѣсь опустился—Бѣдному жениться— ночь коротка. Эта программка вамъ уже не нужна?

—Не нужна. Можешь взять ее на память о такой пріятной встрѣчѣ.

Володька дѣловито освѣдомился:

—Почемъ платили?

—Пять рублей.(*)

—Продамъ на вторую серію,—подумалъ Володька и, подцѣпивъ по пути изъ сосѣдней ложи еще одну брошенную программку, бодро отправился съ этимъ товаромъ къ главному выходу.

Когда онъ вернулся домой, голодный, но довольный — у него въ карманѣ вмѣсто фальшиваго брилліанта были двѣ настоящія пятирублевки.

* * *

*) Кажущаяся огромной цѣна программы не должна, однако удивлять читателя: мой Володька жилъ въ Крыму — въ героическія времена бѣло гвардейской Вандеи.

А. А.

На другое утро Володька, зажавъ въ кулакѣ свой оборотный капиталъ, долго бродилъ по улицамъ, присматриваясь къ дѣловой жизни города и прокидывая глазомъ —во что бы лучше вложить свои денежонки.

А когда онъ стоялъ у огромнаго зеркального окна кафе—его осѣнило.

—Была не была — повидаться надо,—подстегнулъ онъ самъ себя. нахально входя въ кафе.

—Что тебѣ, мальчикъ?—спросила продавщица.

—Скажите пожалуйста, тутъ неприходила дама съ сѣрымъ мѣхомъ и съ золотой сумочкой?

—Нѣтъ, не было.

—Ага. Ну, значитъ, еще не пришла. Я подожду ее.

И усѣлся за столикъ.

—Главное—подумалъ онъ, — втереться сюда. Попробуй-ка, выгони потомъ: я такой ревъ подыму!...

Онъ притаился въ темномъ уголку и
сталъ выжидать, шныряя черными глазенками
во всѣ стороны.

Черезъ два столика отъ него стариkъ до-
читалъ газету, сложилъ ее и принялъся за
кофе.

Господинъ, — шепнулъ Володька, по-
дйдя къ нему. — Сколько заплатили за га-
зету.

— Пять рублей.

— Продайте за два. Все равно вѣдь про-
читали.

— Я зачѣмъ она тебѣ?

— Продамъ. Заработаю.

— О-о.. Да ты, братъ, дѣляга. Ну, на.
Вотъ тебѣ трешница сдачи. Хочешь сдѣбнаго
хѣба кусочекъ?

— Я не нищій, — съ достоинствомъ возра-
зилъ Володька. — Только вотъ на елку зара-
бѣтаю — и шабашъ. Не до жиру — быть бы
живу.

Черезъ полчаса у Володьки было пять
газетныхъ листовъ, немнога измятыхъ, но
вполнѣ приличныхъ на видъ.

Дама съ сѣрымъ мѣхомъ и съ золотой сумочкой такъ и не пришла. Есть нѣкоторое основаніе думать, что существовала она только въ разгоряченномъ Володькиномъ вображеніи.

Прочитавъ съ привеликимъ трудомъ совершенно ему непонятный заголовокъ: „Новая позиція Ллойдъ Джорджа“, Володька какъ безумный, помчался по улицѣ, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

— Интер-ресныя новости! Новая позиція Ллойдъ-Джорджа — цѣна пять рублей. Новая позиція за пять рублей!!

А передъ обѣдомъ, послѣ ряда газетныхъ операций, его можно было видѣть идущимъ съ маленькой коробочкой конфетъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, еле видимаго изъ подъ огромной фуражки.

На скамейкѣ сидѣлъ праздный господинъ. лѣниво покуривая папиросу.

— Господинъ, — подошелъ къ нему Володька.—Можно васъ что-то спросить?..

— Спрашивай, отроче. Валяй!

— Если полфунта конфетъ 27 штукъ, стоять 55 рублей, такъ сколько стоитъ штука?

— Точно, братъ, трудно сказать, но около двухъ рублей штука. Я что?

— Значитъ, по пяти рублей выгодно продавать? Ловко! Можетъ, купите?

— Я куплю пару съ тѣмъ, что-бы ты самъ ихъ и съѣлъ.

— Нѣть, не надо, я не нищій. Я только торгую... Да купите! Можетъ, знакомому мальчику отдадите.

— Эхъ-ма, уговорилъ! Ну, давай на кренку, что ли

Володъкина мать пришла со своей бѣлощейной работы поздно вечеромъ...

На столѣ, за которымъ положивъ голову на руки сладко спалъ Володъка, стояла крохотная елочка, украшенная парой яблокъ, одной свѣчечкой и тремя-четырьмя картонахами—и все это имѣло прежалкій видъ.

У основанія елки были разложены подарки: чтобы не было сомнѣнія, что кому

предназначено, около цветных карандашей
была положена бумажка съ корявой надписью:

— „Дли Валоди“.

А около пары теплыхъ перчатокъ другая
бумажка съ еще болѣе корявымъ предназна-
ченіемъ:

— «Дли мами»...

Крѣпко спалъ продувной мальчишка, и
неизвѣстно гдѣ, въ какихъ сферахъ витала
его хитрая купеческая душонка. . . , .

— — —

Разговоръ въ школѣ.

Посвящаю Аріаднѣ Румановой.

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующихъ лагеря. Нѣтъ—это были просто два противоположныхъ лагеря. Два непонимающихъ другъ друга лагеря. Два снисходительно относящихся другъ къ другу лагеря.

Одинъ лагерь заключался въ высокой, блѣдной учительницѣ „школы для мальчиковъ и дѣвочекъ“, другой лагерь былъ числомъ побольше. Раскинулся онъ двумя десятками стриженыхъ или украшенныхъ скудными косичками головокъ, склоненныхъ надъ ветхими партами... Всѣ головы, какъ единообразно вывихнутыя, скривились на лѣвую сторону, всѣ языки были прикушены маленькими мышиными зубенками, а у Рюхина Андрея отъ излишка вниманія, даже тонкая нитка слюны изъ угла рта выползла.

Скрипъ грифелей, запахъ полувысохшихъ чернилъ и вздохи, вздохъ—то облегченія, то натуги и напряженія—вотъ чѣмъ наполнялась большая полутѣмная комната.

А за открытымъ окномъ, вызолоченные до половины солнцемъ — качаются старыя акацій, а какая-то задорная суевливая пичуга раскричалась въ зелени такъ, что за нее дѣлается страшно — вдругъ разрывъ сердца! А издали съ рѣки доносятся крики купающихся мальчишекъ, а лучи солнца, ласковые, теплые, какъ рука матери, проводящая по головенкѣ своего любимца, лучи солнца лютятся съ синяго неба. Хорошо, чортъ возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и камнемъ вылетѣть изъ пыльной комнаты тихаго училища — побѣжать по сонной отъ зноя улицѣ, выдѣльвая ногами самые неожиданные курбеты.

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно, среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходитъ въ голову сокрушительный вопросъ:

— А зачѣмъ, въ сущности, учиться? Дѣйствительно ли это нужно?

Кругликовъ Капитонъ человѣкъ смѣлый и за словомъ въ карманъ не лѣзетъ.

— А зачѣмъ мы учимся? — спрашиваетъ онъ, въ упоръ глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти отъ любопытства, отчасти отъ ужаса, что онъ осмѣлился задать такой жуткій вопросъ.

— Чудакъ, ей Богу, ты человѣкъ, — усмѣхается учительница, проводя мягкой ладонью по его головѣ противъ шерсти. — Какъ зачѣмъ? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ окружающемъ.

— А если не учиться?

— Тогда и культуры никакой не будетъ.

— Это какой еще культуры?

— Ну . . . такъ тебѣ трудно сказать. Я лучше всего объясню на примѣрѣ. Если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Йоркѣ...

— Я была, — раздается тонкій пискъ у самой стѣны.

Всѣ изумленно обрачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Откуда?

Очевидно, въ школахъ водится особый школьный бѣсенокъ, который вертится между партами, толкаетъ подъ руку и выкидываетъ, вообще, всякие кренделя, которые потомъ сваливаются на ни въ чёмъ неповинныхъ учениковъ... Очевидно, это онъ дернулъ Наталью Пашкову за жиidenьку косичку, подтолкнулъ въ бокъ, — шепнулъ: «Скажи, что была, скажи!»..

Она и сказала.

— Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну, когда ты была въ Нью-Йоркѣ? Съ кѣмъ?

Наталья рада бы сквозь землю провалиться: дѣйствительно — чортъ ее дернулъ сказать это, но слово, что воробей: вылетитъ, не поймаешь.

-- Была... Ей Богу, была... Позавчера... съ папой.

Ложь, сплошная ложь: и папы у нея нѣтъ, и позавчера она была, какъ и сегодня, въ школѣ, и до Нью-Йорка три недѣли ъзды.

Наталья Пашкова легко, безъ усилій, разоблачается всѣмъ классомъ и, плачущая, растерянная, окруженная общимъ молчаливымъ презрѣніемъ—погружается въ ничто-жество.

— Такъ вотъ, дѣти: если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Йоркѣ, онъ бы уви-дѣлъ огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагоновъ трамвая, электричество, подъемные машины и все это — благодаря культурѣ. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лѣтъ этому городу? Лѣтъ сто-полтораста — не больше!!

— А что было раньше тамъ? — спросилъ Рюхинъ Андрей, выгибая натуженную ра-ботой спину такъ, что она громко затрещала: будто орѣхи кто-нибудь просыпалъ.

— Раньше? А вотъ вы сравните, что было раньше: раньше былъ непроходимый лѣсъ, перепутанный ліанами. Въ лѣсу разное дикое звѣрье, пантеры, волки, лѣсъ переходилъ въ дикіе луга, по которымъ бродили

огромные олени, бизоны, дикія лошади... А, кроме того, въ лѣсахъ и на лугахъ бродили индѣйцы, которые были страшнѣй дикихъ звѣрей — убивали другъ друга и бѣлыахъ, и снимали съ нихъ скальпъ. Вотъ вы теперь и сравните, что лучше: дикіе поля и лѣса со звѣремъ, индѣйцами, безъ домовъ и электричества, или — широкія улицы, трамваи, электричество и полное отсутствіе дикихъ индѣйцевъ?!..

Учительница однимъ духомъ выпалила эту тираду и побѣдоносно оглядѣла всю свою команду: что, моль съѣли?

— Вотъ видите, господа... И разберите сами: что лучше — культура или такое житье? Ну, вотъ ты, Кругликовъ Капитонъ... Скажи ты: когда, значитъ, лучше жилось: тогда или теперь?

Кругликовъ Капитонъ всталъ и, послѣ минутнаго колебанія, пробубнилъ, какъ майскій жукъ:

— Догда лучже.

— Что?! Да ты самъ посуди, чудакъ:

раньше было плохо, никакихъ удобствъ, всюду звѣри, индѣйцы, а теперь дома, трамваи, подъемные машины... Ну? Когда же лучше — тогда или теперь?

— Тогда.

— Ахъ ты, Господи... Ну, вотъ ты, Полторацкій—скажи ты: когда было лучше: раньше или теперь?

Полторацкій, недовѣрчиво, исподлобья, глянулъ на учительницу (а вдругъ единицу вкатитъ) и увѣренно сказалъ:

— Раньше лучше было.

— О, Богъ мой!! Слизняковъ, Гавріиль!

— Лучшее было. Раньшее.

— Прежде всего—не раньше, а раньше. Да что вы, господа, — затменіе у васъ въ головѣ, что ли? Тутъ вамъ и дома и электричество...

— А на что дома? — цинично спросилъ толстый Фитюковъ.

— Какъ на что? А гдѣ же спать?

— А у костра? Завернулся въ одѣяло и

спи сколько влезть. Или въ повозку залезь.
Повозки такія были. А то подумаешь: дома!

И онъ поглядѣлъ на учительницу не ме-
нѣе побѣдоносно, чѣмъ до этого смотрѣла
она.

— Но вѣдь электричества нѣтъ, темно,
страшно...

Семенъ Заволдаевъ снисходительно по-
глядѣлъ на разгорячившуюся учительницу...

— Темно? А костеръ вамъ на что? Лѣсу
много — жги сколько влезть. А днемъ и
такъ себѣ свѣтло.

— А вдругъ звѣрь подберется.

— Часоваго съ ружьемъ нужно выстав-
лять, вотъ и не подберется. Дѣло извѣстное.

— А индѣйцы подберутся сзади, схва-
тятъ часоваго да на васъ...

— Съ индѣйцами можно подружиться.
Есть хорошія племена, приличныя...

— Делаварское племя есть, — поддержалъ
кто-то сзади. — Они бѣлыхъ любятъ. Въ
крайнемъ случаѣ, можно на мустангѣ уска-
кать.

Стриженныя головы сдвинулись ближе,

будто чѣмъ-то объединенныя, — и голоса затрещали, какъ сотня воробьевъ на вѣткахъ акаціи.

— А у городѣ у вашемъ одного швейцара на лифтѣ раздавило., Вотъ вамъ и городъ.

— А у городѣ мальчикъ недавно подъ трамвай попалъ!

— Да просто у городѣ у вашемъ скучно —вотъ и все,—отрубилъ Слизняковъ Гавріилъ.

— Скверные вы! мальчишки—просто вамъ не приходилось быть въ лѣсу среди дикихъ звѣрей—вотъ и все.

— А я была,—пискнула Наталья Пашкова, которую не оставлялъ въ покоѣ школьный бѣсь.

— Вретъ она,—загудѣли ревнивые голоса,—Что ты все врешь да врешь. Ну, если ты была—почему тебя звѣри не сѣли, ну, говори?

—Станутъ они всякую заваль лопать, — язвительно пробормоталъ Кругликовъ Капитонъ.

— Кругликовъ!

— А чего жъ она... Вы же сами говорили что врать грѣхъ. Вретъ, ей Богу, все врѣмя.

— Не врать, а лгать. Однако, послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну, какъ же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперь есть и хлѣбъ, и масло, и сахаръ, и пирожное, а раньше этого ничего не было.

— Пирожное!!

Ударъ былъ очень силенъ и мѣтокъ, но Кругликовъ Капитонъ быстро отъ него оправился,

— А плоды разные: финики, бананы, — вы не считаете?! И покупать не нужно-ѣшь, сколько влѣзеть. Хлѣбное дерево тоже есть — сами же говорили.. сахарный тростникъ. Убилъ себѣ бизона, навялилъ мяса и гуляй себѣ, какъ баринъ.

— Рѣчки тамъ тоже есть, — поддержалъ сбоку опытный рыболовъ. — Загни булавку, да лови рыбу сколько твоей душенькѣ угодно.

Учительница прижимала обѣ руки къ груди, бѣгала отъ одного къ другому, кри-

чала, волновалась, описывала всѣ прелести городской безопасной жизни, но всѣ ея слова отбрасывались упруго и ловко, какъ мячикъ. Оба лагеря совершенно не понимали другъ друга. Культура явно трещала по всѣмъ швамъ, энергично осажденная, аттакованная индѣйцами, кострами, пантерами и баобабами...

—Просто вы всѣ скверные мальчишки — пробормотала уничтоженная учительница лишилъ разъ щегольнувъ нелогичностью, столь свойственной ея слабому полу. — Просто вамъ нравятся дикія игры, стрѣляніе изъ ружья — вотъ и все. Вотъ мы спросимъ дѣвочекъ... Клавдія Кошкина — что ты намъ скажешь? Когда лучше было-тогда или теперь?

Отвѣтъ былъ ударомъ грома при ясномъ небѣ.

—Тогда, — качнувъ огрызкомъ косички сказала веснушчатая блѣднолицая Кошкина.

—Ну, почему? Ну, скажи ты мнѣ — почему, почему?..

—Травка тогда была... я люблю... Цвѣты были.

И обернулась къ Кругликову -- признанному специалисту по дикой первобытной жизни:

— Цвѣты - то были?

— Сколько влѣзетъ было цвѣтовъ, -- ожидался специалистъ, -- огромадные были -- тропические. Здоровенные, пахнуть тебѣ -- рви сколько влѣзетъ.

— А въ городѣ чорта пухлого найдешь ты цвѣты. Паршивенькая роза рубль стоитъ.

Посрамленная, уничтоженная учительница заметалась въ поспѣднемъ предсмертномъ усилии:

— Ну, вотъ пусть намъ Катя Иваненко скажетъ... Катя! Когда было лучше?

— Тогда.

— Почему?!!

— Бизончики были, -- нѣжно проворковала крохотная дѣвочка, умилъно склонивъ свѣтлую головенку на бокъ.

— Какіе бизончики?.. Да ты ихъ когда-нибудь видѣла?

— Скажи-видѣла! -- шепнула, подталкиваемая бѣсомъ Пашкова.

—Я ихъ не видѣла, —призналась простодушная Катя Иваненко. — А только они на-вѣрное хорошенъкіе...

И, совсѣмъ закрывъ глаза, простонала:

—Бизончики такіе... Можнатенькіе, съ мордочками. Я бы его на руки взяла и въ мордочку поцѣловала...

Кругликовъ — спеціалистъ по дикой жизни — дипломатично промолчалъ насчетъ неосуществимости такого буколического намѣренія сантиментльной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосомъ:

—Ну, хорошо же! Если вы такіе — не желаю съ вами разговаривать. Кончайте рѣшеніе задачи, а кто не рѣшилъ — пусть тутъ сидѣть хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И всѣ рѣшили задачу, кроме бѣдной, чистой сердцемъ, Катерины Иваненко: бизонъ все время стоялъ между ея глазами и грифельной доской...

Сидѣла, маленькая, до сумерокъ.

— — —

К о с т я .

I.

Всѣ прочія дѣти не любили его, маленькаго, хрупкаго, съ прозрачнымъ лицомъ и причудливо растрепавшимися каштановаго цвѣта кудрями.

Не любили. Почему?

Можетъ быть, по той же самой причинѣ, по которой взрослые не любятъ взрослыхъ, подобныхъ ему, свѣтлоглазому задумчивому Костѣ.

Та и другая сторона мѣняетъ только возрастъ. А нелюбовь остается прежняя.

У дѣтей нелюбовь къ Костѣ общая, дружная. Стоитъ только приблизиться ему къ пестрой разноцвѣтной группѣ мальчишекъ и дѣвчонокъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднимается согласный щебетъ и пискъ:

— Пошелъ! Пошелъ вонъ! Убирайся! Мы не хотимъ!

Постоявъ немного, онъ вздыхалъ и пробовалъ начать нерѣшительно и мягко:

— А у насъ вчера во дворѣ дворникъ копалъ яму для дерева и наткнулся лопатой на что-то твердое. Посмотрѣли, а тамъ кости, черепъ и большая желѣзная шкатулка... Открыли ее, а въ ней...

— Убирайся! Проваливай, не надо! Вотъ еще, ей Богу, лѣзеть тутъ...

Снова онъ покорно вздыхалъ и отходилъ въ сторону. Садился на нагрѣтую солнцемъ скамью сквера и погружался въ задумчивость.

Какой-нибудь досужій господинъ, сидѣвшій подлѣ и тронутый его задумчиво-меланхолическимъ видомъ, опускалъ тяжелую руку на его хрупкое, какъ скорлупа яйца, темя и общительно спрашивалъ:

— Какъ тебя зовутъ, мальчишъ?

— Джимъ...

— А, вотъ какъ! Ты развѣ не русскій?

— Нѣтъ, англичанинъ, сэръ.

— Вотъ оно что!.. А почему же ты такъ хорошо говоришь по русски?

— Мы бѣжали изъ Лондона съ отцомъ, когда я былъ совсѣмъ маленьkimъ.

— Бѣжали? Что ты говоришь! Съ какой радости вамъ нужно было бѣжать?

Задумчивые глаза ребенка поднимались къ небу и съ минуту слѣдили за плывущимъ на неизмѣримой высотѣ облакомъ.

— О, это тяжелая исторія, сэръ. Дѣло въ томъ, что мой отецъ убилъ человѣка.

Господинъ испуганно вздрагивалъ и чуть чуть, такъ на полвершка, отодвигался отъ задумчиваго мальчика, говорящаго простымъ, ровнымъ тономъ столь ужасныя вещи.

— Убилъ человѣка? За что?

— Вы знаете, что такое Сити, сэръ?

— Чортъ его знаетъ! Ну!?

— Въ Сити былъ банкъ, да и сейчасъ онъ есть, такъ называемый, Голландскій Соединенный ".Мой отецъ сначала служилъ тамъ клеркомъ, а потомъ, благодаря своей честности, сдѣлался кассиромъ. И вотъ, однажды ночью, когда онъ пришелъ привести въ поря-

докъ немногого запутанные счета, онъ увидѣлъ фигуру, крадущуюся по коридору, по направлению къ кладовымъ, въ которыхъ хранилось золото. Отецъ спрятался и сталъ слѣдить... И кто же вы думаете это оказался? Директоръ банка! Онъ вошелъ въ кладовую, набилъ портфель золотомъ и банковыми билетами и только вышмыгнулъ изъ кладовой, какъ отецъ схватилъ его за горло. Отецъ понималъ, что если тотъ уйдетъ, то, конечно, вся вина за происшедшее падеть на отца... Отчаяніе придало ему силу. Произошла борьба, и отецъ задушилъ негодяя!.. Въ ту же ночь онъ пробрался домой, захватилъ меня, мы переплыли въ какой-то скорлупѣ Темзу и бѣжали въ Россію.

— Бѣдная твоя головушка — сочувственно говорилъ господинъ, трепля малютку по плечу — А гдѣ же твоя мать?

— Сгорѣла, сэръ.

— Какъ сгорѣла?!

— Однажды лондонскіе мальчишки облили керосиномъ на улицѣ большую крысу и подожгли ее. Въ это время мимо шла за покупками моя мать. Горящая крыса въ ужасѣ

бросилась матери подъ пальто, и черезъ минуту мать моя представляла собой пылающій факелъ...

Ребенокъ, печально свѣшивъ голову, умолялъ, а сердобольный господинъ чуть не рыдалъ надъ этимъ несчастнымъ сиротой, на котораго, казалось, былъ опрокинутъ цѣлый ящикъ Пандоры. . .

—Бѣдный крошка... Ну, пойдемъ я тебя отведу домой, а то и съ тобой случится что нибудь нехорошее.

Джимъ тихо усмѣхался.

— О, нѣтъ, сэръ. Со мной ничего не случится. Вы видите этотъ талисманъ? Онъ отъ всего предохраняетъ.

Малютка вынималъ изъ кармана деревянную свистульку и довѣрчиво показывалъ ее своему спутнику.

— Что же это за талисманъ?

— Мнѣ его дала одна старая татарка въ Крыму. Мы, я помню, стояли съ ней на высокомъ обрывѣ у самаго моря. И что же: только что она мнѣ его передала, какъ сейчасъ

же оступилась, изъ подъ ногъ ее высоко лъзнуль камень, и она полетѣла съ громадной высоты въ море.

— Чудеса! Прямо таки чудеса. Такъ ты вотъ здѣсь и живешь? Ну прощай, Джимъ, будь счастливъ, милый мальчикъ

Джимъ бодро взбѣжалъ по лѣстницѣ, а господинъ долго провожалъ задумчивымъ взглядомъ удивительного ребенка...

Такъ долго стоялъ онъ, что швейцариха съ подтыканной юбкой подходила къ нему и спрашивала:

— Вы къ кому?

— Я не къ кому... Скажите, кто этотъ мальчикъ, который взбѣжалъ сейчасъ по лѣстницѣ?

— Это сынишка Черепициныхъ, Костя. А что, развѣ?

— Какъ?! Развѣ онъ не англичанинъ?

— Съ какой это радости? Простой себѣ мальчишка. Нешто опять навралъ чего-нибудь?.. И сколько это его мать не муштруетъ, все безъ толку...

— У него развѣ есть мать? Она жива?

—Чего ей сдѣлается. Живехонька. Только вгонить онъ ее въ гробъ своей брехней, помяните мое слово. И что это за врущій такой мальчишка, даже удивительно!.. По всей улицѣ его ужъ знаютъ за такого, накажи меня Богъ.

II.

На продолжительный Костинъ звонокъ дверь открывала горничная Ульяша.

—Гдѣ это вы, Костенька, шатались до сихъ поръ?

—На улицѣ задержался. Тамъ нашего дворника Степана автомобилемъ переѣхало, такъ я смотрѣлъ. Погляди, у меня сзади башмакъ не въ крови? ..

—Какъ переѣхало?! Степана?! Совсѣмъ?

—Да. Дѣло въ томъ, что лошади взбѣсились и понесли какую-то красивую барыню, а Степанъ бросился, схватилъ ихъ подъ уздцы...

—Ну, что вы, Костенька, врете: то лошадь, то автомобиль... Вѣчно какую нибудь юрунду размажете.

—Нѣтъ, не ерунду. Эта графиня сказала что если его вылѣчать, она выйдетъ за него замужъ,

—Ладно тамъ. Врите больше, Обѣдъ уже совсѣмъ застылъ. Мама уѣхала, а старая барыня ждетъ васъ.

Покачиваясь на тонкихъ ногахъ, Костя дѣлалъ таинственное лицо и шелъ въ столовую.

—Ты чего опаздываешь? — обрушилась на него бабушка. — Гдѣ носило?

—Да я ужъ часъ назадъ былъ у самыхъ нашихъ дверей, да пришлось пѣвернуть обратно. Очень интересная исторія.

—Что тамъ еще?

—Понимаете, только что я подхожу къ нашимъ дверямъ, смотрю: двое какихъ то стоять, возятся надъ замочной скважиной. Одинъ говоритъ другому: «Воскъ крѣпкій, оттискъ не выходитъ», а тотъ, что пониже, отвѣчаетъ: «Нажми сильнѣе, выйдетъ.»

—Костечка! — со стономъ всплескиваетъ руками бабушка — Да вѣдь ты врешь? Опять врешь?!

— Ну, хорошо, ну, пусть вру, — саркастически усмехается Костя. — А вотъ когда заберутся, да стянутъ у насъ все, да прирѣжутъ насъ, тогда будете знать, какъ вру. Мнѣ что: мое дѣло—сказать...

Бабушка мечется въ безысходномъ отчаяніи:

— Костечка, да вѣдь ты врешь! Вѣдь, по глазамъ вижу, что сейчасъ только выдумаешь?

— Выдумалъ?— медленно говоритъ Костя такимъ тономъ, отъ котораго дѣлается жутко. — А если я вамъ этотъ кусокъ воска покажу ... тогда тоже выдумалъ?

— Какъ же онъ къ тебѣ попалъ?

— Очень просто: они сѣли на извозчика, я прицѣпился сзади, а когда мы пріѣхали на окраину города, я пробѣжалъ мимо низенькаго, будто нечаянно толкнулъ его, и въ это время вынуль изъ кармана оттискъ. Вотъ онъ!..

Изъ кармана извлекается та же деревянная свистулька и издали показывается подслѣповатой бабушкѣ.

Сердце бабушки терзаетъ сомнѣніе: конечно вретъ, а вдругъ — правда?.. Бываютъ же тѣкіе случаи, что дѣлаютъ оттиски съ замочныхъ скважинъ, забираются и убиваютъ... Еще вчера она читала о такомъ случаѣ... Надо, на всякий случай, сказать Ульяшѣ, чтобы закрывала ночью дверь на щелочку.

— Позови ко мнѣ Ульяшу!..

Костя послушно мчится въ перднюю и испуганно кричитъ Ульяшѣ, разговаривающей съ кѣмъ то по телефону:

— Ульяша?! Опять забыла завернуть на кухнѣ кранъ отъ водопровода! Полная кухня воды, уже всѣ вещи въ окно плывутъ...

Телефонная трубка со стукомъ ударяется объ стѣнку, Ульяша, опрокидывая все на свое мѣсто, мчится на кухню.

Черезъ минуту тяжелая сцена:

— Костенька!! Вы опять соврали? Опять выдумка? Вотъ ей Богу, нынче же расчетъ возьму, не могу больше служить...

— Мнѣ показалось, что вода течетъ, — робко оправдывается Костя, глядя на разъя-

ренную девушку молящими глазами. — Мнѣ шумъ воды слышался...

Богъ его знаетъ, этого кроткаго, безобиднаго ребенка. Можетъ быть, ему, действительно показалось, что два господина, мирно закурившіе на ихъ площадкѣ папиросу — на самомъ дѣлѣ пытались снять восковые слѣпки съ замковъ.

III.

Вечеромъ Костя сидѣлъ у письменнаго стола въ кабинетѣ отца и широко открытыми немигающими глазами глядѣлъ на быстро мелькавшіе среди бумагъ отцовскія руки.

— Ты гдѣ былъ нынче, Костя? — спросилъ отецъ.

— Въ скверѣ.

— Что тамъ видѣлъ хорошенькаго?

— Видѣлъ маму Лидочки Прягиной.

— Что ты, чудачина! вѣдь Лидочкина мама умерла.

— Вотъ это - то и удивительно. Я сижу на скамейкѣ, а откуда-то изъ за кустовъ,

вдругъ такое сѣрое облако... Ближе, ближе — смотрю Лидочкина мама. Печальная такая. Страшно быстро подбѣжала къ Лидочкѣ, положила руку ей на голову, погрозила мнѣ пальцемъ и тихонько ушла.

— Та-а-а-къ-съ, — протянулъ отецъ, глядя на сына смиѳющимися глазами. — Бываетъ.

— Что это у тебяза бумага? — освѣдомился Костя, заглядывая черезъ плечо отца. — Пистолетъ нарисованъ.

— Это? Это, братъ, счетъ, изъ оружейного магазина. Я револьверъ покупалъ для нашего банка.

— Револь...веръ?

— Да нашему артельщику, который возитъ деньги.

— Револьверъ?

Широко открытыми, немигающими глазами глядѣлъ Костя въ улыбающееся лицо отца. Его мысли укѣ гдѣ-то далеко. А по лицу мимолетными неуловимыми тѣнями скользили какія-то легкія еле намѣченныя, какъ паутина, мысли.

Онъ вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста и поспѣшно, неслышными шагами выскользнулъ изъ кабинета. Какъ вихрь, промчался черезъ двѣ комнаты и, какъ вихрь, съ растрепанными кудрями влетѣлъ въ комнату мирно работающей за столомъ матери.

— Мама! Съ папой нехорошо!!!

— Что такое? Ч-о?!

— Я вхожу къ нему, а онъ лежитъ у стола въ кабинетѣ на коврѣ и около него револьверъ валяется... На лбу пятнышко, а въ комнатѣ пахнетъ какъ то странно...

Дикій страшный крикъ отвѣтомъ ему.....

— Ну, что я съ нимъ буду дѣлать? —
плачеть мать, глядя почти съ ненавистью на
Костю, испуганного, робко, какъ птичка въ
непогоду, прижавшагося къ могучему плечу
отца. — Вѣдь этотъ мальчишка своей ложью,
своими выдумками можетъ цѣлый домъ съ-
ума свести. Горничная его ненавидитъ, а дѣ-
ти его гонять отъ себя, какъ паршивую со-

бачонку. Прямо какой-то жуткий ребенокъ. Ну ты себѣ можешь представить, что съ нимъ будетъ, когда онъ вырастетъ!!

— Къ сожалѣнію, представляю, — вполголоса говоритъ отецъ, прижимая къ плечу каштановую, растрепанную голову неудачливаго своего сына. — Вырастетъ онъ, и такъ же его будутъ гнать всѣ отъ себя, не понимать и смеяться надъ нимъ.

— Да что жъ онъ будетъ дѣлать, когда вырастетъ?!

— Милая, — скорбно говоритъ отецъ, качая сѣдѣющей головой. — Онъ будетъ —поэтомъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введеніе	5
Руководство къ рожденію дѣтей .	21
Подъ столомъ	32
Три жолудя	47
Душистая гвоздика	57
Куличъ	84
Разговоръ въ школѣ	71
Продувной мальчишка	84
Костя	97

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

ПАНТЕОН
СОВЕТОВ
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

на все случаи жизни,
а именно:

Как иметь успех у прекрасного пола, как
держать себя на званном обеде, а также, —
как держать себя на свадьбе, на похоронах,
как изготовить себе журнальную „смесь“
с приложением
пасхальных советов, советов начинающим
полководцам и советов для рассказчиков
анекдотов.

Книга сия сопровождена предисловием
автора на предмет указания веса,
значения и пользы
„Пантеона“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АРБАТ“
БЕРЛИН
1924

ПАНТЕОН СОВЕТОВ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

и л и

вернейшие способы,
как иметь успех
в жизни

ОТ АВТОРА

Молодые люди! Я вижу — некому о вас по-заботиться по настоящему... Вас с детства учат истории, географии, геометрии и тригонометрии, но скажите по совести: разве все эти науки помогают вам в обычной вашей светской и сердечной жизни? Нужна ли вам тригонометрия, когда вы об'ясняетесь в любви дорогой вашему сердцу женщине. И зачем вам география, если вас пригласили на свадебный обед или на похороны вашего друга, или вы приступили к изложению смешного, для забавы общества, анекдота?...

Светская жизнь — очень хитрая запутанная штука, и не всякому удается проникнуть в ее прихотливые изгибы и завитушки.

Я проник! Я проник во все: и в психологию хорошенъкой женщины, и в психологию жени-

ха и даже в психологию тетки жениха с материнской стороны. Я могу заботливо сопровождать вас по скользкому житейскому пути, деликатно поддерживая под руку, чтобы вы не шлепнулись носом о-мать-сыру-землю.

Я все могу.

Вы желаете сделаться журналистом и составлять заметки, которые вызовут сенсацию — пожалуйста. Я вас научу этому. Желаете сказать речь над могилой вашего друга, — говорите. С моей стороны никаких препятствий — сплошная поддержка. Вы — скажем — тщеславны в военном смысле слова и желаете сделаться полководцем... Кто вас научит этому? кто наставит — как не я — ваш вечный, ваш мудрый, ваш неизменный друг.

Вот оно, какие дела.

Ну, всего хорошего — желаю вам успеха.

Арк. Аверченко.

УМЕНИЕ ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ И НА ЗВАННОМ ОБЕДЕ

Как часто видим мы, что человек — даже способный, даже талантливый — проигрывает в жизни только потому, что не умеет держать себя в обществе. . .

Один известный нам господин — автор гениального труда «Нравы и привычки ихтиозавров» погиб во мнении приличного общества только потому, что однажды на официальном обеде не только резал спаржу вилкой, но еще и пил ликер из большой рюмки, как известно пред назначенной для белого вина, а, высосав тремя мощными глотками весь ликер — утер губы краем пышного газового рукава своей дамы, хотя для этой цели у него был под самым носом край скатерти.

Человек, изумительно изучавший нравы и привычки ихтиозавров — не знал нравов и привычек светского общества — и общество это су-

рово на другой же день закрыло перед ним двери.

Конец его был ужасен. Осматривая однажды с научной целью мыльный завод, он нечаянно упал в котел с кипящим мылом и сварился там, как курица в супе.

Читатели! Если не хотите, чтобы вас постигла такая же участь — изучите нижеследующие советы, как держать себя в обществе, и следуйте им. Советы эти пригодны для любого общества — даже для «Общества Шкодовских заводов» или «Общества кролиководства», учрежд. в 1895 году.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД.

Получив приглашение на званный обед, вы отнюдь не должны тащить на этот обед всех ваших приятелей, не получивших приглашения, — радушно уговаривая их:

— Да пойдем, господа! Какого дьявола вы ломаетесь. Они ребята хорошие — всех накормят.

Явиться вы должны только в том количестве, которое указано в приглашении, и явиться вы должны только за 15 минут до указанного вам

часа. А то другой светский молодой человек способен забраться к хозяевам званного обеда — вечером предыдущего дня, захватив с собой халат и ночные туфли и мотивируя свой поступок так:

— Я, знаете, уж решил пораньше... Чтоб и переночевать у вас. А то — знаю я ваших гостей — опоздай на пять минут, так они родного отца слопают, не только обед.

Форма одежды — фрак или смокингъ. Пиджама — даже из дорогого тончайшего шелка — не произведет на присутствующих того впечатления, на которое она рассчитана в других случаях...

Войти вы должны чинно, не запыхавшись и не восклицая испуганно еще в передней:

— Не опоздал я?! Вот - то волновался!!
Все время подгонял вагоновожатого трамвая...

О трамвае не принято говорить в обществе. Самое лучшее — это дома вычистить брюки бензином, а когда гости потянут подозрительно носом воздух, беззаботно заявить:

— А я сейчас свой новый автомобиль пробовал!

В передней, очень рекомендуется для хорошего тона потрепать снимающую с вас пальто

горничную по щечке и щипнуть за подбородок... С лакеем это делать не принято, равно, как и с хозяйкой, хотя щечки и подбородок были бы у нея самые располагающие к этому игривому жесту.

Войдя в гостинную, вы не должны осведомляться с лихорадочным любопытством:

— А что у вас сегодня готовили на обед?

Самое лучшее завести светский разговор или похвалить хозяйствских детей, которые, обыкновенно, до обеда вертятся тут же.

Впрочем, и о детях нужно говорить с толком...

Нам известен один господин, который не нашел ничего лучшего, как пошевелить носком сапога возившагося на ковре малютку и, зевая, спросить хозяйку:

— Ваш ребеночек?

— Мой, — расцвела хозяйка.

— От кого?

— Что значит — «от кого?» — смутилась хозяйка. — От мужа!

— Ну-да! Все вы так говорите. Неужели, от мужа? Вот не думал! А мальчишка — вылитый секретарь вашего супруга. Здравствуй, секретаренок!

Вместо такого безтактного разговора — самое лучшее — это восхищаться ребятами, для чего особого ума не требуется:

— Ваш сынишка? Какая прелесть!! Говорит уже?

— Помилуйте — ему десятый год.

— Да вы что? Гениальный ребенок! В университете?

— Куда ж ему — он еще маленький.

— Совершенно верно — совсем грудной!

Пусть этот разговор бессмысленен, но от него так и пытет хорошим тоном.

Когда посреди этих светских разговоров лакей возвестит: «Кушать подано», не рекомендуется, перепрыгнув через кресло и оттолкнув стоящую на пути даму, мчаться с воинственным кличем в столовую. Подобный искренний порыв нужно затаить в глубине души, а вместо этого, сделав равнодушное лицо и мило упрекнув хозяйку: «Ах, зачем вы, право, тратитесь!» — предложить даме руку:

— Осчастливьте меня разрешением быть вашим соседом.

На суп рекомендуется не набрасываться с торжествующим ревом, а есть его тихо. Некоторые имеют пагубную привычку втягивать суп губами

из ложки с таким свистом — будто бы вблизи работает паровозный поршень. Один англичанин рассказывал пишущему эти строки, что они ходили компанией для развлечения в один лондонский отель «слуша́ть, как иностранцы едят суп». Читатели — запомните этот ужас!!

Не рекомендуется также есть мясо или другую какую пищу с ножа, хотя бы после этого на губах порезов и не наблюдалось.

В книге «Светский тон» ясно сказано:

— ...Дали тебе, подлецу, вилку — так ты и ешь вилкой.

Жестоко, но верно.

Во время обеда не следует задавать хозяйке меркантильных вопросов, вроде:

— Почем покупали рыбу?

И если даже хозяйка ответит:

— По 5½ марок.

Не следует просить моляще:

— Ну, дайте мне еще кусочек пфеннигов на шестьдесят!

Когда подадут десерт — не надо спрашивать разочарованно хозяйку:

— Уже сладкое? Это и весь обед?! А я думал — еще цыплята будут!... Знал бы, так лучше к Мамевкиным пошел!...

Мы знали таких рассеянных гостей, которые, пообедав, стучали ножем о тарелку и бодро кричали:

— Человек! Счет!

От этого следует удерживаться, хотя в глубине души такой результат обеда и был бы приятен хозяевам дома...

Уходить нужно не сразу после обеда, дожевывая в передней грууру. Посидите еще минут 20 и только потом, как будто случайно взглянув на часы, озабоченно вскрикнете:

— О, ля - ля!! Уже седьмой час... А меня на заседании ждут.

Уходя, не забудьте поцеловать руку хозяйке и дайте горничной на чай. Если перепутаете эти два светских поступка — то вызовете тем неудовольствие и хозяйки, и горничной...

Со своей стороны рекомендуем хозяевам провожать гостей до ~~самой~~ передней...

Во первых, это вежливо, во вторых, и гость не утянет вместо своего — чужое пальто.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА СВАДЬБЕ.

Самая существенная разница между свадьбой и похоронами та, что на похоронах плачут не-

медленно, а после свадьбы только через год. Впрочем иногда плачут и на другой день.

В великосветских кругах празднуют только свадьбу. Развод не принято праздновать. Хотя, радости во втором случае, конечно, больше.

Нижеследующие советы — как держать себя на свадьбе и на похоронах — очень пригодны, как вообще, для пытливого ума читателя, так и для тех людей, которые без подобного руководства способны заплакать на свадьбе или заплакать на похоронах.

Положение жениха на свадьбе неизмеримо затруднительнее, чем положение приглашенного гостя: гость, в крайнем случае, может и не приехать, а отсутствие жениха в венчальной процедуре иногда основательно омрачает общее венчалье.

Впрочем, я знал жениха, который перед самой свадьбой заявил с беззаботным видом своей невесте:

— «Я на часок поеду по делам. А если опоздаю в церковь — начинайте без меня».

Если я скажу, что жених этот был почетным членом Археологического Общества — читатель не будет очень удивлен вышеприведенным бессмысленным заявлением.

Итак — «вернемся к нашим барапам», как говорят французы. Вернемся к жениху.

Если выразиться возвышенным слогом, — положение его самое дурацкое. Представьте себе молодого человека с растерянным, искаженным лицом, бледного, с трясущимися руками, заключенного в черный фрак и в цилиндр, замкнутого в белый шелковый жилет, зажатого в лаковые ботинки, выслушивающего идиотские поздравления и шуточки друзей, наставления родителей и безмолвное остоубенелое, истерическое любопытство пол-дюжины горничных, прачек с ближайшего квартала и мальчишки из бакалейной лавки — забравшихся спозаранку в церковь, чтобы «видеть жениха и невесту».

Один очень культурный умный человек рассказывал мне, что для него было самым трудным в жизни — это выдержать инквизиторский осмотр нескольких горничных и мальчика продавца папирос, которые (не папиросы, а эта публика) подвергли его в церкви ураганному огню перекрестных взглядов и критических замечаний.

— «Бедненький, — вздохнула пожилая кухарка — такой молоденький! Губы-то как трясутся, не сладко, поди, ему!

— А ты думаешь! У нас, намедни, в лавочке,

говорили, что невеста то — чужая жена. Застал их муж — да пистолетом и уговорил его жениться.

— Да что ты! А он хорошенький...

— Тоже — нашла красоту. Одна ноздря и больше ничего.

— Свинячий жених, — строго осудил папироcный мальчишка, толкнув горничную в грудь локтем, чем снискал полное ее сочувствие.

От этой падкой на зрелища публики не скроется ничто. Малейший штрих будет осмотрен острыми глазами и обсужден:

— У невесты — то гляди, гляди!... Глаза красивые.

— Нос у нее красный, а не глаза.

— А губы намазала так, что краска сыпется.

— А у жениха сбоку лаковый башмак лопнул! Хи-хи. Видали!

Я лично думаю, что под такими инквизиторскими взглядами сам Мунэ-Сюлли не мог бы сохранить присутствие духа и импозантность...

Знавал я женихов, которые в этих случаях или прятались, смущенные, в церковный притвор, или (что еще хуже) пытались с наружной беззаботностью настыривать веселую мелодию.

Вернемся к свадебному гостю.

Главное, что от него требуется — это неувядаемая жизнерадостность и умение сказать во время свадебного пира приличный случаю тост.

На свадьбу он должен явиться также во фраке, в белом жилете и в белых перчатках с веселым лицом, даже в том случае, если он только что вернулся с похорон любимого друга.

В руках — букет белых роз (хотя бы и стащеный украдкой с гроба того же безропотного друга).

Подлетев к невесте и передавая ей букет, гость должен сказать небольшую речь:

— Дорогая такая то, пусть эти чистые невинные цветы будут залогом вашего чистого будущего счастья и символом вашей нынешней невинности и целомудрия...

Последние слова можно говорить даже в том случае, если невеста до свадьбы прожила десять лет на иждивении владельца дровяного склада...

Подаренный букет нельзя отбирать обратно, хотя бы за свадебным пиром вас обнесли мороженным или подсунули кислое вино.

А то человек, одержимый мелким самолюбием, может перед уходом подойти к невесте и заявить на ухо:

— Ну, и накормили! Ну, и напоили! Не вино, а уксус. Я вам там дал букет, так вы его, голубушка, верните-ка мне обратно. У меня через два дня еще одна свадьба. Полью букетик водичкой — и опять он, голубчик, у меня в работу...

Застольные речи на свадьбе — очень тонкая штука. Нужно сказать так, чтобы никого не обидеть, что бы всем было приятно.

Я помню то неблагоприятное впечатление, которое произвела речь сатирически настроенного гостя на свадьбе одного моего знакомого:

— Ну,-с, сказал он. — Позвольте и мне поздравить новобрачных. Я бы мог пожелать жениху долгой жизни, если бы не боялся, что тот... гм! гм! образ жизни, которой жених вел до брака — сделает мое пожелание совершенно бесполезным. Ох, нужно тебе, Вася, заняться своим здоровьем, ох, как нужно! Я бы мог пожелать невесте пару хорошенъких деток, если бы она уже не поторопилась до свадьбы наполовину исполнить мое это пожелание!... Поздравляю я также и родителей невесты! И есть с чем поздравить! Экую обузу с плеч свалили... Правда, домик, что дали мужу в приданое,строен в полтора кирпича, да и фундамент уже осел от сы-

рости, но так как, полагаю, дом этот будет немедленно заложен сияющим новобрачным — так о чем же тут говорить?!. Желаю я счастья и уважаемой матери жениха. Льщу себя надеждой, что сын ея не будет поступать так со своей женой, как его папаша, разбивавший о голову своей супруги любые предметы стеклянного производства, находившиеся в районе военных действий. Рад я и за двух теток невесты — наконец-то и они поедят сегодня, как следует, да и не только поедят, а еще и дома что-нибудь останется... Хотя должен предупредить, что сунутые в ридикюль две столовых ложки суть не серебряные, а фраке... Хе-хе — ошибочка, тетеньки, вышла... Я кончаю, господа! Пью за здоровье всех присутствующих и очень сожалею, что большинство из них не может мне ответить тем же, потому что публика уже налилась до краев... Ур-ра!!!

Констатирую, что эта речь не только не имела успеха, а, наоборот, в прихожей при раз'езде неизвестный оппонент ударил оратора по голове эмалированной плевательницей...

Во избежание таких недоразумений я предлагаю образец вполне благопристойной свадебной речи, которая должна удовлетворить многих:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я вижу под сенью этой крыши цветущую молодость и мудрую старость, которые соединились здесь роскошной причудливой гирляндой. Что же за день такой, что это за событие?! Вы скажете — очень просто: Петр Николаич женится на Верочки и берет за ней сорок пять тысяч приданного, не считая перин и столового серебра... О, господа! Как вы поверхностно смотрите на то, что здесь происходит. Перед вами, господа, творится великая тайна — тайна зарождения будущей плодотворной ячейки, из которых составляется государство!! (Одобрение присутствующих.) Петр Николаич исполнил, наконец таки, свой долг перед государством и перед обществом. И если вы посмотрите на очаровательную невесту, то скажете: «И какой приятный долг!» Да, господа... я и сам был бы не прочь... гм... гм... (Общий смех, рукоплескания). Но для меня путь этот закрыт, отчасти потому, что я — закоренелый женоненавистник, отчасти же потому, что, к сожалению, я уже женат 18 лет... (Движение на левой, где жена оратора.) Господа! Я поднимаю тост за жениха, за этого мужественного благородного человека и прекрасного друга, я пью за невесту, которая, дожив до 19 лет,

ухитрилась донести до семейного очага свою чистоту и невинность, я пью за будущих детей, которые, если унаследуют характер своих родителей — будут сплошь членами парламента и министрами-президентами!! И за родителей невесты я пью, за родителей, щедрой рукой (45 тысяч и 3 перины) снабдивших цветущую пару земными благами... (Восторг родителей, апплодисменты...) Пью я и за престарелую тетку жениха, которая сумела вынести под сердцем такое сокровище, как ея сынишка Федя, из скромности уже полчаса, как скрывшийся и лежащий под этим обильным столом... И, наконец, последний мой тост за того неизвестного мне господина, который, пролив красное вино на скатерть, усиленно засыпает пятно солью — это настоящий друг семьи, который ни в чем не нанесет ущерба... (Аплодисменты, крики переходящие в овацию).

Здесь оратор должен отпить из своего бокала и шаловливо крикнуть «Горько», что, как известно, по русскому обычаю, влечет за собой поцелуй жениха и невесты, чтобы «подсластить» это горькое вино.

Этот русский обычай применяется только на свадьбе. Впоследствии он видоизменяется: уже не муж с женой целуется, когда посторонний го-

сподин кричит «горько», а посторонний господин целует его жену, и кричать «горько» приходится мужу...

Но вот свадьба окончена. Все безусловно должны раз'езжаться по домам, и нельзя напршиваться переночевать в комнате новобрачных, хотя бы на том основании, что я «старый друг и не могу стеснить»...

* * *

Следующий очерк, «Как держать себя на похоронах» я напишу, если к тому времени не буду занят на собственных похоронах.

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ НА ПОХОРОНАХ.

В смерти есть тайна. Поэтому, к похоронам нужно подходить благоговейно, деликатно. Шутки здесь неуместны. Меня почему то считают юмористом, но я умею быть серьезным.

Меня однажды очень обидели слова моего друга писателя, с которым мы встретились на каких-то похоронах... Увидев меня, он подошел и сурово спросил:

— Зачем вы здесь?

— А почему же мне не быть здесь?!

— Гм. Что же здесь смешного?!

Этот грубый человек забыл, что у меня, кроме смеха, есть еще и сердце. На упомянутых похоронах я рыдал так, что дал вдове сто очков вперед, а на кладбище обскакал ее на две головы, закатив такую истерику, что распорядитель попросил меня выйти вон, чтобы не нарушать благолепия церемонии.

— Попробуйте только меня тронуть, — кротко возразил я распорядителю. — Сами покойником будете!

И я остался, и я говорил речь на могильной насыпи и эту речь я считаю одним из лучших своих литературных произведений.

— Кого мы хороним?!. — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом.

На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что «хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм»...

Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза всегда говорится ораторами для разгона.

— Кого мы потеряли?! — взвывал я (промолчали и на этот вопрос) — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого! Ты среди нас сиял, как солнце... (по правде сказать, сиял не весь покойник, а только самая верхушка — лысина, но фраза вышла очень звучная... Правда?) Ты озарял этими лучами всех, кто тебе был близок (жену, любовницу и четырех детей от той и от другой), ты своим талантом поднимал и украшал русскую промышленность и торговлю (покойник имел скобяной и москательный магазин) и вот — ты на небесах оказался нужнее, чем на этой грешной земле, и Всевышний потребовал тебя к себе (удар пивной бутылкой по темени в трактире «Балканы» ускорил это желание Всевышнего).

Так спи же, Игнатий — ты, чудный человек, отец и гражданин!! Земля тебе пухом, и пусть ангелы небесные охраняют последний кров твой... не тяните за рукав, — пальто порвете!.. (Последняя фраза относилась, конечно, к распорядителю, который сгонял меня с могилы, не могши перенести моего шумного успеха)...

Вот случай, который доказывает, что бывают моменты, когда и я умею быть серьезным и, поэ-

тому, о похоронах я буду писать с полным знанием дела.

* * *

Вы, скажем, узнаете, что умер ваш приятель. Вы надеваете на рукав креповую повязку (она стоит совсем гроши) и, выработав себе перед зеркалом выражение лица, полное тихой скорби и уныния, отправляетесь к вдове покойника.

Она, прижав платок к глазам, спросит:

— Слышали вы, какое у меня горе?

Отвечайте:

— Да, да. Вполне разделяю вашу скорбь. Но... ему там лучше будет...

Лучше или хуже — это неважно, но вышеуказанные слова очень успокоительны. Можете еще добавить:

Бог дал, Бог и взял.

Или:

Все под Богом ходим.

Если вдова осведомится у вас для порядка:

— На похоронах будете?

Не надо расшаркиваться и радостно воскликнуть:

— Я — то? Да с наслаждением! За удовольствие почту!

Надлежит свесить голову и скорбно ответить:
— Это мой долг.

Тут к вам подойдет другой сочувствующий, и, так как говорить о чем-нибудь постороннем, вроде премьеры в «Варьете» или биллиардном проигрыше в близ лежащей пивной — не принято, то он скорбно осведомится:

— Будете на похоронах Ивана Николаевича?
Вы не должны задорно возражать:
— Вот еще, с какой стати! А он на моих похоронах будет?...

Ибо перед отверстой могилой умолкают все мелкие светские счеты визитами...

* * *

На кладбище идите с печально опущенной головой, изредка вздыхая и покачивая ею; перемигиваться со встречной барышней — хотя бы и царственно прекрасной — не следует. Если устанете — можете влезть в медленно движущуюся сзади карету. Если все кареты уже заняты — не пытайтесь взлезть на катафалк к по-

койнику, хотя бы под тем предлогом, что вы с ним были на «ты». Будет время — еще успеете наездиться в катафалке.

В момент последнего печального обряда, зорко следите за вдовой, потому-что эта публика любит рваться к отверстой могиле и кричать: «пустите меня к нему»!

Вы должны ловко подхватить ее под руку и успокоительно шепнуть:

— Куда вы? Ведь покойник изменял вам на каждом шагу и в пьяном виде бросал вам в голову все предметы домашнего обихода. Вспомните-ка! Да и ваши отношения с репетитором сынишки таковы, что лучше я вас к нему пущу, к репетитору. Хотите?

Эти правдивые слова могут пролить бальзам на самое измученное, разбитое сердце.

Речей старайтесь не говорить, потому-что вам до меня далеко, и такую речь, какую произнес я на могиле скобяного Игнатия — вам произнести не удастся.

Пусть говорят другие, а вы стойте в стороне и учитесь. Еще один совет: если произнесенная кем либо прочувствованная речь привела вас в восторг, пожалуйста не аплодируйте и не кри-

чите одобрительно «бр-раво! Бис!! Ловко, шельмец, зашпаривает! Помните — здесь ви-тает душа усопшего, да и распорядитель по голов-ке не погладит.

Вообще, похороны — вещь серьезная, и ничто не должно нарушать их строгой величавости... Когда пьяный механик в кинематографе, демонстрируя похороны какой-нибудь знаменитости (я это видел однажды) — начинает вертеть ручку аппарата шибче, чем нужно — получается зрелище совершенно непристойное: впереди радостно скачут священники, будто Максы Линдеры, убегающие от погони, за ними резвой рысью летят погребальные лошади, увлекая молниеносно мчащийся катафалк, а сзади стремительно несутся друзья покойного, будто опасаясь пропустить поминальный обед.

В довершение всего, пианист, сослепу, не разобрав в чем дело, начал с треском наигрывать очень милую в других случаях песенку:

Сегодня я не в духе,
Ужасно колет в ухе,
Вчера один нахал
Мне ухо искусал!...

и, таким образом, все благолепие и пышность по-гребального обряда свелись в упомянутом мной случае на нет.

В петербургской хронике имеется факт, еще неприличнее — петербуржцы и до сих пор помнят его: везли однажды по Садовой покойника — и вдруг из за угла стремглав выскочил трамвай; налетев на катафалк, опрокинул его, выбросил на мостовую гроб, и вдруг все с ужасом заметили, что из гроба вылез покойник и, потирая ушибленную ногу, завопил:

— Черти полосатые! Ездить не умеете. Мало вас, скотов, штрафуют.

Это непредвиденное обстоятельство совершенно испортило похороны: покойник, заботливо и хозяйственно собрав остатки дорогоого дубового гроба, уехал на извозчике домой, духовенство и провожавшие сконфуженно рассеялись кто-куда, пустую могилу пришлось засыпать, а вторую половину поминального обеда выбросили — испортилась, хотя все радостное семейство покойного и загубило себе желудки первой половиной.

Я бы не хотел умереть так двусмысленно.

* * *

Кстати, о поминальном обеде.

Мне часто случалось присутствовать на таких обедах, и должен сознаться, что они проходят превесело...

Я так и не мог докопаться до разгадки этой странности: то-ли — вернувшиеся с похорон рады, что не их закопали, то-ли они довольны, что развязались таки, наконец, с никому ненужным мертвым телом, а может быть, вкусная закуска с выпивкой веселит все сердца, — не знаю; но я заметил, что все на поминальных обедах бывают очень оживленны и, пожирая пироги и закуску, не успевают даже бросить вдове или врачу небрежную обязательную фразу:

— Там ему (или ей) лучше будет!

Или:

— Бог дал, Бог и взял.

Не до того друзьям. Кончают иногда и тем, чт поднимают тост за здоровье усопшего, рассказывая препикантные анекдоты из его сердечных похождений...

Забавная скотина — человек. Веселая скотина.

* * *

В заключение, я должен сознаться в своей неопытности в одном смысле: я прекрасно знаю ритуал обыкновенных старинных похорон: с гробом, катафалком и могилой, но теперь пошла мода на сжигание трупов в крематориях — и как при этом нужно себя держать — совершенно неизвестно.

Ритуал еще не выработался, не окостенел.

Вообще, я против таких похорон.

Один очень скромный достойный молодой человек со скорбью и ужасом рассказывал мне, как он вычистил собственные зубы собственной бабушкой.

Приехал он к родным, когда бабушку уже сожгли в крематории по новой моде, погоревал с полдня (много ли нужно для старушки), а вечером отошел ко сну... Проснулся рано утром, приступил к умыванию — хвать-похвать — зубного порошка нет.

Стал шарить по комнате — видит на подоконнике стоит сигарная коробка, а в ней — полно пепла.

Вспомнил, что пеплом тоже хорошо чистить зубы — вычистил.

А к чаю, когда за столом собралась вся семья — мать его и говорит:

— Слава Богу, наконец-то мраморщик привез заказанную урну!...

— Какую урну?

— А для бабушки. Пепел в урну положим. А то держать его в сигарной коробке — прямо таки неуважение к покойнице!

Читатель, может быть, усомнится. Но клянусь честью — это факт.

Жизнь любит иногда подшутить и посмеяться даже над смертью.

Видел же я в городе Орле наклейку на окне одного гробовщика:

— «Здесь продаются модные гробы «Танго»...

Смерть опошили, начиная с гроба и кончая траурной креповой повязкой на руке. Еще счастье носителей повязок, что ширина повязки не должна быть прямо пропорциональна скорби об усопшем.

А то — многим пришлось бы перевязать руку черной швейной ниткой.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПОЛКОВОДЦАМ

(Как выигрывать войны).

ВВЕДЕНИЕ.

Теперь, когда почти весь мир грозно брякает оружием, когда международные тучи сгостились до невозможности — мои советы начинающим полководцам — должны сделаться настольной книгой для всякого неопытного полководца...

Все мы знаем, что у всякого военачальника во время войны есть только одно безудержное стремление: победить врага!

Но как это сделать, с чего начать и чем кончить? Неопытный человек решительно не знает.

А неопытность — в военном деле — ужасная вещь.

Пока такой человек раздумывает, да примеривается, да взвешивает — у него постепенно от-

бирают крепости, потом броненосцы, забирают в плеч всех солдат, и вот наш неопытный полководец в один прекрасный день видит себя одиноко сидящим на лошади или миноносце, размахивающим победоносно золотым оружием «за храбрость», — но без войска броненосцев и крепостей.

Что остается делать такому полководцу?

Извиниться перед родиной — выйти в отставку и заняться выпиливанием по дереву, игрой на скрипке или коллекционированием почтовых марок — три поприща, которые почему то привлекают сердца всех неудачников...

Чтобы этого не случилось — я позволяю себе дать ряд полезных советов и указаний на предмет:

— «Как вести войну».

КАК НАЙТИ СРЕДСТВА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

Надлежит изготовить в главном штабе около десятка планов мобилизации, расположения крепостей, диспозиции и статистических данных о количестве и месте расположения ваших войск. Все изготовленное поручить наиболее растороп-

ному и плутоватому чиновнику штаба продать соседним державам, содрав с них за такой лакомый кусок несколько десятков миллионов..

Вообразите же себе удивление и злость этих держав, когда все планы и сведения окажутся фальшивыми, а вы имеете лишних несколько миллионов для ведения победоносной войны...

КАК ОБЕЗОПАСИТЬ СВОЮ СТРАНУ ОТ ВТОРЖЕНИЯ ВРАГА.

Наиболее действительным можно признать следующий способ: на границе устанавливается ряд деревянных столбов через каждую сажень с прибитыми к верхушке каждого столба дощечками, на которых написано:

— «Вход посторонним строго воспрещается».

Можно легко представить себе ярость и бессильный гнев противника, когда он, дойдя до этой естественной преграды, — остановится и, потоптавшись на месте, должен будет уйти восвояси...

Некоторые стратеги, кроме того, советуют еще применять способ с зеркалом, заключающийся в следующем: на поле устанавливается громадное, в несколько верст, зеркало: неприятель, победоносно шагая по полю, вдруг видит против

себя другого неприятеля, шагающего ему на встречу не менее победоносно...

Тогда настоящему неприятелю ничего не остается сделать, как повернуться и убежать от своего собственного отражения.

Мы не рекомендуем этого способа по одной причине: а вдруг неприятель не испугается, а начнет стрелять... Что тогда? И хитрость будет раскрыта, и дорогое зеркало испорчено.

Нет, это не научный способ, это — утопия.

ПЕРВЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

Выследив место расположения неприятеля, вы начинаете возводить вокруг него высокую крепкую стену. Сначала неприятель будет только радоваться этому, видя в такой стене удобную крепость для себя. Но радость его — преждевременна.

Ясно, что когда вы замкнете неприятеля этой стеной, он очутится как в ловушке, и ему ничего не останется, как сдаться на позорных условиях или помереть с голодухи.

ВТОРОЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

(Бескровный)

Для задуманной вами цели нужен специальный человек, но мы полагаем, среди вашей многочисленной армии найти его не трудно. Вы даете ему инструкции, он идет к аванпостам и заявляет, что его прислали вести переговоры с вражеским военачальником...

Военачальник, обыкновенно, ловится на эту удочку: принимает вашего посланника, который оказывается лишь ловким гипнотизером. Полчаса глаз-на-глаз — и остальное ясно: вражеский начальник приказывает своей армии сдаваться, отдает свои пушки, провиант и сам попадает в плен. Конечно, никому и в голову не придет, что это дело рук загипнотизированного его вашего посланника.

МОРСКОЙ БОЙ.

Принцип всякой морской кампании — это вывести из строя, как можно больше неприятельских судов.

Вот способ, который почти всегда удается: узнав тот фарватер, в котором крейсирует не-

приятельская эскадра, — вы выбираете самое глубокое место и насыпаете на дно громадную землянную гору, чуть-чуть выдающуюся из воды...

Вообразите же удивление броненосца, когда он, идя на всех парах по известному на картах глубокому месту, вдруг со всего размаху налетает брюхом на мель.

САМЫЙ ХИТРЫЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

Вы изобретаете пушку, ядро который летит несколько десятков тысяч верст по прямой линии, не останавливаясь, и продаете с самым невинным видом через подставное лицо — это ужасное изобретение неприятелям.

Они не замечают той страшной ловушки, которую вы им готовите и, устроив такую пушку, стреляют в вас. Ядро преспокойно полетит, огибая весь земной шар, возвращается с противоположной стороны на старое место и бьет несчастных артиллеристов прямо по затылку.

Вообразите же их удивление, когда и т. д.

СРЕДСТВО ПРОТИВ АЭРОПЛАНОВ.

Существует мнение, что борьба с вражеской воздушной эскадрильей совершенно невозможна.

Но и тут умный полководец может найтисъ.

Как известно, у всех неприятельских пилотов есть подробные карты вашей страны, в которых указаны местоположение городов, лесов и направление рек.

Что же делаете вы?

Да очень просто: стоит только вам перевести города совсем в другое место, выдернуть с корнем лесные деревья и вкопать их на место городов, а русло рек отвести совсем в другую сторону. Что же получится? Ясно: неприятель покрутится, покрутится, полетает, полетает да и плюнет на все это дело.

Вернется на свои позиции и заявит начальству:

— Мы ничего не понимаем. Очевидно, это совсем другая страна, с которой мы не воюем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вот те несколько военных приемов, применяя которые, молодой полководец всегда выигрывает войну.

Но, конечно, еще с большей уверенностью можно гарантировать полководцу выигрыши вой-

ны, если все предлагаемые мною вышеизложенные приемы будет применять не он, а неприятель.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ. (Как составлять смесь.)

Всякому из вас, друзья мои, приходилось встречать в журналах и газетах такой отдел, который носит название:

— «Смесь».

В этом глубоко интересном отделе вы встречали, вероятно, помимо научных сведений, — много разных полезных советов: «как вскипятить в игральной карте воду», «как лечиться от укуса гремучей змеи», «лучшее средство против тайфуна» — одним словом, на все случаи жизни человеческой, в отделе «Смесь» предусмотрительно даются советы.

Всякий читатель наизусть знает: «как склеивать разбитый фарфор», «способ изготовить самому себе карманные часы», «приготовление молока из вишневых косточек» и прочее...

И, тем не менее, в «Смеси», в отделе полезных советов — я наблюдаю колossalный пробел...

Нигде не сказано:

— Как изготовить самому себе «Смесь»!

Иногда семья ваша, или ваши знакомые, хотят почитать отдел «Смеси», а под рукой нет журналов или газет, а если и есть, то без отдела «Смеси», или с отделом, но неинтересным или затасканным.

Вот в этом случае мои советы: Как самому себе изготовить «Смесь» — могут быть прямо таки драгоценны.

Все, что я приведу ниже — основано на собственном опыте (первые шаги моей литературной деятельности были, — именно, составление «Смеси» для еженедельных журналов и газет), а также на многочисленных наблюдениях...

Вот оно, значит, как!

«Смесь» можно разделить на следующие отделы: 1) Вообще, научные сведения; 2) Этнографические штришки; 3) Удивительные курьезы природы; 4) Статистика; 5) Успехи техники; 6) Об американских миллиардерах; 7) Еще об умных животных; 8) Странности великих людей, и, наконец, — 9) Полезные советы.

ВООБЩЕ, НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

Если вы хотите надолго приковать внимание читателя к вашей скромной заметке, вы просто пишите:

— Один ученый в штате Миссури (Арканзас) по имени Пайкрафт, открыл удивительное свойство серебра: терять вес, если его покрыть особым составом из двуххлористого гелия ($h4\text{ G} — 7\text{Do}$) и цинковой обманки (проц. обманки в цинке — пока секрет ученого).

Обмазанная этим составом серебрянная монета настолько теряет свой вес, что может быть помещена в воздухе на любой высоте.

Этим любопытным открытием заинтересовались многие научные авторитеты штата Иллинойс.

Нечего и говорить, что новооткрытое свойство этого металла произведет целый переворот в текстильной промышленности.

Перед вами — заметка, составленная вполне скромно, научно (химическая формула, ссылка на авторитеты и указания на переворот в текстильной промышленности).

Конечно, всякий, кто прочтет заметку, призадумается... Открытие, действительно, интересное, полное заманчивых перспектив.

Вы мне возразите, что читатель, прочтя заметку, может попробовать проверить на опыте это открытие? Это невозможно!

Во первых, в заметке предусмотрительно скрыт проц. цинковой обманки, а во вторых, его сразу испугает такая сухая научная формула — $h4\ G = 7Do$.

Вообще, эта заметка, если в нее вчитаться, составлена очень предусмотрительно: ученый живет в штате Миссури, и, если бы кто нибудь даже заинтересовался открытием, то ехать для этого в Америку, отыскивать ученого Пайкрафта, лишь на основании пустякового сообщения в отделе «Смесь» — было бы безумием.

Если такой сорт заметки все таки вам почему либо не нравится — можете изготовить другую... Например: «Свойство некоторых пород ясеня растворяться в воде, насыщенной азотно-кислыми соединениями аммиака, открыто профессором Бруком — лауреатом Кентуккийской высшей школы (штат Кентукки)».

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ШТРИШКИ.

Тут вам дается полный простор.

Вы можете описать свадебные обычаи на островах Спасения, или на острове Тристан д'Акунья. Можете привести даже самые нелепые обычаи: в день свадьбы, например, жениха обваривают кипятком, после чего он, по туземному поверью, будто бы горячее любит жену, а невесте вырывают передние зубы и вставляют их на место глаз (символ верности. — Отметить полный контраст дикарской психологии с культурным русским поверью: «возьмите глаза в зубы»). Можете добавить, что празднование свадьбы продолжается пять месяцев, и на свадьбе все приглашенные с аппетитом едят белую глину, смешанную с листьями араукарии (туземное лекарство).

Эта заметка тоже совершенно безопасна в смысле достоверности. Ни один из ваших читателей не устроит себе такой свадьбы, а дикари островов Спасения, или Тристан д'Акунья, не будут писать писем в редакцию с опровержением, потому что ваше издание едва ли попадет к ним в руки.

Дело кончится тем, что читатель, прочтя заметку, вздохнет и скажет жене:

— Смотри, Маруся, какие есть ужасные обычай! И чего только на свете не делается. Как все премудро устроено Создателем.

Вы его заставили призадуматься! Он уже философствует! В этом ваша заслуга.

Боже вас сохрани сообщать сведения о каких нибудь мюнхенских или кавказских свадебных обычаях. Легко может случиться, что читатель там был и, поэтому, обругает вас лгуном и мошенником.

Этого — избегать.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ ПРИРОДЫ.

Здесь вы можете не заезжать в Американские штаты. Опытные составители «Смеси» ограничиваются обыкновенно Венгрией.

Почему Венгрией — мне доподлинно неизвестно. Но это любопытный штрих в психологии составителей «Смеси».

Именно, в деревушках Венгрии рождаются все младенцы с тремя головами, все одноглазые телята и зебровидные жеребята, а на венгерских огородах произрастают картофелины, формой напоминающие группу детей, идущих в воскресную

школу, или памятник Виктору Эммануилу в Риме, или просто машинку для стрижки волос.

Если же вы, из за совершенно неуместной добросовестности, не захотите выдумывать — то и тут можете сообщить факты, хотя и достоверные, но для поверхностного взгляда кажущиеся ошеломляющими.

Например:

«В одной из деревень Восточной Венгрии, у крестьянки родился удивительный ребенок: он имеет две головы, четыре ноги, четыре руки, два туловища и два сердца. Любопытно, что туловища эти — несросшиеся, равно, как и другие части тела».

Кажется, любопытно? А, ведь, тут говорится о самых обыкновенных двойнях.

Или:

«Игра природы. Один венгерский крестьянин (Западная Венгрия) нашел на огороде картофелину, очень напоминающую по форме лошадь с всадником, только без ног, без рук и без головы. Заметна только шпора на ноге всадника».

Согласитесь — курьезно! А, ведь, самая обыкновенная картофелина может подойти под это определение.

Вообще, с Венгрией стесняться нечего... Я своими глазами читал заметку (кажется, в приложении к «Ниве») об одном венгерском мальчике, у которого на лбу из прыщика выростало каждые шесть месяцев перо — не сказано, птичье или стальное, — которое потом отпадало на радость родителям. В заметке, конечно, было сказано, что многие ученые заинтересовались этим феноменом (еще бы!).

В заключение, замечу, что в Венгрии иногда рождаются дети, форма головы которых напоминает кирпич, в графстве Сюррей (Англия) изредка появляется девочка, которая может говорить ухом (редкий случай перемещения голосовых связок), а в штате Небраска (Америка) любопытствующие могли бы найти доктора, под названием «человек-термометр», или человек-зебра, или просто «обжора Дик».

Все это приковывает внимание читателя.

СТАТИСТИКА.

Статистика — наука точная, и, поэтому, здесь нужно с фактами обращаться особенно осторожно. Остерегайтесь придумывать стати-

стику вооружений европейских стран, или сравнительную таблицу ввоза и вывоза.

Это все уже известно и без вас.

Если вы все таки соблазнились отделом статистики, — сообщайте следующие безобидные сведения:

1) «По статистике, потребление Норвегией соли равняется трем пятым потребления этого же продукта Персией».

Или:

2) «Количество раздавленных автомобилями на парижских бульварах в текущем году превысило на 20 проц. таковых же — за прошлый год. Вот он современный Вавилон, Молох, пожирающий свои жертвы»!

3) «В Австралийских колониях в 1891 году насчитывалось слепых 1327 человек».

Это, правда, читателя не увлекает, не будоражит, но статистика, ведь, вообще, скучная, сухая вещь.

УСПЕХИ ТЕХНИКИ.

«Один ливерпульский механик изобрел машину, которая сама сеет лен, поливает его, выращивает, снимает с поля, очищает, сучит нитки, ткет

льняную материю и сама же снашивает ее; льняное же масло, добываемое машиной из семян, идет на смазку частей машины».

Ясно, что этот ливерпульский механик — просто дурак. Кому нужна такая машина?! Но читатель не будет задаваться таким вопросом. Его внимание привлекает просто сложность такой удивительной машины.

Если хотите быть вполне научными, напишите что-нибудь об X—теории или радио (броненосец в 18,000 тон можно, по словам ученых, приводить в движение одним миллиметром радио; или: «радио, как средство от бессонницы»).

Остерегайтесь писать что-нибудь о рентгеновских X-лучах. Они вышли из моды.

Потому что «Смесь» имеет свою моду, свою этику, свои законы.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ МИЛЛИАРДЕРАХ.

Этот отдел распадается на такие ясно очерченные подотделы:

а) Карьера миллиардера. (Миллиардер Джон Гуд был сапожным подмастерьем или продавцом сигар в разнос, или угольщиком. Но, скопив немного денег, он открыл небольшое дело;

его ум и предприимчивость сделали то, что и т. д.).

б) Пожертвование миллиардера Карнеджи на... (можно писать на что угодно — в зависимости от вкусов и наклонностей пишущего).

в) Причуды миллиардера. — Главным образом — устройство специальных обедов...

Например — «тигровый обед».

Пишется так: На днях, Пятое Авеню было позабавлено оригинальным «тигровым обедом», устроенным королевой пуговиц, мистрисс Адью Снобс. Обед происходил в громадной тигровой клетке, устроенной из железных прутьев... Все обедающие лежали на тигровых шкурах, а лакеями были настоящие индуссы шикари (охотники за тиграми); ели сырое мясо, терзая его зубами. Одеты все обедающие были в полосатые костюмы; из драгоценных камней допускался только тигровый глаз. На стене висела карта реки Тигр. Оркестр играл старинный романс «Тигренок».

Конечно, то, что вы выдумали — очень глупо, но ведь и выдумки американских миллиардеров особым остроумием, вероятно, не отличаются.

В крайнем случае, обругают, и то не вас, а американцев. И поделом.

Можете описать, если хотите: «Людоедский обед», «Жемчужный обед», «Обед убийц» и «Собачий ужин».

ЕЩЕ ОБ УМЕ ЖИВОТНЫХ.

«Еще» — значит, уже многое об уме животных писалось: таким образом нужно что нибудь экстравагантное.

Никто вам не мешает рассказать о диковинной собаке, живущей в бассейне реки Ориноко (пойди-ка, поищи!). Собака эта очень недурно пишет масляными красками и недавно написала такой схожий портрет хозяина, что многие учёные заинтересовались ею (ученые обязательно должны интересоваться такими вещами); эта же собака поворачивает зубами электрические осветительные кнопки, когда ее сажают в темную комнату, и недавно исправила даже испортившийся электрический звонок.

Скажете — невероятно! Самый простодушный читатель не поверит?.. Пове-е-ерит!

Вот что написал я однажды, в отделе «Смесь» (в одной харьковской газете): «Еще об

уме слонов». В гамбургском зоологическом саду содержался слон Джипси — общий любимец... Недавно он заметил, что несколько дней подряд к нему подходил грустный бедно одетый симпатичного вида незнакомец и, лаская его, кормил вкусными булками. Но однажды он пришел еще более грустный и похудевший; пошарив по карманам, он вздохнул и отвернулся. Сердце слона разрывалось от жалости. Но в это время к друзьям приблизился какой то незнакомец жестокого вида и стал кричать на печального господина, показывая ему белую продолговатую бумагу; нужно ли говорить, что это был вексель симпатичного господина, которому (векселю) наступил срок. Бедняк печально смотрел на вексель, предвидя разорение, но — слон мигом сообразил, в чем дело... Протянул хобот, выхватил из рук заимодавца вексель, и в один миг... с'ел его! Нужно-ли говорить, что все окончилось ко всеобщему благополучию, и обезумевший от радости должник долго ласкал своего спасителя».

Кажется — невероятно? А я даю честное слово, что восемь провинциальных газет напечатали этот вздор с самым серьезным видом; одна даже поместила «Случай со слоном» в отделе телеграмм от собственного корреспондента.

В заключение, позволю себе рассказать следующий характерный случай: «У одного акцизного чиновника (штат Калифорния) была собака — пудель Тобби. Собака все время слышала, как хозяин плакался на бедность и говорил:

— О, если бы у меня были деньги в банке!

И, что же! Однажды, когда ее послали в мелочную лавочку за сигарами (она часто это проделывала), собака прибежала в лавочку, прыгнула на прилавок, схватила какой то предмет и помчалась к хозяину.

Каково же было всеобщее удивление, когда она принесла к ногам хозяина стеклянную банку из под леденцов, в которой лежали деньги ей хозяином на сигары деньги!

Умная собака, слышала разговор людей, и устроила так, чтобы у хозяина были «деньги в банке».

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ.

Пишите смело:

«У всех великих людей были свои странности: Россини мог творить только, держа ноги в холодной воде, Вольтер писал, нюхая испорченные яблочки, Веласкез надевал тесные ботинки, а Напо-

леон все письма писал на барабане, держа правую руку за бортом сюртука, а левой размахивая в такт».

Ничего, если вы Россини заставите нюхать испорченные яблоки, а Вольтеру наденете тесные ботинки — мертвые не говорят.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Давайте только радикальные советы, и вы заслужите внимание читателей. Умный человек может дать совет на всякий случай жизни.

Например — пятно на скатерти.

«Нужно взять скатерть и слегка помочь запятнанное место рисовой водкой; потом присыпав тальком, вынести скатерть на улицу и положить около дома на троттуарной тумбе. А самому — уйти домой... Не пройдет и получаса, как пятно исчезнет».

Составленные советы обратят внимание читателя и вызовут в нем интерес к печатному слову.

* * *

Вот и все.

Читатель видит, что с помощью этих деловых практических советов всякий может на дому приготавлять какую угодно «Смесь» для своих домашних и знакомых — не прибегая к дорого стоющей выписке журналов и газет, где все это может быть подано точно так же, если не хуже.

А я за это не хочу себе никакой награды, никакого памятника.

Несколько десятков тысяч золотых рублей, собранных почитателями по подписке, или скромная статуя на Невском проспекте, изображающая меня, — будут мне лучшими памятниками.

— — — — —

ПРИЛОЖЕНИЕ
к
ПАНТЕОНУ СОВЕТОВ
МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

ПАСХАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ.

ВВЕДЕНИЕ.

О, лучший из праздников, когда колокола, сладко волния сердце мелодичным и гулким звоном — будят в душе грустные ласковые воспоминания о былом, о празднике пышной весны, когда ароматные почки на деревьях радостно распускаются... впрочем, им хорошо распускаться, когда никаких расходов они не несут, а мы, люди, и тому должны заткнуть глотку и этому, да подарки разные, да «на - чай»... И что это еще такое за «на - чай»?! Один разврат. И без чаев хороши будут.

Об ароматных почках, да и мелодичных колоколах это у меня к слову пришлось, а, вообще, я человек деловой и подхожу к пасхальным вопросам с утилитарной точки зрения...

Цель моя — научить читателей, как по христиански, но безубыточно отпраздновать Пасху,

когда колокола мелодичным звоном будят в душе... — впрочем, об этом я уже говорил. Ни к чему это все. Главное — практичность. Вот, например:

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ.

Жену имеете? И детей? И кухарку?
И напрасно. Не такое теперь время, чтоб на
своей шее всю эту публику держать.

Но раз глупость уже сделана — нужно подумать — как же выйти из этого положения? Жена-то, небось, спит и видит бриллиантовое колечко, да и детишки, как молодые крокодилы, пасти пораскрывали на ящик с красками или на собрание сочинений Жюля Верна. А кухарка уже целую неделю страшно щелкает крепкими зубами, предчувствуя впереди сарпинку на кофточку.

Сарпинку тебе? О душе нужно подумать, матушка!

Для того, чтобы избежать всех этих расходов, хозяин должен обзавестись сущими пустяками: одним анонимным письмом, изготовленным собственными средствами, одним дохлым мышенком и надтреснутым бракованым блюдом, которое за гроши можно купить в любом посудном магазине.

И вот, скажем, приходите вы в Страстную пятницу домой к обеду с дохлым мышенком в одном кармане, с анонимным письмом в другом и с треснутым блюдом, завернутым в бумагу -- под мышкой.

— Обедать! — радостно кричите вы. — Обедать! Я голоден, как волк... А я сегодня, друзья мои, по случаю купил чудную замечательную вещь — старинное блюдо Императорского фарфорового завода. Цены нет этому блюду! Ну-ка, Миша, разверни.

Ваш сынишка доверчиво начинает распутывать накрученную вами бичевку и снимать с блюда несколько слоев бумаги...

— Развернул? Ну-ка, полюбуйт... Это что такое?! Почему трещина?! Разве тебе можно поручать что нибудь, паршивец этакий!!! Расколол!!!...

Орите во все горло:

— Нежная старинная вещь!! Пятьсот рублей стоит, а ты, как ломовик набросился. Разве я тебя для того рожал, чтобы ты мнё блюда бил... Сегодня блюдо разбил, завтра всю посуду перебьешь, а после-завтра отца начнешь бить... Это что?! Слезы?! Вон из-за стола!! Блюдо пол-

торы тысячи стоит, а он своими копытами...
Вон! (эквивалент ящика с красками и Жюля
Верна, глядишь, и в кармане остался).

Если жена кротко запротестует — орите
дольше:

— У людей дети, как дети, а у нас... На
кого же я, спрашивается, работаю, минутки сво-
бодной не имею?! Вот, например, утром еще
получил письмо — до сих пор пяти минут не имел
— прочесть! Ты позволишь, милая?

— Читай, — кротко говорит жена. — Какие
там церемонии.

Вы извлекаете из конверта анонимное пись-
мо и начинаете громко читать:

«Здравствуйте, обманутый дурак! В то вре-
мя, как вы заботитесь о семье, хлопочете —
ваша жена дарит своей благосклонностью дру-
гого... Спросите у нее — у кого она была поза-
вчера и почему ея головные шпильки очутились
на подзеркальнике известного дон-жуана Про-
биркина?! Прощайте, тупой осел!»

Жена, конечно, заплачет, но... ничего. Жен-
ские слезы, как говорится, вода, а колечко так и
останется торчать в витрине ювелира. Вот вам
и экономия!

Наконец, подают суп. Пользуясь тем, что жена продолжает рыдать в салфетку, выньте дохлого мышонка и подсуньте его в свою тарелку...

Орите:

— Что это?! Мертвое животное в супе?!! Чумная крыса?! Отравить нас хотят?! Аксинья!! Поглядика-ка!.. Надеюсь, сама понимаешь...

И меркнет, тухнет в пылких кухарочных очах долгожданная сарпинка...

До сарпинки ли тут, когда барина колесом от ярости скорчило.

* * *

Если же вы по доброте душевной считаете эти остроумные приемы жестокими — то так и быть, сделайте своим домашним такие подарки: жене — коробочку хороших сигар, или бритвенный прибор, сынишке лампу для гостиной или матери на халат, а кухарке — собрание сочинений Эмиля Золя. Не знаю, как им, но вам — эти подарки доставят тихую радость...

УСТРОЙСТВО ПАСХАЛЬНОГО СТОЛА.

О, сколько красоты и поэзии в праздничном столе, накрытом белоснежной скатертью!..

Сколько дразнящего, будящего аппетит в этих группах разноцветных водок и вин; каким дьявольски соблазнительным топазом сверкает мартелевский коньяк, как сочно и плотно лежат в коробке ле-маршановские сардины! А этот огромный запеченный окорок, украшенный курчавой разноцветной бумагой, с румянной коркой, художественно утыканной черненькими пятнами гвоздички?! А эта зернистая икра, свежая, пахнущая морем в круглой большой жестянке?! Да-с! Хорошо-то оно хорошо, а пойдите, купите — без рубашки останетесь.

А разве визитер оценит? Он думает — все это так и полагается! По моему, достаточно ему рюмки водки и куска вареной колбасы. Пусть и за это будет благодарен...

А стол, все таки, украсьте, как у людей.

Делайте же это так:

В ина. Поставьте несколько запечатанных бутылок (можно взять в магазине напрокат), достаньте пустую бутылку из под коньяку, налейте ее чаем и поставьте на видное место. Других же вин не откупоривайте — ради Бога! Потому — визитер твердо помнит правило: раз вино откупорено — его надо пить. И водки выпьет — хороши будет.

Окорок. Срежьте с окорока все мясо, спрячьте его подальше, покройте мастильгу кожей, — пусть стоит.

Сардины. Металлический язычек, что торчит в одном углу коробки — незаметно подпишите напильником.

Яйца. Вымажьте их красными и черными ализориновыми копировальными чернилами. Рекомендую: дьявольски линяют.

Зернистая икра. В пустую коробку из под икры налейте доверху жидкого столярного клея. Плотно закройте крышкой. Дайте высохнуть.

Вот и все предпраздничные хлопоты.

Теперь — предположим, пришли визитеры...

Вы (радостно):

— А-а, гости дорогие! Христос Воскресе! Воистину! Ну, не грех и закусить, чем Бог послал... Вам чего прикажете? Водочки?

— Нет, уж, знаете, я коньяку...

— Пожалуйста!! Настоящий Мартель, (берете в руку, смотрите на свет. Любовно подбрасывая как ребенка, нечаянно роняете на пол с расчетом, чтобы бутылка разбилась... (Ах, чорт

возьми! Какое несчастье! Что ж теперь делать?
Придется уж водочки. Закусите пожалуйста.
Ветчинки?!

Режьте, господа, сами, не стесняйтесь, будьте
как дома! Что?... Одна кость там? А! это до
вас Петр Иванович был — так он, тово... Хе-хе...
Весь окорочек усидел. А, может, яичек? Не хо-
тите? А вот сардинки. Сейчас открою! Где
ключ? ...Тр-рах!!

— Эх, неудача. Язычек сломался. Теперь
как ее откроешь, проклятую... Икры вам пред-
ложить, что ли? Открывайте банку, наклады-
вайте столовой ложкой! Что? Плотно закрыта?
А вы покрутите... Нет? Что? Не открывается?
Гм... Разве в теплую воду поставить, может
отойдет через часик крышка. А пока — кол-
баски рекомендую — дивная колбаса! Трипль —
сек. За ваше здоровье!..

Уже уходите? Ну — всего вам, всего всего
хорошего. Спасибо, что не погнувшись хлебом
— солью.

Прилично вышло? Прилично. Дешево. Ну
так чего ж вам еще?!

КАК ИЗГОТОВИТЬ ДЕШЕВЫЙ СЫТНЫЙ ОБЕД.

На праздники хочется пообедать особенно вкусно и особенно сытно.

Как же изготовить себе наиболее дешевый и наиболее вкусный обед?

Вот один из самых приемлемых способов, которых не найдете ни в одной поваренной книге...

Взять столовую ложку бензину. Взять чистенькую тряпочку. Взять свои брюки и сюртук. Почистить их. Накрыть сверху шляпой. Пойти к знакомым, которые еще не читали моих советов. Норовить попасть к обеду. Будете есть:

Куриный бульон
Пирожки.
Отварную лососину
Соус тартар.
Жареных цыплят
Салат.
Спаржу.
Суфле яблочное
Кофе, вина, водки, ликёры.

Правда, вкусно?

КАК С'ЭКОНОМИТЬ НА ЧАЕВЫХ.

На первый день праздника, едва вы откроете сонные глаза — как к вам нагрянет вереница поздравителей с недвусмысленным выражением, начертанным на лице кистью великого мастера: дай, собака, на чай.

Придут: три дворника, швейцар, трубочист, прикасчик из бакалейной лавки, человек, который в прошлом году выводил у вас тараканов; почтальон, шоффер, переехавший вашу тетку; неизвестный, которого вы на Страстной неделе били в биллиардной кием; ловец бродячих собак.

Как же с ними со всеми устроиться наиболее прилично и экономно?

Существует до сих пор только два способа, наиболее практических и радикальных:

- а) Уехать перед праздниками в Аргентину.
- б) Заболеть сыпным тифом.

В этом случае ничего другого для вас придумать не могу

ИСКУССТВО РАССКАЗЫВАТЬ АНЕКДОТЫ.

Истинно светские люди могут иметь успех в обществе и свете — помимо всех других качеств — только в двух случаях: или когда они хорошо рассказывают анекдоты, — или — когда они анекдотов совсем не рассказывают...

Насколько хороший анекдотист пользуется шумным, заслуженным успехом, насколько обществоfigурально носит его на руках — настолько же плохой бездарный претендент на «анекдотский престол» видит кругом плохо скрытое отвращение и тоску, настолько общество, выражаясьfigурально — топчет его ногами!

Существует старинное распределение рассказчиков анекдотов на четыре категории:

1) Когда рассказчик сохраняет серьезное выражение лица, а слушатели покатываются со смеху...

2) Когда смеется и сам рассказчик, и слушатели...

3) Когда рассказчик за животики держится от смеху, а слушатели, свесив головы, угрюмо молчат...

4) Когда слушатели, вооружившись стульями и винными бутылками, хлопотливо бьют рассказчика.

Вот те поистине ужасные последствия, которые могут обрушиться на голову плохого рассказчика. В американской газетной хронике (штат Иллинойс) был по этому поводу рассказан поистине леденящий душу факт: компания вакеросов, выслушав под ряд семь отвратительных тягучих анекдотов, так освирепела, что схватила рассказчика, облила его керосином и подожгла, выплясывая вокруг него веселый джиг; потом обгоревшего неудачника вакеросы купали в реке, а потом, зацепив за шею веревкой, долго волочили при свете факелов по городским улицам, и разбуженные шумом матери поднимали с постелек своих детей и подносили их к окнам — со словами: — «Глядите, детки — вот вам пример: никогда не рассказывайте глупых старых тягучих анекдотов. А то и с вами будет то же, что с этим куском жареного мяса!

И — наоборот.

Пишущий эти строки знал одного молодого человека, ничем особенно не отличавшагося, кроме искусства замечательно рассказывать анекдоты (см. первую категорию рассказчиков). И что же?! Все женщины города ласкали и целовали его, мужчины угощали водкой и папиросами лучших фабрик, а начальство повышало его по службе так, как в 1923 году повышался доллар в Германии. Однажды, рассказывая в поезде какой-то уморительный анекдот, он свалился с площадки вагона под колеса и ему отрезало обе ноги, за что железная дорога уплатила счастливчику огромную премию, и он прожил свой век в богатстве и роскоши, окруженный любовью и почитанием современников.

* * *

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила своего изящного искусства.

- 1) Анекдот должен быть краток.
- 2) Блестящ по передаче.
- и 3) В конце — неожидан.

Самое главное — пункт первый (краткость).

Длинный анекдот напоминает Эйфелеву башню, на которую вас заставили взобраться пешком, без лифта... С самой верхушки башни видно, может быть, очаровательный, но вы так устанете, взираясь, что вам и на свет Божий глядеть противно.

Затем — ненужные, неимеющие к анекдоту отношения — подробности — могут довести слушателей до молчаливой ярости, до преступления.

Пишуший эти строки слышал один анекдот в передаче директора департамента народного здравия.

— Вот я вам расскажу хороший анекдот, — пообещал он. — Дело было в небольшом торговом городке. Городок был, как я уже сказал, не большой, но оживленный. Потому что стоял он на берегу Волги и там перегружали муку, соль, ну, конечно, лес тоже сплавлялся... Население, преимущественно, торговое. Поэтому, в городке была пропасть трактиров и в этих трактирах целый день толокся торговый люд, попивая чай, пиво и водку. Так вот — в один из таких трактиров — не помню, как он назывался — не то «Китай», не то «Большая Парижская Гостиница» — в один из таких трактиров пришел подпивший купец. Ну, вы сами знаете, русская ду-

ша — разгулялся, потребовал еще водочки, закусочки, селяночки на сковородке с осетриной. Ест, пьет, а над ним в клетке в окне заграничная канарейка поет, заливается. Ну, так-с. Слушал ее купец, слушал, — пришел в восторг. Потому — вы же знаете — канарейки иногда очень хорошо поют. Недаром даже Канарские острова по их имени названы. Вот послушал он эту канарейку и зовет слугу. Слуга прибежал — этакий русский молодец, румянец во всю щеку и волосы подстрижены в скобку. «Что прикажете?» — «Сколько стоит канарейка?» — «Триста рублей». — «Зажарь мне ее в масле». Слуга видит, что купец богатый, значит, может заплатить за свою причуду — беспрекословно снял канарейку, снес на кухню, зажарил. Приносит. «Готово». — «Отрежь на три копейки».

Присутствующие вежливо посмеялись, полагая, что директорский анекдот окончен. Но директору жаль было разстаться со своим длинным, как пожарная кишка, анекдотом.

Пожевал губами и продолжал:

— Да... «Отрежь, говорит, на три копейки». Тот поднял крик: «Как так?! Неужели, зря дорогую канарейку загубил?!» — «Что ты кричишь, чудак... Мне надо только на три копейки!...»

Ну, конечно, шум был, скандал. Полицию позва-
ли. Кажется, протоколом кончилось, Ну, купец
дал околодочному — не помню — не то десять,
не то пятнадцать рублей...

Все изступленно молчали, а один из слуша-
телей тихо вышел в переднюю, отыскал дирек-
торское пальто и сигарой прожег на спине пре-
огромную дыру.

Кто упрекнет его за то, читатели?!

* * *

Вот как не надо рассказывать.

Излагайте анекдот, приблизительно, так:

В двери шикарной кондитерской просовы-
вается чья-то голова: «Скажите, есть у вас сво-
бодный хлеб с цукатами и миндалем?» — «Есть,
есть, пожалуйте». Протискивается вся фигура.
Снимает шапку, жалобно: «Подайте хлебушка
Христа ради, бедному. Три дня не ел!»

Или: — «Цедербаум, это совершенно неудоб-
но: весь город говорит, что Кегельман живет с
вашей женой!» — Муж: «Э! Подумаешь какое
счастье! Захочу — так я тоже буду жить с
ней!...

Или: — Яша, чего ты за щеку держишься?» — «Понимаешь, один шарлатан хотел ударить меня по морде!» — «Так он же только хотел! Чего ж ты держишься?» — «Так он уже ударил!» — «Чего ж ты говоришь — «хотел?» — «Ну если же бы он не хотел, он бы не ударил!»

Или:

«На парижском аэродроме к пилоту подходят два еврея: «Послушайте! Вы сейчас в Лондон летите. Возьмите нас». — «А вы — кто такие?» — «Так себе, обыкновенные евреи.» «О-о, евреи!.. Низанто не возьму. Евреи — такой темпераментный народ, что начнут кричать, за плечи меня хватать — еще катастрофа будет.» — «Но, мы не будем кричать, ей Богу! Абраша, правда, не будем?» — «Ей Богу, говорит Абраша, не будем!» — «Ну, я вас возьму, но с условием: за каждое сказанное слово — вы платите мне фунт стерлингов! Согласны?» — «Абраша, ты согласен?» — «Согласен!» Сели. Полетели. Прилетели в Лондон, пилот спустился, слез, мотор осматривает. Подходит к нему один из пассажиров: «Теперь уже можно разговаривать?» «Теперь можно.» — «Абраша в воду упал!..»

А начните вы, передавая эти анекдоты, описывать место действия, наружность и возраст

действующих лиц, и анекдот уже погиб, завял, покрылся скучной пылью!...

Нет ничего трагичнее рассеянных забывчивых рассказчиков...

— Вот — расскажу я вам анекдот... Было это в тысячу восемсот девяносто... Нет! В тысяча девятьсот... девятьсот?... Постойте!... В каком же году это было?...

— Да не важно! Кричат слушатели. — Дальше!...

— Ну-с. Был в городе Елабуге один еврей... нет, не еврей. Армянин, кажется? Или, что ли? По фамилии... гм. Как же его фамилия? Гм! Дай Бог памяти...

— Не важно! Дальше!! — ревут слушатели.

— И поехал этот мужичек пароходом... Нет!! Позвольте... не пароходом, а пешком он пошел...

— Аэропланом!!!

— Нет, тогда еще аэропланов не было. Встречается со старухой NN. Впрочем, нет... Это было ее свадебное путешествие... Значит, молодая. Постойте!... Тогда почему же у нее зубов не было?.. Но этот же анекдот, кажется, построен... Или нет?.. Ах, да!..

За убийство такого рассказчика не судят, а выдают премию, как за удачное санитарное мероприятие...

А есть и такие рассказчики: начнет в обществе передавать что то вязкое, тягучее, а на половине вдруг вспыхнет, как маков цвет, и замолчит.

— Ну? Что же дальше?!

— Простите — дальше неприлично, я и забыл совсем.. А тут дамы.

* * *

Ужасная язва общества — так называемые «подсказчики анекдотов».

— Иван Петрович! Расскажите тот анекдот, который рассказывали на прошлой неделе... Вы так хорошо рассказываете...

— Какой анекдот?!

— Да помните, о том еврейском мальчике, который просил у учителя отпуска на завтрашний день, а когда тот спросил — «зачем?» — мальчик ответил: «Папа говорил, что у нас завтра дома пожар будет. Расскажите!»

Что тут рассказывать бедному анекдотисту?

* * *

Иногда можно рассказывать старый затрапанный анекдот, — но-смотря где. Если общество захудалое, провинциальное — можете перетряхивать в их присутствии всякое старье.

Но в изысканном, изощренном, насыщенном модными анекдотами кругу — остерегайтесь.

...За столом сидели шесть человек — три актера, два журналиста и адвокат. Я подсел к ним и принялся рассказывать анекдоты — все какие знал.

И после каждого анекдота, присутствующие вынимали из карманов белые платки и прикладывали к ушам концами, так — что все лица были окаймлены белыми платками.

В конце концов; я не выдержал и спросил:

— Что это значит?

— Это? Белая борода!

— Почему?

— Все анекдоты, рассказываемые вами, так стары, что имеют седую бороду!!!

Очень было обидно.

* * *

При выборе анекдота — нужно считаться с составом слушателей.

Есть анекдоты для барышень. Есть для дам. Есть специальные «мужские». Третью категорию иногда можно рассказывать второй категории, предварительно деликатно нащупав почву, но не дай Бог — обрушить третью категорию на головы благоуханной девственной первой категории.

Один негодяй при пишущем эти строки рассказал целому цветнику светских невинных, кротких молодых девушек такое:

— Молодому еврею из Житомира сват предложил житомирскую девушку в жены. «Она (говорил он) очень хорошая девушка — общая любимица». Познакомился с ней жених через свата, поехал в театр. Все друзья и знакомые, увидев их вдвоем, набросились на жениха: «Сумма вы сошли?! Что это за кампания для вас — с ней весь Житомир путался!» И побежал молодой человечек в ярости к свату... «Слушайте!!» — кричит — «Вы! Мерзавец! Кого вы мне сосватали?! Мне говорят, что с ней весь Житомир жил...» — «Э, вы скажите тоже», хладнокровно говорит сват — «уже и «весь Житомир!» В Житомире 50.000 жителей. Так считайте — половина жен-

щин. Из 25.000 — 10.000 детей. Потом 5.000 стариков, калек, нищих... остается 10.000... Так это, по вашему, — весь Житомир?!"

Слушательницы испуганно переглянулись, а я отыскал хозяев и сообщил им, что вышесказанный молодой человек украл из столовой две серебряные ложки.

* * *

Вот, читатель — мой тебе подарок.

Пытаясь занять общество анекдотами — всем вышеприведенным руководствуйся.

Тогда — процветешь...

СОВЕТЫ, как иметь успех у прекрасного пола.

Как часто видим мы очень интересных молодых людей красивых, изящных, но — увы! Эти молодые люди не имеют никакого успеха у женщин.

И, наоборот: не встречали ли вы рыжих, веснушчатых молодцов с кривыми ногами, расплющенным носом и заплывшими жиром глазами, которые (не глаза, а эти молодцы) — имеют среди прекрасного пола бешенный потрясающий успех?!

А почему? Очень просто: первые (красавцы) не знают, с какого боку подойти, как взяться за дело, вторые же (кривоногие) обладают этим священным даром в такой же степени, как Кубелик играет на скрипке.

И вот — я хочу пойти навстречу назревшим нуждам неопытных красавцев. Кривоногие-же пройдохи и без меня обойдутся. Им мои советы

не нужны. Они сами много чего могут мне посоветовать.

* * *

Вначале — маленькое разъяснение: я вовсе не хочу идти против священного писания, которое гласит:

— «Не пожелай жены ближнего твоего».

Что здесь главное? То, что он «ближний». Жёны ближнего и не желайте.

Но если жена в Кишеневе, а муж, скажем, во Владивостоке, то он уже делается дальним, и, значит, всякое нарушение священной заповеди отпадает.

Из этого, конечно, не следует, что всякий молодец, влюбившийся в замужнюю женщину, должен таскать под мышкой глобус и, осведомившись о местопребывании мужа, начать вслух расчитывать расстояние, тыча пальцем в разные места глобуса.

Это слишком наглядно, а всякое чувство требует тайны.

* * *

Влюбившись, вовсе не нужно моментально напяливать фрак, белый галстук, зажимать в мокрой от волнения руке букет цветов и, явившись к предмету своей страсти, преклонить перед ней колено, со словами:

— Ангел мой! Я не могу жить без тебя. Будь моей женой!!

— Что вы, помилуйте. Да ведь я замужем!

— Я вас разведу с мужем!

— Но у меня дети...

— Детей отравим. Новые будут.

Глупо и глупо. Женщина никогда не пойдет на эту примитивную приманку.

Вот, как сделайте: явитесь в сумерки с визитом к дорогой Вашему сердцу женщине, припудривши лицо и подведя глаза жженной пробкой, явитесь и, севши в уголок, замрите.

— Что это Вы сегодня такой грустный?.. — спросит хозяйка.

— Так, знаете. Нет, нет. Лучше не спрашивайте меня.

— Дела плохие?

— Что для меня дела. (Вздох). Я о них даже и не думаю.

— Вы что-то сегодня бледны...

— Ночь не спал.

— Бедный!.. Почему же?

— Вы мне снились всю ночь.

Даю слово, что самая умная женщина не обратит внимание на резкое несоответствие между первой фразой («не спал всю ночь») и второй — («Вы снились всю ночь»).

— Я Вам снилась?.. — задумчиво скажет она.

— Вот странно.

И довольно на сегодня. Конец. Маленькая, крохотная зацепка уже сделана. Уйдите, оставив ее задумчивой.

На другой день:

— Вы сегодня опять какой-то бледный... (Пудра «Клития» — замечательное вспомогательное средство для влюбленного человека).

— Бледный я? Гм... Отчего бы это? Может быть, потому, что опять плохо спал?

— Бедняга! А теперь кто вам снился!

— Догадайтесь... (В этом месте можно рискнуть взять ее за руку. Полагаю, опасности особой нет).

— Ну, как же я могу догадаться... (Врешь, милая! Уже догадалась. Иначе, зачем бы он взял тебя за руку?...)

— Не догадываетесь? Вы, такая чуткая, такая красивая...

Красота тут, конечно не при чем, но, — каши маслом не испортишь.

Скачите дальше:

— Вы... не догадываетесь? Вы, у которой сердце звучит, как Эолова арфа, под малейшим порывом налетевшего ветерка, Вы, у которой глаза, как зеркальная лазурь Лаго-Маджиоре, проникающая, как стрела в самую глубину сознания бедного больного человеческого сердца, бьющегося в униссон с теми тонкими струнами... которая...

Такой разговор требуется минут на шесть.

Ничего, что глупо. Зато складно. Тут тебе и Эолова арфа, и Лаго-Маджиоре, и униссон. Советую напирать не на смысл, а, главным образом, на звук голоса, на музыку.

Очень рекомендуется, не окончив фразы, нервно вскочить, махнуть рукой и, наскоро попрощавшись, уйти.

Это производит впечатление. А, кроме того, и из запутанной фразы выкрутитесь.

На третий день смело входите и говорите такую, на первый взгляд, странную фразу.

— Мэри! (Или Ольга, или Эльза). Что Вы со мной делаете?!

— А что такое? Что я с вами делаю?

— Посмотрите на меня: (не нужно забывать — еще в передней — смахнуть платком пудру с лица. Но — осторожно: жженная пробка под глазами может размазаться). Вы видите?!

— Да вид у вас не важный... Но разве я виновата?...

— Вы виноваты! Только вы. Вы приходите ночью к моему изголовью, и... и... я больше так не могу!!!

По общечеловеческой логике нужно бы ответить на это так:

— Чего вы ко мне пристали с вашим изголовьем? Мало ли какая ерунда будет вам сниться? Что ж, я за это должна и отвечать?!

Но... ни одна женщина не скажет так. Нужно знать женщину.

Она только воскликнет:

— Боже мой! Но разве я этого хотела?!.
Мне самой тяжело, что вы так мучитесь...

Слышиште? Ей тяжело! Она, значит, вам сочувствует. Она, значит, как говорят профессиональные рыболовы — «зациклилась на крючек».

В этом месте я подхожу к самому деликатному вопросу, о котором мне, при моей застенчивости, трудно и слово вымолвить.

Вы должны ее поцеловать.

Только, ради Бога, не сразу.

Не обрушивайтесь на нее, как глетчер, не рычите, как бегемот.

Тихо, деликатно, возьмите за руки. Приблизьте свои глаза к ее глазам (губы, как известно, покорно следуют за глазами — деваться им некуда). Ближе... Ближе... Загляните в таинственную бездну ее глаз.

И вот — в этой позиции сразу и не разберешь: вы ли ее поцеловали, она ли вас.

Конечно, дальнейших советов я не могу давать. Я слишком скромен для этого. Можете даже, поцеловав, пойти домой — и на этом успокоиться.

* * *

Знавал я одного человека, который всю рассказанную мною поэтичную процедуру невероятно упрощал. Именно, оставшись с женщиной

наедине, бросался на нее, точно малайский пират, и принимался ее целовать.

Я как-то спросил его возмущенно:

— Как можешь ты так по разбойничьи вести себя с женщиной? А если получишь отпор? Скандал?!

— Отпор бывал часто. А скандалу не было. Женщина предпочитает молча, без крику, отвесить пощечину.

— Ага! Значит, ты получал пощечины?!

— Ну, от женщины не считается. И потом на 100 женщин — только шестьдесят дерутся. Значит, я работаю в предприятии из 40%, чистых. Этого не приносят владельцам даже самые лучшие угольные копи или учетный банк.

— А вдруг жена пожалуется мужу?

— Побоится! Ты не знаешь мужей. Муж никогда не поверит, чтобы человек, ни с того, ни с сего — полез целоваться. «Ага, — скажет он. — Значит, ты перед этим кокетничала, значит дала повод?!» Нет, это штука безопасная.

Этот пример я привел для того, чтобы сказать, что я отношусь к такой манере ухаживать с отвращением. Я — поэт, и нахожу, что вся-

кое красивое чувство не должно быть оптовым — с исчислением процентов прибыли.

Как поэт — еще раз говорю: лучший прием для успеха, это — «вы мне снились». Долбите, как детям, пока не подействует.

* * *

Другой мой знакомый, как он сам выражался: «работал фарфором». Прием, по моему, тоже дешевый.

Однажды купил он на аукционе прескверную фарфоровую кошку и китайца, которого если ткнуть в затылок — он начинал мотать головой. С тех пор владелец этих вещей говорил всем дамам, на которых имел виды:

— Старинный фарфор любите?

Какая уважающая себя дама осмелится ответить «не люблю?»

— Люблю, — ответит она.

— Очень?

— Ах, ах, ужасно люблю!!

— У меня есть очень недурная коллекция старинного фарфора. Не хотите ли зайти осмотреть?

— Гм!.. Удобно ли это? Впрочем...

Часто дама, уже собираясь уходить и надеяясь перед его зеркалом шляпу, вспоминала:

— Да! А где же этот твой знаменитый фарфор?

— А вот там стоит. Ткни китайцà в затылок. Видишь, как забавно? Настоящий, брат, алебастр!

И долго еще после ухода парочки — китаец с задумчивой иронией качает видавшей виды головой.

Последний совет: женщина даже самая безкрайстная — ценит в мужчине щедрость и широту натуры. Женщина поэтична, а что может быть прозаичнее скрупости?..

Любящая женщина, которая с негодованием откажется от любой суммы денег, — ни слова не возразит вам, если вы купите ей билет в театр или заплатите за нее в кафе.

Один известный мне человек сразу погиб во мнении любящей женщины после того, как, расплачиваясь в кафе, стал высчитывать:

— Два стакана кофе с булочками — $3\frac{1}{2}$ марки. Ты пила белый кофе, я черный — зна-

ит, с меня на $\frac{1}{2}$ марки меньше. Да ты откусила своими очаровательными бельми зубками у меня кусок пирожного, приблизительно, одну треть, — значит, с тебя еще 20 пфеннигов. С тем, что я платил за тебя в трамвае — с тебя, царица души моей — 2 марки 35 пфеннигов.

Нужно ли говорить, что на таком пустяке этот идиот сломал себе шею, хотя и был красив, как бог!

* * *

Кстати, вы, может быть, спросите: а где же советы, как ухаживать не за дамами, а за девушками.

Этих советов я не могу дать.

Потому что за девушками не «ухаживают».

Им делают предложение и женятся.

После же женитьбы, молодой человек может прочесть мое руководство сначала.

И то, руководство это будет полезно не тому, который женился, а другому молодому человеку — постороннему.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Умение держать себя в обществе и на званом обеде	7
Советы начинающим полководцам	33
Хозяйственные советы	41
Пасхальные советы	59
Искусство рассказывать анекдоты	69
Советы, как иметь успех у прекрасного пола.	81

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Избранная проза в двух томах. 1917—1937.
С предисловием Иосифа Бродского.
- ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Собрание стихов. Париж 1927./*Переиздание.*
- НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА.** Подготовка текста,
введение и примечания В. Кабронского. Предисловие профессора
В. Раскина.
- АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.** Стихи о России. Берлин, 1922./*Переиздание.*
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923./*Переиздание.*
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Нездешние вечера. Стихи 1914—1920 гг. Петербург,
1921./*Переиздание.*
- АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.** Три книги: Нечистая сила. Дети. Пантеон
советов молодым людям. (*Рассказы*).

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

- РУССКАЯ ЛИРИКА.** Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака.
Сост. Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924./*Переиздание.* С новым
предисловием проф. Глеба Струве.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах.
Собрание сочинений Цветаевой включает в себя все опубликованные
при жизни поэтические произведения, а также ряд стихотворений
и поэм, опубликованных посмертно.
- ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ.** Крыса. Под ред. и с примечаниями Р. Врууна.
Факсимильное издание авторского сборника стихов.

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
799 Broadway
New York, N. Y. 10003